

**Администрация МО «Приволжский район»
Астраханская региональная общественная организация
Центр ногайской культуры «Эдиге»**

История и культура астраханских ногайцев

Астрахань, 2021.

**ББК [(63.3+71) (2Рос-
4Аст) (=632.7)я4
УДК [(94+008)(470.46)(5-512.1)
(082.2)
И 90**

Редакционная коллегия:

Э.Ш. Идрисов, президент АРОО Центр ногайской культуры «Эдиге»;
А.Д. Мусаев, учитель истории Татаробашмаковской СОШ;
Р.В. Ишмухамбетов, учитель истории СОШ им. А. Джанибекова
с. Растопуловка;
Л.З. Иргалиева, учитель истории СОШ №28.

История и культура астраханских ногайцев: пособие в форме сборника научных статей и очерков. Астрахань, 2021. Издательство ИП Григорян К.В. – 169 с.

ISBN 978-5-906461-49-0

Пособие в виде сборника, составлено из статей и очерков, посвященных истории и культуре астраханских ногайцев.

Издание предназначено для работников образования и культуры, а также для всех, кто интересуется темой истории и этнографии астраханских ногайцев.

Оглавление

Раздел 1. Вопросы истории и этнокультурной идентичности	
астраханских ногайцев	7
Викторин В.М. К этнической истории карагашей	7
Идрисов Э.Ш. Специфические особенности этнокультурного развития	
астраханских ногайцев	17
Идрисов Э.Ш. Социально-политическое и этнокультурное развитие	
ногайцев-карагашей в Астраханской губернии в конце XVIII-начале	
XIX вв.	21
Ишмухамбетов Р.В. Идентичность астраханских ногайцев-	
юртовцев..	35
Кидирниязов Д. С. Из истории взаимоотношений ногайцев с	
Астраханским ханством в XV-XVI вв.....	43
Курмансеитова А.Х. Абдрахман Умеров – ногайский просветитель. . .	48
Курмансеитова А.Х. Абдул-Хамид Джанибеков и его потомки	56
Раздел 2. Вопросы этнической культуры астраханских ногайцев	73
Грачева А.Р. Фольклорное наследие ногайцев-карагашей села Джанай	
Красноярского района Астраханской области	73
Иргалиева Л.З. Традиционные обряды жизненного цикла ногайцев-	
карагашей	81
Ишмухамбетов Р.В. Нематериальное наследие ногайцев-карагашей и	
пути его сохранения.....	93
Канокова Ф.Ю. Комплекс традиционной мужской одежды юртовских	
ногайцев XVIII-XX вв.	100
Канокова Ф.Ю. Комплекс традиционной мужской одежды ногайцев-	
карагашей XVIII-XX вв	104
Канокова Ф.Ю. Комплекс традиционной женской одежды ногайцев-	
карагашей XVIII-XX вв	110
Максутов А.К. Фотографии экспедиции В.И. Трофимова 1930 года как	
этнографический источник в изучении юртовских ногайцев	115
Мусаев А.Д. Трансформация родоплеменного сообщества юртовцев	
(карайле) в семейно-клановые группы современности	122
Мусаев А.Д. Земледельческая культура юртовских ногайцев.....	126
Сызранов А.В. Баба Туклес..	129
Таналиева (Байрамалиева) А.Д. Кулинарные традиции ногайцев-	
карагашей.	140
Шугаипов Р.А. Традиционная свадьба юртовцев Астраханской	
области	143
Раздел 3. Чтобы помнили. Воспоминания о деятелях этнокультурного	
движения ногайцев	146
Викторин В.М., Идрисов Э.Ш., Сызранов А.В. Знатоки языка и	
культуры ногайцев Поволжья	146
Джалмуханбетова Т.Х. О Равиле Джуманове	149
Ильясов З.Х. Джанибековские чтения	152
Ильясов З.Х. Сорок первый батыр	157

Тельманбетова Р.У. У истоков «Бирлик»	161
Тельманбетова Р.У. Роза Баубекова	164
Тельманбетова Р.У. Галимжан Нургалиевич	165
Тельманбетова Р.У. Оставил след на земле	166
Сведения об авторах.....	168

От издателей

Вопросы изучения ногайского населения Астраханской области имеют уже сложившуюся современную историографию. Правда на данный момент нет обобщающего труда по истории и этнографии астраханских ногайцев, но имеется достаточное количество тематических исследований в виде научных статей, а также обширная источниковая база в Научной областной библиотеке им. Н.К. Крупской и региональном государственном архиве Астраханской области.

Это издание составлено из авторских статей посвященных истории и культуре ногайцев Астраханской области, а также биографических очерков деятелей современного ногайского этнокультурного движения. Задача нашего сборника сделать некоторое обобщение по теме, а также призвать новых исследователей к дальнейшему изучению темы. Данное пособие подготовлено специально для педагогов и работников культуры, которые занимаются вопросами сохранения и развития этнического наследия ногайцев, а также оно будет полезно всем, кто интересуется этой темой.

Сборник состоит из трех разделов. В первом рассматриваются вопросы истории и идентичности астраханских ногайцев. В издании представлена ранняя статья ученого-этнолога В.М. Викторина, посвященная этнической истории карагашей. Несмотря на наличие устаревших оценок, публикация представляет историографический и познавательный интерес для читателей. В сборник вошли две публикации Э.Ш. Идрисова. В первой он рассматривает вопросы этнокультурного развития астраханских ногайцев, приводит разные подходы к рассмотрению данной темы, во второй разбирает события истории ногайцев-карагашей в составе Астраханской губернии в конце XVIII - начале XIX вв. Р.В. Ишмухамбетов разбирает вопросы идентичности юртовцев. В работе Д.С. Кидирниязова проанализирована тема взаимоотношения ногайцев с Астраханским ханством, а в статьях А.Х. Курмансеитовой рассмотрены биографии ногайских просветителей А.И. Умерова и А.Ш. Джанибекова.

Во втором разделе сборника представлены ранние работы Ф.Ю. Каноковой, которые посвящены одежде астраханских ногайцев, а также обширный очерк Л.З. Иргалиевой, посвященный обрядам жизненного цикла ногайцев-карагашей. Кулинарные традиции карагашей рассмотрены в статье Таналиевой (Байрамалиевой) А.Д. В исследовании Р.В. Ишмухамбетова изложены вопросы нематериального культурного наследия ногайцев-карагашей, а в публикациях А.Д. Мусаева рассматриваются особенности родоплеменной организации и хозяйственной деятельности юртовцев. Интересный материал по этнографии астраханских ногайцев на основе анализа фотографий содержится в статье А.К. Махсүтова. В разделе представлены статьи Р.А. Шугаипова о свадьбе

юртовцев и А.Р. Грачевой о фольклорном наследии ногайцев-карагашей села Джанай Красноярского района Астраханской области. Интересную статью в разделе представил астраханский этнограф-религиовед А.В. Сызранов о Баба Туклесе.

В третьем разделе такими авторами как Т.Х. Джальмуханбетова, З.Х. Ильясов, Р.У. Тельманбетова представлены биографические очерки деятелей этнокультурного движения ногайцев в Астраханской области.

Раздел 1. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АСТРАХАНСКИХ НОГАЙЦЕВ

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КАРАГАШЕЙ

Викторин В.М.

В северо-восточной части волжской дельты, на территории Красноярского района Астраханской области, живут карагаши, именуемые в литературе также кундровскими татарами. Большая часть их проживает в селах по берегам рек Ахтубы, Бузана, Берекета и Кигача – всего до тридцати населенных пунктов.

Карагаши выделяются среди населения Астраханского края своим языком – диалектом ногайского, антропологическим типом – монголоидным с чертами европейности, своеобразием в материальной и духовной культуре и, наконец, этнической историей.

В силу этих обстоятельств карагаши представляют собой интересный объект для изучения и давно привлекали внимание исследователей, однако круг работ, специально посвященных карагашам, весьма ограничен.

Наиболее ранними исследованиями, особо выделявшими кундровских татар – карагашей, являются труды ученых путешественников XVIII в. И.Г. Георги и П.С. Палласа, в которых приводятся ценные сведения об этногенезе карагашей, их культуре и жизни в тот период времени. К концу XVIII в. относятся и сведения, которые сообщает о «кундровцах» другой путешественник – известный польский писатель Ян Потоцкий [12], но они носят, главным образом, характер случайных путевых наблюдений.

Непосредственно карагашам посвятил одну из своих работ П.И. Небольсин в 1851 году [11]. Он сделал первую попытку комплексного исследования этой группы населения Нижнего Поволжья, поставив вопрос об этногенезе карагашей и их связях с другими народами. К его материалам обращалось большинство авторов в последующее время.

В.А. Мошков, во введении к работе по музыкальному фольклору ногайских групп, дал сравнительную характеристику некоторых сторон их культуры и быта, уделив много внимания карагашам [9]. Фрагментарные, но важные сведения по этногенезу карагашей имеются у Л.Ш. Арсланова [1], по их истории – у И. Бентковского, И.А. Шеглова и у Н.Н. Пальмова [2, 18].

Многоплановое исследование этнографии карагашей предпринял В. Пятницкий в 1930 году. Он подробно описал их традиционную обрядность, верования, материальную культуру, характер взаимоотношений с другими группами населения, привел интересные данные по топонимии, антропонимии, а также по антропологии карагашей [12].

Вопрос о происхождении карагашской группы был рассмотрен В.И. Трофимовым в статье «Татары-карагачи» [15]. Он же проследил перемены в культуре, хозяйственной и общественной жизни народа при Советской власти. Ценные антропологические и исторические материалы приводятся в монографии Т.А. Трофимовой «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии» [16], где ногайцам и карагашам посвящена отдельная глава.

Ввиду явного недостатка письменных данных по истории карагашей В.И. Трофимов и Т.А. Трофимова рассматривают ее в связи с историей других ногайских групп, более освященной источниками. Такой подход представляется правомерным, поскольку все ногайские орды были затронуты событиями, происшедшими в Поволжье и Предкавказье в XVII-XVIII вв., хотя история карагашей развивалась в несколько особых, специфических условиях.

Исследователями широко привлекались народные предания карагашей как источниках по их этногенезу. Впервые их использовал П.И. Небольсин, другой вариант предания о происхождении карагашей привел В.И. Трофимов. Однако хронология обоих авторов и их некоторые выводы, в частности о локализации процессов формирования карагашей, кажутся нам неполными и спорными.

Подтвердить и частично уточнить данные фольклора могут документы, хранящиеся в фондах Астраханского областного государственного архива, содержавшие сведения о карагашах, которые и используются в предлагаемой работе. Привлекаются также полевые материалы, собранные автором в июле-августе 1973 г. в селах Астраханской области.

В статье делается попытка проследить истоки формирования карагашей и дальнейшую этническую историю этой группы.

Карагаши ведут свое происхождение от одной из ногайских орд, ранее входивших в состав малых ногаев, в силу исторических обстоятельств перекочевавшей во второй половине XVIII в. в Астраханский край и поселившейся здесь. С ногайцами карагашей роднит много: их самоназвание – себя и по сей день, они называют исключительно «карагаш» и «ногай», язык, обычаи и обряды, черты материальной культуры. К примеру, в прошлом у них бытовала особая брачная арба – «куйме» – известная и у ногайцев Северного Кавказа [13]. Богатый украшениями праздничный наряд карагашских женщин также представляется сходным с ногайским костюмом [12].

Уже как потомки ногайцев карагаши являются сложной по происхождению группой. Разнородность кочевого населения Золотой Орды, сложившегося на основе кыпчаков-половцев, прямых предков ногайцев, но воспринявшего в свой состав иные, в том числе монгольские, этнические элементы, отразилась в некоторых родовых названиях карагашей: мангыт (в истории – второе название ногайцев), найман, кирейт, др [8].

Выделившись при распаде Золотой Орды Ногайская Орда в самостоятельное политическое образование, она со временем распалась сама, образовав две крупные орды: Большую Ногайскую Орду – между Волгой и Уралом, находящуюся под русским влиянием, и Малую Ногайскую Орду, в 1557 г. откочевавшую во главе с Казы мурзой в Приазовье и на Кубань, в подданство крымского хана, вассала Оттоманской Порты.

Острая политическая ситуация, характеризующая постоянную борьбу Русского государства с Турцией и ее сателлитами – крымскими татарами и малыми ногаями, а также далеко не спокойным поведением колониальных подданных России – Большой Ногайской Орды, сохранялась на протяжении всего XVI и начале XVII столетия. Обстановка еще более усложнилась с появлением на Волге новой волны азиатских кочевников-джунгар или калмыков.

В начале 1634 года калмыки вынудили всех больших ногаев, кроме живших непосредственно при Астрахани, перекочевать на левый берег Волги, а затем (1644 г.) переправились через Волгу сами [10].

Большие ногаи объединились с малыми под эгидой Крыма, а часть их орд – едисанцев, эмбайлуковцев, астраханских юртовцев попали в калмыцкое подданство [17]. Несмотря на свой статус подданных России, калмыки с этого времени вступили в качестве самостоятельной политической силы в борьбу за подчинение ногайских орд.

В работах А.А. Новосельского и Т.А. Трофимовой приведено большое количество примеров, показывающих остроту столкновения интересов Крыма, России и калмыцких ханов, объектами которого оказывались ногайские группы, переходившие буквально из рук в руки. В ходе этой борьбы и происходило оформление этнографической группы астраханских карагашей.

Их предки – малые ногаи – долгое время жили на Северном Кавказе и находились в тесных этнических связях с соседними кавказскими народами. Это наложило свой отпечаток в первую очередь на антропологический тип карагашей. Т.А. Трофимова указывает меньшую монголоидность карагашей даже по сравнению с другими ногайскими группами [17]. Одно из объяснений этому факту – контакты с народами Кавказа [17]. Наличие наряду с монголоидными европеоидных черт у карагашей отмечали и другие исследователи, исходя, однако, из чисто визуальных наблюдений. О «кабардинских», «кавказских» чертах у карагашей писал П.И. Небольсин [9], его данные подтвердил В. Трофимов [15]. Эти черты, возможно связанные с понтийским типом европеоидной расы, прослеживаются у карагашей и сейчас, на наш взгляд, правда не подкрепленный специальными исследованиями, четче – у представителей старшего поколения. Сюда же следует отнести и отмеченную В. Пятницким курчавоволосость отдельных карагашей [13], имеющую место сейчас, но, к сожалению, оказавшуюся вне поля зрения Т.А. Трофимовой [17].

П.И. Небольсин предположил, что у горцев Кавказа карагаши заимствовали тяжелую меховую шапку: овчинную – у мужчин, бобровую – у женщин, о которой также пишет В. Пятницкий [8].

Часть улусов Малой орды кочевали в верховьях Кубани, по Куме и Тереку вплоть до самого побережья Каспийского моря – в непосредственной близости от кочевий калмыков. Но такое соседство было небезопасным, и в результате произошло событие, определившее образование и последующую историю группы карагашей: часть ногайцев – их предки – были насильственно оторваны от этнического массива ногайцев Предкавказья и попала под власть калмыцких ханов.

Когда и при каких условиях это случилось? П.И. Небольсин датирует данное событие 1740 годом [8], но опирается он на записанное им карагашское предание, от которого мы не можем ожидать большей хронологической точности. Кроме того, согласно П.И. Небольсину, карагаши жили с калмыками всего тридцать лет – по 1771 год [8], но за то относительно короткое время калмыки вряд ли могли оказать значительное влияние на карагашей, которое отмечено исследователями. На наш взгляд, более достоверными следует считать данные И. Бентковского, И.Л. Щеглова и Н.Н. Пальмова, у последнего ссылкой на архивные материалы, позволяющие датировать факт захвата калмыками предков карагашей более ранним сроком [11]. Эти сведения приводит и Т.А. Трофимова, но она отдает предпочтение уже упомянутой дате П.И. Небольсина [17].

И.Л. Щеглов и Н.Н. Пальмов сообщают, что во время персидского похода Петр I, в 1722 г. внук участвовавшего в походе калмыцкого хана Аюки Бату «захватил у Терек-улуза тысячу кибиток кумыцких татар (т.е. татар – соседей кумыков. – В.В.) – кундровцев и привел было в свой улус [11]. Но правительство, согласно Н.Н. Пальмову, вообще отрицательно относилось к наличию у калмыков ногайских подданных и в следующем, 1723 году, причислило кундровцев-карагашей к астраханским юртовцам. Однако в 1725 г. кундровцы, хотя и не полностью, были возвращены калмыкам – «владельцу Досангу, пользовавшемуся покровительством губернатора А.П. Волконского» [11], и до 1771 года кочевали в его улусе вместе с группой «убогих татар» [11] – едиданцев и ембойлуковцев, оставшихся у калмыков после массового выселения их на Кубань в 1723 году [17].

Если подвергнуть анализу карагашские предания, то явствует, что именно с Аюкой («Аюке-ханом»), а не с его внуком Дундук-Омбо, как у П.И. Небольсина, связывают карагаши начало своей истории [9].

Это же касается преданий карагашей, к которым нам в дальнейшем придется обращаться, то, как указывал В.И. Трофимов, они «имеют довольно большую точность и сохранили даже исторические имена» [9]. И он, и П.И. Небольсин оговаривались, что обратиться к фольклорному материалу их побудило отсутствие «других несомненных, положительных письменных сведений» [9] об истории карагашей. Однако здесь в

наиболее выгодном положении находился П.И. Небольсин, при котором, по его словам, «недавность переселения сохранила в памяти наших кочевых инородцев многие обстоятельства».

Предыстория подчинения предков карагашей калмыками он связывает с междоусобными распрями и происшедшими, очевидно, значительно раньше образованием двух феодальных объединений – касеевцев (у карагашей – род мангыт) и каспулатовцев (роды ас и найман), названия которых сохранились и сейчас у ногайцев Северного Кавказа [13].

С этими же событиями П.И. Небольсин связывает происхождение термина «карагаш»: «... молодой Касай откочевал ... с реки Кубани и из окрестностей Биштау (Пятигорья) в соседние к России леса, изобилующие известного рода породю деревьев карагач (черный лес), имя это они и усвоили от долговременного здесь пребывания» [9].

Ко времени, когда работал В.И. Трофимов, карагашские предания уже начали забываться [16]. Приведенный их вариант носит значительно более конкретный характер, чем материалы П.И. Небольсина. Интересно, что по преданию, записанным В.И. Трофимовым, предки карагашей, отделились от кубанских ногайцев в результате ссор и столкновений между родами из-за пастбищ и попав под Астрахань, откочевывают – не полностью – под предводительством батыра Каратая и потом возвращаются обратно [39], что, в общем, соответствует данным П.И. Небольсина. Аналогичные В.И. Трофимову сведения приводит В. Пятницкий, с той разницей, что исходя из данных В.А. Трофимова, карагаши получили свое название уже в Астраханском крае, в ходе борьбы под руководством Тугана-мирзы с калмыками, а по В. Пятницкому, принесли его с Кавказа.

В настоящее время карагашские предания хранят в памяти лишь отдельные представители старшего поколения, они же помнят имена деда Каратая и мирзы Тугана и утверждают, что свое название карагаши получили, укрывшись от калмыков в сравнительно небольших лесах, произрастающих в районе Волго-Ахтубинской поймы. В преданиях карагашей говорится также об их битве с калмыками, в которой они одержали победу, завоевав себе свободу.

Таким образом, предки карагашей действительно сохранили некоторые исторические имена и память о событиях их истории, но по времени они становились значительно менее детальными и точными, а соответственно достоверными. Помимо того, ни один из приведенных материалов не дает исчерпывающего ответа на вопрос, чему обязаны карагаши своим названием, где находятся «черные деревья» или «черный лес» (кара агач), в которых пребывали их предки. Данные П.И. Небольсина чрезвычайно расплывчаты, а объяснение, связывающее этот антоним с лесами Астраханского края, по нашему мнению возникло в более позднее время, как и сказание о войне карагашей с калмыками.

П.И. Небольсин связывает историю карагашей с районом Биштау на Северном Кавказе, указывая при этом, что в его время еще сохранились родственные связи с ногайцами аула Беймурзы, «в 6-ти верстах от Биштау» [9]. Но, к сожалению, ни эти связи, ни даже память о них не зафиксирована в дальнейшем никем из исследователей карагашей. В. Трофимов производил карагашей от караногайцев, не уточнил, что он имел в виду: одно из названий Малой Ногайской Орды [20] или из этнонима ногайцев, живущих ныне в Дагестане. Вероятно, автор исходил в первую очередь из внешнего сходства терминов «карагаш» и «караногай».

Хотя, по Н.Н.Пальмову и И.Л. Щеглову, предки карагашей были захвачены калмыками именно на территории современного Дагестана, или предоставляется более правильным, учитывая большой радиус кочевков каждой ногайской орды, связывать их не с караногайцами, а с западной группой – кубанские ногайцы, живущие, кстати, по соседству с Биштау. Подтверждение тому – наличие в составе карагашей и кубанских ногайцев этнонима «кереит», «касай», а также отсутствие имеющихся у караногайцев названий «джетисан», «джембойлук» [3].

Попав в плен к калмыкам, карагаши кочевали с ними [9]. По его сведениям, лето они проводили на Ахтубе и в Рын-Песках по левобережью, то есть в районе своего нынешнего проживания, а зимой кочевали отдельно от калмыков на Куме и в Мочагах – районе каспийского побережья к западу от дельты Волги, удобном для кочевого скотоводства.

За время совместных кочевков калмыки оказали большое влияние на карагашей. Я. Потоцкий отмечает даже изменение внешнего вида карагашских аулов [12]. К проявлением этого влияния следует отнести и любимый напиток карагашей – калмыцкий чай и тенденцию называть «калмыцкими» все старинные, непонятные сейчас обычаи. П.И. Небольсин пишет о распространении в данный период смешанных браков карагашей с калмыками. Наличие у карагашей, наряду с европеоидными чертами центральноазиатского антропологического типа, присущего калмыкам, было выявлено Т.А. Трофимовой. Сами карагаши отмечают свое некоторое внешнее сходство с калмыками; последних они полушутливо называют «нагаше», то есть родственники по женской линии, рассказывая, что калмыки брали в жены их девушек [21].

С другой стороны, по предположению У. Э. Эрдниева, калмыки могли позаимствовать у карагашей легкую арбу, которой те пользовались [19].

К калмыцкому периоду истории карагашей относится документ, датированный июлем 1764 г, об отпуске наместнику Калмыцкого ханства Убаши приставших к Астрахани подведомственных ему «карагашских и тогмутских татар», как и другие документы этого периода, свидетельствующие о конфликте из-за ногайских групп.

Как уже указывалось, карагаши освободились от калмыков, используя их ослабление в результате ухода большей части калмыцкого народа обратно в Джунгарию во главе с Убаши. Впрочем, используя данные Я. Потоцкого, можно предположить, что этнические контакты этих двух народов не прекращались, поскольку автор уже в 1797 году застал красноярских «кундровцев» живущими на кочевках по соседству с калмыками.

Карагаши недолго пользовались приобретенной свободой: «по распоряжению астраханского губернатора Н.А. Бекетова от 18 июня 1771 года они были причислены к астраханским аульным татарам», и обложены натуральной податью. Кроме того, на них была возложена «почтовая гоньба» «обще с астраханскими юртовскими татарами» по Кизлярской дороге; согласно документам это произошло около 1785 г., а по П.И. Небольсину, - в 1771 году [9]. С 1785 годом П.И. Небольсин связывает поселение карагашей на их современной территории: «Около 1785 года кундровцев поставили в зависимость от уездного начальства Красного Яра, обязали платить земскую повинность, определили им места за Волгой для кочевков как зимой, так и летом, и в виде устройства зимовок и приюта на зиму для людей и скота надоумили положить начало двум нынешним селением (Сеитовка и Ходжетаевка)» [9].

Однако имеющиеся в нашем распоряжении документы – прошения карагашей о наделении их землей: одно – правителю Кавказского наместничества Л.С. Алексееву и два – на имя императрицы Екатерины II – позволяют датировать основание карагашских сел более поздним сроком. В первом из них, в декабре 1787 г., карагаши просили, учитывая их малоземелье, закрепить за ними свободные казенные земли между Селитренным городком и Теплинкой [22], то есть на 100 км вдоль Ахтубы. Дело затянулось и дошло до самой императрицы, которая в 1789 г. повелела исключить из оброка остров Берекетский и передать его «кундровским татарам» - карагашам. Сенат же распорядился принять меры, «... дабы и на будущее время и подобному поселению кочующих народов не происходило никакого препятствия или самого недопущения к оному» [23] – обоседление кочевников поощрялось в целях лучшего управления ими.

Но и в 1791, и в 1792 годах карагаши жаловались императрице на халатность присланного землемера, при этом сообщалась дата основания их сел в: «... прошлом, 1788-м году... господин правитель Кавказского наместничества статский советник и кавалер Ларион Спиридонович Алексеев повелел нам поселиться двумя слободами, где мы, построив деревянные дома, имеем жительство поныне...» [23].

Итак, основание первых сел карагашей можно датировать 1788 годом, констатируя при этом, что поселение карагашей в Астраханском крае было для них длительным и тяжелым процессом.

Поселившись в Астраханском крае, карагаши так и не получили достаточной земельной площади; как указывал В.И. Трофимов, большинство из них вело тяжелый полукочевой образ жизни, проводя зиму в селах, а летом, кочуя на отведенных им неплодородных землях, на одних пастбищах с другими кочевыми народами, где их скот в особенно тяжелые зимы («бузлак») погибал от бескормия [15]. Об одной такой зиме свидетельствует уже упомянутый документ 1796 года – прошение сеитовских и ходжетаевских карагашей о взыскании с них денег за шкуры, снятые по ошибке с «киргизского» (казахского) скота: за одну зиму 1788 года погибло на пастбищах 3119 карагашских и казахских лошадей [23].

Совместное проживание стимулировало процессы этнического смешения карагашей и казахов. Как писал П.И. Небольсин, «Кундровцы теперь женятся редко на калмычках, более на киргизках» [9]. Однако на памяти наших информаторов 1910 года рождения и старше браки с казахами были крайне редки, аналогичные данные находим и у В. Пятницкого [13]. Возможно, это было связано с процессом компактного поселения и консолидацией карагашей как группы.

В конце XIX в. идет отмеченный В. Трофимовым процесс культурного влияния на карагашей со стороны татар Среднего Поволжья через их контакты с переселенцами оттуда. Этот процесс продолжался и в советское время, что выразилось, в частности, в распространении татарской музыки и татарских песен.

В начале 30-х гг. нашего века карагаши совершили переход к оседлости, составив компактную группу населения Красноярского района Астраханской области.

Таким образом, можно выделить несколько основных этапов этнической истории карагашей:

1. До середины XVI века – пребывание их предков в составе еще не разделившейся Ногайской Орды.

2. С 1557 по 1723 гг. – проживание предков карагашей на Северном Кавказе и этнические контакты с кавказскими народами. Вероятно выделение особой кундровской орды наряду с другими родовыми, феодальными и территориальными союзами и объединениями.

3. С 1723 по 1771 г. – подчинение карагашей калмыкам.

4. С 1771 по 1788 г. – кочевание карагашей в Астраханском крае.

5. С 1788 г. – переход на полuosедлость, продолжение связей с калмыками, вступление в этнические контакты с казахами, ассимиляция мелких групп каракалпаков и туркмен. Оформление особой карагашской этнографической группы.

6. 30-е годы нашего века – переход к оседлой жизни на территории, ныне занимаемой карагашами.

7. Подводя итог, мы можем констатировать сложность этногенеза карагашской группы, наличие самых разносторонних влияний на ее формирование и большой интерес для изучения.

8. Нынешние карагаши осознают специфичность своей группы, живо интересуются ее историей. Себя называют, как указывалось, только «карагаш» или «ногай», отличая себя от собственно «татар», под которыми подразумевают казанских и мицарских. В подтверждении своего родства с ногайцами Северного Кавказа карагаши, побывавшие там или встречавшиеся с уроженцами тех мест, отмечают их большое сходство с собой при известных отличиях, указывают также на свое общее происхождение с юртовцами Приволжского района – потомки большеордынских ногайцев, именуемыми карагашами «карайле», но говорят о существенной разнице в культуре и языке («они при Астрахани живут», и язык у них ближе к татарскому). Кстати, небольшая группа карайле, сохранившая ногайский язык и живущая в с. Тулугановка Володарского района Астраханской области, носит название, под которым карагаши известны в истории – «кундровские татары», ныне самими карагашами забытое.

Определить нынешнюю численность карагашей не представляется возможным ввиду того, что в переписях они выступают под общей рубрикой «татары». На территории Красноярского района по переписи 1970 года показано 4789 татар (против 4088 чел в 1959 году). Абсолютное большинство их принадлежит к карагашам, и около половины всего числа татар живет на территории Сеитовского сельсовета – крупнейшего по численности из трех карагашских сельсоветов. Следует учесть возросшую подвижность населения, переезд в другие районы: карагаши живут в селе Янго-Аул, поселках Кири-Кили, Свободный, Солянка – на территории г. Астрахани.

Все карагаши сохраняют свой язык, правда, подвергшийся воздействию языка соседних народов. Сумма таких факторов, как самосознание, язык, компактность проживания, характерные черты в быту и культуре, позволяют, по нашему мнению, определить современных карагашей именно как ногайскую этнографическую группу, обособившуюся в процессе своей сложной этнической истории.

Источники и литература

1. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. – Живая старина. 1896. – Т. 3-4.
2. Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1910. Т.1.

3. Волкова Я.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа – М., 1974.
4. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. – Ч. 2.
5. Керейтов Р.У. Новые черты в свадебной обряде кубанских ногайцев // Советская этнография – 1973. – №3.
6. Мошков В.А. Мелодии оренбургских и ногайских татар. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1894. – Т.12. – Вып. 1.
7. Народы Кавказа. – М., 1960. – Т. 1.
8. Небольсин П.И. Этнография. Иностранцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах. – Астрахань, 1851.
9. Небольсин П.И. Очерки Волжского Низовья. – СПб., 1852.
10. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. – М-Л., 1946.
11. Пальмов Н.И. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1923. – Т. 1. – Ч. – 3-4.
12. Потоцкий Я. Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. Северный архив. – 1828. – Т. 21. – №2.
13. Пятницкий В. Карагачи. – Земледелие. 1930. Т. 32. – Вып. 3
14. Токарев С.А. История русской этнографии. – М., 1966.
15. Трофимов В. Татары-карагачи. Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. – М. Горького. 1933. – Т. 6.
16. Трофимов В.И. Материалы по животноводству у татар-карагачей; Он же. Татары Нижней Волги – Изв. Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. – 1933. – №7.
17. Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Труды института этнографии. Новая сер. – 1949. – Т. 7.
18. Щеглов И.Д. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии. – Ч. 1. – Т. 2. – 1911.
19. Эрдниев У.Э. Калмыки. – Элиста, 1970.
20. Записано от информатора Ажагалиева, 1910 г.р. (с. Сеитовка).
21. Записано от информаторов К. Амагалиева, 1910 г.р., Р.М. Якубовой, 1935 г.р., А.В. Кильдальева, 1931 г.р. (с. Сеитовка).
22. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 476. – Оп. 1. – Ед. хр. 819. – Л. 2. и об.
23. ГААО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Ед. хр. 819. – Л. 40.
24. ГААО. – Ф. 476. – Оп. 1. Ед. хр. 831. – Л. 1 и об; Записано от информаторов К. Ашагалиева, 1910, Х.Я. Галиева, 1913 (с. Сеитовка), А. Нурмухаметова, 1901 г.р. (с. Джанай), Сендюкова С.; Потомки батыра Каратая // Комсомолец Каспия 14 февраля 1967 г.
25. ГААО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Ед. хр. 839. – Л. 1 и об.
26. ГААО – Ф. 394. – Оп. 1. – Ед. хр. 2479. – Л. 1.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ АСТРАХАНСКИХ НОГАЙЦЕВ

Идрисов Э.Ш.

Ногайский этнос сложился в результате процессов, происходивших в Золотой Орде и последующего формирования и распада собственного государственного образования – Ногайская Орда, существовавшего с XIV века по начало XVII века. На огузо-кыпчакской основе в его формировании приняли участие различные племенные кочевые группы, обитавшие на всем протяжении Евразийских степей, локализовавшиеся в определенные периоды истории в Центральной Азии, Поволжье, Северном Кавказе и Причерноморье. По родоплеменному составу выделяются: мангыты, кыпчаки, канглы, найманы, асы, керейты, конгыраты, кенегесы, уйсуну, и др.

В историографии существует две точки зрения на первоначальное месторазвитие ногайцев. Одни исследователи склонны видеть формирование этнической основы в Причерноморских степях к концу 13 века (локализуя его в улусе мятежного золотоордынского темника Ногая) [8, с. 18], другие в Волго-Уральском междуречье в более поздний период к концу XIV-началу XV века (в образовании Мангытский юрт под эгидой эмира Эдиге) [9, с. 21-22]. По языковой классификации Н.А. Баскакова ногайцы относятся к кыпчакско-ногайской подгруппе наряду с казахами и каракалпаками, которые признаются родственными народами [2, с. 105]. Также отмечается факт инфильтрации ногайский кочевых групп (позднекыпчакская культура) в состав татар Поволжья и Сибири, башкир Приуралья.

В современности ногайцы распадаются на территориальные группы, проживающие в России - в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, Крыму, а также в Казахстане, Турции, Румынии, с последующим переселением в страны Западной Европы. Трудно определить точное сегодняшнее число ногайцев, данные разнятся от 300 тыс. до 1 млн. чел. и более. Общая численность в России, без учета лиц ногайского происхождения в России, по Всероссийской переписи 2010 года, составляет 103660 чел.

На основе анализа имеющегося историко-этнографического материала можно констатировать, что этническое развитие нижневолжских ногайцев приводит к образованию отдельного специфичного массива, наряду с северокавказским и другими ареалами обитания ногайского этноса. Здесь также можно говорить о дискретности первоначальной традиции в силу этнотрансформационных процессов. На данный момент многие вопросы о первоначальной основе и направленности изменений еще пока остаются в режиме дискуссионности из-за недостаточности проведенных исследований.

После распада Ногайской Орды, начиная с середины XVI века, ногайские кочевые группы активно мигрируют в разных направлениях, в том числе обосновываются вокруг города Астрахани, становящегося форпостом Московского государства на юго-востоке. Как мы писали не раз, в терминологическом плане к ранним группам ногайцев стал применяться, возможно, обобщающий термин «юртовские татары». В отношении сути этого обозначения сложилось разное понимание в современной историографии. Не будем пока вдаваться в подробности, но отметим, что в одном случае под юртовцами понимаются только потомки прежних жителей Астраханского ханства (Е.В. Шнайдштейн, И.В. Зайцев), в другом случае только ногайцы, поселяющиеся в оседлых «юртах» под Астраханью (Л.Ш. Арсланов, В.М. Викторин) [1, 3,4, 12].

Как некая альтернатива существующим подходам, постепенно выкристаллизовывается точка зрения комбинированного подхода в отношении юртовцев, которые на основе «татар Астраханского ханства», в ходе своей дальнейшей истории вбирают в себя пришедших из Волго-Уральского междуречья ногайцев, позже и других представителей тюркских народов, позднее приписанных в юртовское сообщество (И.В. Торопицын) [11].

Менее проблематичным в историографии выглядит толкование термина «кундровские татары». Несмотря на то, что в некоторых случаях есть путаница, но можно точно говорить, на основании архивных источников, что данный термин применяется в отношении ногайцев Нижнего Поволжья, кочевавших в составе Калмыцкого ханства. Речь идет собственно о кундровцах, а также о карагашах.

Как мы отметили выше, также неоднозначно в исследованиях выглядит дальнейшее этносоциокультурное развитие нижеволжского ногайского массива. Сложилось устойчивое представление о вхождении всех групп астраханских ногайцев (юртовцев, карагашей, кундровцев и утар) в этническую или социокультурную общность «астраханские татары». Здесь прослеживается как некая традиция, связанная с внешним обозначением тюрков Нижнего Поволжья в дореволюционных документах и публикациях (П.И. Небольсин и др.), так и конструктивистский подход включения всех нижеволжских ногайцев под указанным именем в состав единой татарской нации (Д.М. Исхаков и др.) [5, 10].

Удачно, на мой взгляд, использование такого понятия как «лица ногайского происхождения», которое было введено В.М. Викториним. Речь идет о тех группах, которые имея этнокультурные признаки, связанные с ногайцами, причисляют себя сами к другим этническим общностям. В нашем случае к татарам [3].

Как показатель этнотрансформации можно взять во внимание развитие хозяйственного комплекса. Под влиянием внутренних и внешних факторов, юртовское сообщество в течение XVIII века переходит на стационарный образ жизни и активно участвует в торговой жизни региона. В XIX

веке из их среды появляются крупные торговые предприниматели, имеющие собственное транспортное обеспечение в виде речных пароходов. Из традиционных форм хозяйства, при сокращении роли скотоводства, развивается овощеводство и бахчеводство.

У других групп, таких как карагаши, кундровцы и утары, преобладает скотоводство полуоседлой формы. Развиваются различные отхожие промыслы, например рыболовство или извоз. Окончательный переход на стационарный образ жизни для них был закреплен Советской властью.

Отдельным вопросом стоит развитие материальной культуры ногайских групп Нижнего Поволжья. В отличие от ногайцев Северного Кавказа, у астраханских ногайцев развивается деревянное домостроительство. Этому, в некоторых случаях, способствовала политика региональных властей. Например, всем известен факт, что при строительстве деревянных домов во время образования поселений Сеитовка и Ходжетаевка использовался труд русских плотников. Известны случаи отказа от стационарных жилищ ногайцами-карагашами, попытки их продавать, но, по указанию губернатора, они были возвращены прежним владельцам, чтобы продолжить перевод на оседлый образ жизни [7].

В этнокультурном и языковом плане, на нижеволжских ногайцев наибольшее влияние оказали казанские (и в целом средневолжские) татары. Факторами влияния были, прежде всего, организация системы духовного и светского образования для ногайцев с активным участием татар. Изменениям подверглись не только язык, но и музыкальная культура и некоторые другие сферы бытовой культуры. В этническом плане метисации подвергаются прежде всего юртовцы, утары (у них в большинстве браки с мишарскими татарами), менее кундровцы и почти не подвергаются карагаши.

У карагашей и кундровцев также постепенно устанавливаются прочные связи с нижеволжскими казаками. Для юртовцев и карагашей отдельно можно выделить взаимодействие с астраханскими туркменами, а для юртовцев и утар с узбеками, бывшими восточными купцами.

Возможно, как вариант адаптации к социально-политическим условиям Астраханского края в XIX веке, выглядит попытка включения карагашей в состав Астраханского казачьего войска. Правда это проект не был реализован из-за организационной несогласованности [6].

Необходимо рассматривать состояние внутренних взаимоотношений в среде ногайских групп Нижнего Поволжья. Центральное положение в этих отношениях занимают юртовцы. В какой-то степени они были трансляторами внешнего культурного влияния на другие группы ногайцев. В брачном отношении развиты связи юртовцев и кундровцев, а также кундровцев и карагашей. Положение утар в этой связи выглядит более обособленным.

Интересно, что на основании имеющихся архивных данных замечена преобладающая географическая ориентация передвижения ногайских групп за пределы Нижнего Поволжья. Так, при поселении юртовцев вокруг Астрахани, они чаще уходили в крымско-кавказском направлении, а карагаши, вернувшиеся из Северного Кавказа при проблемах, возникших в процессе поселения в Красноярском уезде Астраханской губернии, стремились уйти в восточном направлении, в казахские степи.

Очевидно, развитие ногайских кочевых групп в составе народонаселения Астраханского края происходило в направлении постепенной смены прошлого полукочевого образа жизни. Наибольшей трансформации подверглось юртовское сообщество. Возможно, с определенного периода о них необходимо говорить как о новом субэтническом образовании на ногайской основе, но ассоциированной со средневожскими татарами. Карагаши же, сохраняя дольше прежнюю специфику, в современный период являются яркими выразителями ногайского самосознания в Астраханской области. Кундрувцы и утары в этом отношении занимают переходное положение между юртовцами и карагашами.

Одним из главных факторов складывания этносоциокультурного пространства ногайцев Нижнего Поволжья является положение пограничности, наличие разнонаправленных влияний в культурном плане, а также миграционная активность, уход и возврат на место первоначального поселения.

Явное следствие такого положения является иерархичность идентичности у представителей астраханских ногайцев, наличие несколько таксономических определений. Новым современным фактором этнокультурного воспроизводства нижевожских ногайцев является установление тесных связей с северокавказской группой ногайцев в форме культурного обмена, а также миграции данной группы на территорию Астраханской области. Можно говорить как о совпадении, так и несовпадении этнокультурных характеристик нижевожских и северокавказских ногайцев, но формирование современного общеногайского национального движения ногайцев России происходит в направлении превалирования культурного потенциала последних.

Источники и литература

1. Арсланов Л.Ш., Викторин В. М. Кто такие астраханские ногайцы // Политическая агитация. – 1988. – №20. – С.11-15.
2. Баскаков Н.А. Н.А. Ногайский язык // Современный ногайский язык. Хрестоматия. – Карачаевск, 2014. – С. 105.
3. Викторин В.М. Астраханские ногайцы. – В изд.: Ногайцы сегодня (Исследования по прикладной и неотложной этнологии Док-т. № 44) М.: [ИЭА РАН] 1993. – С. 20-31.

4. Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М., 2004.
5. Исхаков Д.М. Астраханские татары: этнический состав, расселение и динамика численности в XVIII – начале XX в. // Астраханские татары. Казань, 1992. – С. 5-33.
6. Идрисов Э.Ш. К вопросу об управлении полукочевыми ногайцами-карагашами в составе Астраханской губернии (в конце XVIII- I пол. XIX вв.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2001. – №2. – С. 19-26.
7. Идрисов Э.Ш. Этнокультурные и социальные аспекты взаимоотношения ногайцев-карагашей с народами Нижнего Поволжья в XVIII – первой половине XIX вв. // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 1. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. – Астрахань, 2013. – С. 35-41.
8. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. – Черкесск, 1988.
9. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алматы, 1988.
10. Небольсин М.И. Очерки Волжского Низовья СПб., 1852.
11. Торопицын И.В. Юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в первой половине XVIII в. // Тюркологический сборник 2011-2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств М., 2013. С. 375-412; Торопицын И.В. Астраханские юртовские татары в системе межнациональных отношений в XVII-XVIII вв. // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: Материалы XI научно-практической конференции. Астрахань, 2015. С. 182-188.
12. Шнайдштейн Е.В. О происхождении астраханских татар // Материалы II краеведческой конференции. Астрахань, 1989.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII - начале XIX вв.

Идрисов Э.Ш.

Нижнее Поволжье, как северная оконечность Каспия, исторически входила в зону обитания кочевых народов. После присоединения его к Российскому государству в середине XVI в., государственной власти, в контексте управления, пришлось столкнуться с кочевыми социумами, которые численно превосходили местное оседлое население в несколько раз. Крупные общности полукочевников и кочевников на тот момент были представлены большеордынскими ногайцами, калмыками, позже, во вто-

рой половине XVIII в., ногайцами-карагашами и туркменами, а с начала XIX в. казахами Внутренней Буковской орды.

Проблемы управления полукочевыми и кочевыми народами были связаны с особенностями их образа жизни, со спецификой мировоззренческих установок и представлений о политических отношениях. Региональным властям Астраханского края, в виде воеводства и губернского правления, пришлось решать такие вопросы взаимоотношения с ними как наделение земель, разрешение конфликтов, возникающих за пастбищные угодья и водные ресурсы скотоводческих хозяйств; проявляются трудности взаимоотношений представителей власти с номадами, в связи с их подвижным образом жизни.

В данной статье, на основе архивных источников, фондов Астраханского государственного архива, раскрываются вопросы поселения, численного состава, управления ногайцами-карагашами, а также развития отношений с другими народами в Астраханской губернии за период с конца XVIII в. по I пол. XIX в.

Ногайцы-карагаши являются потомками так называемой Малой Ногайской Орды (Казыев улус), обитавшей на Северном Кавказе. В начале XVIII в. ногайцы-карагаши попали в зависимость от Калмыцкого ханства, и уже тогда стали кочевать в направлении Каспийского взморья. А после ликвидации ханства в 1771 г. они окончательно поселились на жительство на территории Красноярского уезда Астраханского края.

Как пишет П.И. Небольсин: «Вслед за сим они близко познакомились с Астраханью, были подчинены исключительно заведыванию русского начальства, обложены натуральной повинностью и, с 1771 года, в течение не то 15-ти, не то 20-ти лет, отправляли почтовую гоньбу от Астрахани по кизлярской дороге на пространстве четырех перегонов, отчего и назывались они в актах «подводными татарами» [31, с.3].

В актах государственной власти и дореволюционной литературе ногайцы-карагаши обозначаются как «кундровские татары» или «кундровцы». П.И. Небольсин трактует этот термин как «ногаец-припущеник», в связи с подчинением их калмыкам [31, с. 8]. Есть еще современная трактовка термина «кундровец» с калмыцкого языка как «пасти овец» (версия Р.Г. Ахметьянова) [36].

В Астраханском крае управителем над обществом ногайцев-карагашей был поставлен капитан мулла Абдулла Жангуршин [38]. Как он отмечал в своем рапорте в «Деле о побеге кундровских татар из России» за 1777 г: «В 1771 году по определению тогдашнего губернатора ... Я за отменное с Российской стороны усердие табунным головой над большей частью после калмыцкого побега оставшихся от них татар прозываемых кундровских...» был поставлен [10, л. 1].

Ситуация с расселением ногайцев-карагашей в Красноярском уезде Астраханской губернии приобрела форму затяжного конфликта. В апреле

1774 г. было принято административное решение в отношении ногайцев-карагашей «разделить их на две части и развести кочевание в разные места, одну половину оставить в том месте, где ныне находятся (на урочище Берекет), а другую перевести на двадцать бугров, состоящие между рек Рычи и Бузана, где до сего кочевья имели новокрещенные калмыки» [10, л.17]. Но этот перевод не удался по причине затопляемости указанного места водой, поэтому после возвращения, обе части соединились вновь [9, л. 17-18].

В связи с общим неустройством возник конфликт между Абдуллой Жангуршиным и ногайцами-карагашами. В Астраханскую губернскую канцелярию на имя секунд-майора Е.Л. Медведева в июне 1774 г. поступило доношение от всего общества ногайцев-карагашей о том, что их «скот в самом тесном месте заперт, приказать выпустить на удобные корма, ибо из-за него несколько померло..., а которые наши старшины при комиссии содержаться под караулом приказать выпустить, а для наших нужд и надобностей дозволить нам поездить в город Красный Яр и в Астрахань, а показанных переводчика Танкачеева, муллу Абдуллу Жангуршина допрежнего их властительства над нами не допускать» [9, л. 25]. В октябре 1776 г. уже Абдулла Жангуршин жаловался на них, что они «кроме меня никого, не только из других табунных голов, но из мурз начальниками над собою иметь нежелают» [10, л. 1].

Возникла даже угроза бегства ногайцев-карагашей в казахские степи, о чем рапортовал Абдулла Жангуршин, а подтверждали это калмыцкий владелец Дондуков и посланники от казахского хана будучи в г. Астрахани в губернской канцелярии: «на вопрос торжественно о сем объясняли, что кундровцы действительно его хана о принятии их просили под его протекцию» [10, л. 1].

Таким образом, вопрос о поселении ногайцев-карагашей на территории Красноярского уезда Астраханской губернии оказался проблемным. По П.И.Небольсину, это произошло в 1785 г., когда ногайцев-карагашей «поставили в зависимость от уездного начальства Красного Яра, обязали платить земскую повинность, определили им места за Волгой для кочевков, как зимой, так и летом и, в видах устройства зимовок и приюта на зиму для людей и для скота, надоумили положить начало двум нынешним селениям (Сеитовка и Ходжетаевка)» [31, с.3-4]. Анализ архивных документов дает другие даты подчинения ногайцев-карагашей уездной администрации г. Красный Яр и основания селений Сеитовки и Ходжетаевки. Так, в Государственном архиве Астраханской области имеется именная ведомость кочующих кундровских татар в окрестностях города Красный Яр за 1781 г. с росписью старшин и подчиненных им в управление людей: всего 15 старшин, с подчиненными им людьми в количестве 1630 мужчин и 1431 женщин [11, л.12].

Относительно уточнения даты основания селений Сеитовки и Ходжетаевки и вопроса наделения землей в Астраханской губернии ногайцев-карагашей имеется «Дело о исключении из оброка земли в Красноярском уезде для удовлетворения оною кундровских татар», которое велось с декабря 1787 г. по май 1793 г. [12]. Впервые его анализирует в своей статье В.М. Викторин, по данным которого установлена дата основания Сеитовки и Ходжетаевки 1788 г. [23, с.158]. Эти события, насколько ясно на основании указанного документа, развивались следующим образом.

В поселении ногайцев-карагашей в Красноярском уезде возникли спорные вопросы по поводу разметки границ. От общества ногайцев-карагашей было составлено несколько писем-прошений о скором окончании дела и решении их вопроса земельного пользования. Одно из них даже было на имя Екатерины II. Рассмотрение этого вопроса тянулось, как мы видим, шесть лет [26]. Но и поселившись в Астраханском крае, ногайцы-карагаши так и не получили достаточно земельной площади. Уже в 1799 г. Сеитовский и Ходжетаевский старшины Джамбет Алиев и Жамбет Токбердиев подавали в Красноярский нижний земской суд прошение о выделении дополнительных пастбищ для выпаса скота на подножном корму [2, л.2-3].

Региональные власти, в целях повышения эффективности управления, всячески пытались проводить в это время политику обоседления на землю ногайцев-карагашей. Это вступало в противоречие с устоями жизни карагашского общества. Так, в 1795 году управителю Кавказского наместничества П.М.Скаржинскому поступил рапорт от Красноярского нижнего земского суда о том, что ногайцы-карагаши Ходжетаевского селения продают свои дома, построенные им в 1788 году, «каковой поступок со всем противен прежде заведенному для них в заселении старанию господина бывшего правителя губернии, и кавалера Лариона Спиридоновича Алексеева» [13, л. 1]. Смысл ее заключался в том, что государство вело на свои средства строительство домов ногайцам-карагашам, «дабы они сим возчувствуя спокойствие и земледелием занимались» [13, л.1].

В ответ поступило повеление, в котором говорилось, что ногайцы-карагаши не только продавать дома не могут, но их старшины должны всех других «обселять» в дома. Далее следовало указание все проданные дома отобрать и вернуть их прежним владельцам и впредь продажу домов ногайцами-карагашами другим лицам воспретить, кроме как внутри общества ногайцев-карагашей [13, л. 2].

Но, как видно из последующих документов, численность стационарных жилищ ногайцев-карагашей возросла незначительно. По данным на 1865 год в селении Ходжетаевском было 169 домов и 930 кибиток, а Сеитовском селении – 83 дома и 507 кибиток [8, л.58].

В начале XIX века управление над обществом ногайцев-карагашей находилось в ведение Астраханской палаты Государственных имуществ, оно основывалось на общих основаниях со всеми государственными крестьянами [31, с.1].

Здесь надо рассмотреть вопрос о численности ногайцев-карагашей на тот период. Как пишет П. Любомиров: «В 1780 году им были предоставлены для летних кочевий места в Красноярском и частью в Енотаевском уездах по левую сторону Волги. Кундровских татар в ведомости казенной палаты на 1 января 1800 года показано почти 2000 душ мужского пола, в справке Красноярского нижнего земского суда 1803 г. 3500 человек обоего пола» [30, с.64-65].

Согласно данным Н.М. Васькина, «по 4 ревизии 1782 года ногайцев-карагашей насчитывалось 2155 человек обоего пола. К концу 90-х годов XVIII века, кроме Ходжетаевки и Сетовки ими были основаны аулы Берекет, Аралык, Найма, Ак Мечеть, Хариван и Канялы, и общая численность достигла 11390 человек» [21, с.33]. Эти возникшие укрепленные поселения не имели официального статуса, так как процесс формирования новых аульных административных центров начался только после середины XIX в.

По ревизии 1834 г. ногайцев-карагашей числилось 6281 мужчин и 4876 женщин [24, с. 107]. Свою цифру на середину XIX в. приводил П.И. Небольсин. Он опирается на подсчет волостных голов и сельских старшин, и приводит цифру 6950 душ мужского пола [31, с.7-8].

С 1815 г. ногайцы-карагаши каждые два года, а иногда и через два года в третий, выставляли рекрутов, «в последнее время (т.е. к 1851 г. – примеч. Э.Ш. Идрисов) по 5-ти или по 7-ми человек с тысячи; вместо поставок рекрутов натурою, ... собирают с мира по 1000 рублей асс., и сумма рекрутского сбора нередко, в годы рекрутчины, доходит до 35000 рублей асс.» [31, с. 4].

По предписанию Астраханской палаты Государственных имуществ, утвержденному 28 сентября 1839 г. за №4333 «для ближайшего надзора за ними и исполнения предписаний и распоряжений начальства, избираемые для всего общества на каждое трехлетие один Голова с назначением к нему двух помощников в виде Старшин по селениям Ходжетаевскому и Сеитовскому и писаря Русским и Татарским языками владеющего» [1, л. 1].

Судопроизводство у ногайцев-карагашей по воровству и взаимным жалобам в начале XIX века производилось становым приставом, «исключая некоторых, самых незначительных, которые, по прежнему татар обычаю, предоставляются разбору Головы, при содействии почетных стариков» [1, л. 2].

Специфика преступлений в обществе ногайцев-карагашей определялась видом их хозяйственной деятельности. Как отмечается в Военно-статистическом обозрении Астраханской губернии за 1852 г.: «Главный их порок конокрадство, вероятно потому, что им удобней скорее скрыть следы своего воровства» [24, с. 108]. Среди других дел, связанных со скотоводством, можно отметить дела, касающиеся потравы чужих лугов. Так интересна жалоба калмыцкого князя Тюменя на общество кундровских татар, т.е. ногайцев-карагашей, в связи с использованием последними земель в Енотаевском уезде под самовольные пастбища [3, л. 1].

В обществе ногайцев-карагашей, по постановлению Астраханской палаты Государственных имуществ 17 марта 1843 г. для разбора судебных дел была учреждена, вместо двух (Ходжетаевской и Сеитовской), одна Расправа, на правах сельской и волостной «для сокращения дел и переписи и уменьшении должностных лиц с введением в действие Высочайшего утвержденного Сельского Полицейского и судебного уставов» [3, л.5]. В предложении Астраханскому военному губернатору рассматривалось, чтобы «Расправу эту открыть в местопребывании Головы, под его председательством с определением по выбору общества из почтенных татар двух добросовестных, старшего и младшего без назначения им жалования» [1, л. 3].

В начале XIX в. происходит обострение земельного вопроса, когда к Астраханской губернии была присоединена Внутренняя Букеевская орда казахов. В силу увеличившегося контингента кочевых подданных земельные вопросы, связанные с разделом территории кочевков, были заново отрегулированы Положением от 19 мая 1806 года «О землях кочевых народов Астраханской губернии». Но, как всегда, возникли конфликты из-за земельных споров, которые напрямую затронули и общество ногайцев-карагашей.

В деле «О возвращении кундровских татар с земли хана Букея», от весны-лета 1812 г., казахский хан Букей просит местные власти убрать с земли в районе Рын-Песков, отведенной для кочевий его подданных, группу кочующих на ней ногайцев-карагашей из селения Ходжетаевка. В ответ старшины карагашей доказывают свою правоту тем, что они кочевали в этом направлении уже много лет [4, л. 6]. При этом они откладывают свою откочевку с чужих земель, ибо «к возвращению ныне принадлежащей нам земли никаких мер и способов принять невозможно, потому что в Кочетаевском селении у жителей состоит скота конного, рогатого, бараньего, козьего, верблюдов пятьсот сорок восемь тысяч... <...> Для оною безмерная жара и мучительность от насекомых да от Рын-Песков, дачи наши состоят не в близком расстоянии ... исполнение сего повеления к кочеванию обратно можно как чрез один месяц, посему просим» [4, л. 9].

Вопрос об окончательном размежевании земель между ногайцами-карагаши и казаками Букеевской орды решался еще в течение нескольких лет. По предложению генерал-губернатором А.П. Ермолова в 1818 г., линия разграничения земель между ними стала проходить «от горы Чапчачей до Телепневой ватаги» [7, л. 36].

Довольно часто ногайцы-карагаши сами нарушали не только отмежеванные границы кочевий, но и административно-территориальные установления. В одном из таких дел фонда Государственного архива Астраханской области саратовский губернатор в июне 1823 г. жалуется астраханским властям: «дабы Ордынцы (т.е. казахи Внутренней Букеевской орды – прим. Э.Ш. Идрисов) не перекочевывали на земли Елтонского соленого промысла ... он сам лично объявлял кундровским татарам о немедленной откочевке их на свои земли в Астраханскую губернию» [5, л. 1]. И просит, если «не будет принято самых строгих мер к отъезду их», то он, если «и за сим кундровские татары осмелятся выйти из границ своих, то виновных тотчас предать строгому суду по законам» [5, л. 1]. Но при неоднократных предупреждениях и взятых подписках ногайцы-карагаши все равно продолжали нарушать административные указания [5, л. 10].

В контексте управления обществом ногайцев-карагашей интересен сюжет о попытке включения их в состав Астраханского казачьего войска. Все началось с того, что наказной атаман М.А. Врубель в своем отчете о войске за 1849 г. доложил, что численный состав войскового населения мал, в силу чего строевые части страдают неполнотой рядов, а наличные казаки испытывают большое обременение в деле исполнения многочисленных нарядов.

Как пишет И.А. Бирюков: «На этот отчет Государь Николай Павлович поставил вопрос: «Чем полагаете усилить полки до штатного положения?» [19, с.8]. Давая на него ответ, атаман высказал предложение «увеличить войсковое население путем зачисления в казаки казенных крестьян, живших в селениях смежно и черезполосно со станицами, а именно: Карантинного, Петропавловского, Пришибинского, Никольского и Соленозаймищенского, в которых насчитывалось тогда свыше 5 тысяч душ мужского пола [5, л. 10]. В случае невозможности причислить к войску крестьян, атаман Врубель указывал на два селения кундровских татар (Сеитовка и Ходжетаевка) Красноярского уезда, которые сами желали служить казаками и подавали об этом прошение, обязываясь принять на себя все расходы, связанные с устройством их быта по новому положению [5, л. 10].

С предложением о приписке к войску крестьянских сел не согласились в Министерстве Государственных имуществ. Не согласились потому, что они не имели в своем распоряжении такого количества земли, которое

полагалось бы для наделения их по казачьему положению. Обращение в казаки (6 тысяч душ мужского пола) кундровских татар в министерстве находили «удобнейшим», так как они имели большее количество земли. Но, прежде чем приступить к окончательному решению вопроса от войска было затребовано ряд необходимых сведений и соображений. Давая их 31 декабря 1851 г., войско представило проект об управлении кундровскими татарами по обращению их в казачье сословие. Проект предполагал образовывать из этих татар отдельный полк, с присвоением ему четвертого номера. При избытке людей в нем предполагалось обращать их на пополнение некомплекта в остальные три полка. Для внутреннего управления предполагалось учредить одно полковое и два станичных правления [19, с. 8].

В примечании по этому поводу в книге И.А. Бирюкова также говорится, что «с большей подробностью проектировано было гражданское управление татар, намечены способы переписи населения, зачисления в казаки малолетних и проч. В зависимости от увеличения в войске строевого состава, предполагено было образовать войсковое дежурство» [19, с. 8].

Позже предложение о включении ногайцев-карагашей в состав Астраханского войска нашел горячего сторонника в лице наказного атамана Н.П. Беклемишева. Некоторую поддержку он получал от астраханского губернатора Б.В. Струве, который писал главному управляющему Астраханской палаты государственных имуществ: «казачьему начальству представляется больше возможностей к скорейшему сформированию полка или команд из кундровских татар, чем из государственных крестьян, потому, что первые имеют уже лошадей, сбрую, к верховой езде привычны, хлебопашеством и промыслами почти не занимаются, а государственным крестьянам нужно еще очень много времени, чтобы обзавестись всем нужным для службы» [6, л.4].

Поступил также на рассмотрение астраханского губернатора Б.В. Струве проект от некоего А.И. Верегина, который предлагал, в связи с учреждением на реке Куме населенной кордонной линии от Астраханского казачьего войска, переселить туда кундровских татар, так как «потребуется ... усилить Войско в районе его земель» [6, л.15].

Основное решение о включении ногайцев-карагашей в состав Астраханского казачьего войска оставалось за Военным советом. Им были затребованы сведения «согласны ли будут эти татары перечислиться в казаки на предлагаемых условиях» [6, л.8], то есть имелось в виду, согласятся ли они войти в состав войска с тем, что бы «земли их обратить в общественное достояние войска» [6, л.14]. Поэтому Военный совет настоятельно требовал «отобрать от всех сказанных татар отзывы», согласны ли они будут на это присоединение [6, л.14].

Исполнение указанного распоряжения столкнулось с трудностями «по случаю раскочевки татар по разным местам, на далекое расстояние» [6, л.6], которое можно было выполнить не раньше ноября, только после возвращения их на места зимовок. Далее поступил приговор от волостного схода ногайцев-карагашей об отмене желанья вступить в Астраханское казачье войско, в связи с невозможностью заниматься своими традиционными промыслами [6, л.13].

Впоследствии, как писал Астраханский губернатор Б.В. Струве, «кундровские татары, изъявив согласие быть причисленными к Астраханскому казачьему войску с тем условием, что бы за обществом их были оставлены все земли, состоявшие в пользовании их» [6, л.18].

В силу многих возникших затруднений и несогласований осуществиться проекту включения ногайцев-карагашей («кундровских татар») в состав Астраханского казачьего войска суждено не было. Рассмотрев все его положительные и отрицательные стороны в июле 1858 г., Военный совет оставил начатое дело без последствий, разрешив в то же время принимать в войсковое сословие калмыков на основании Положения о них изданным 1847 г. [39].

Кроме социальных вопросов ногайцев-карагашей также рассмотрим в данной публикации развитие взаимоотношений с другими народами Астраханского края.

В период кочевания, в составе Калмыцкого ханства, ногайцы-карагаши имели тесное отношение с калмыками. Впрочем, после его ликвидации карагашско-калмыцкие отношения на этом не закончились. По свидетельству польского путешественника и писателя Я.Ю.Потоцкого за 1797 год, рядом с калмыками-хошеутами в Астраханской губернии кочевали ногайцы-карагаши и даже прибегали к суду калмыцкого князя Тюменя [34].

В Государственном архиве Астраханской области сохранилось дело 1806 года о просьбе калмыцкого князя Тюменя Красноярскому земскому суду для присылки его сыну Сербиджабу двух людей из ногайцев-карагашей.

Речь шла о Бегали Мустафаеве и Жимамбете Абиеве, которые приглашались в качестве переводчиков с казахского языка, так как Сербиджаб был отправлен для предохранительных мероприятий против набегов казахов на калмыцкие улусы [14].

Взаимоотношения с калмыками отразились на культуре ногайцев-карагашей. В заметках о ногайцах-карагашах приводимых немецким исследователем, членом Российской императорской академии наук П.С. Палласом, отмечается, что они под влиянием калмыков стали жить в разборных юртах по типу терме, до этого применяя неразборную малую юрту на колесах – отау [33, с. 91].

С момента присоединения Букеевской орды в 1801 году устанавливаются более тесные отношения ногайцев-карагашей с казахами. Интересным аспектом ногайско-казахских взаимоотношений является факт включения в состав Букеевской орды представителей ногайцев-карагашей. По данным исследователя из Казахстана Н.Курумбаева, причиной появления ногайцев-карагашей в Букеевской Орде является приглашение их ханом Джангиром для постройки домов в Ханской ставке. Приближенность ногайцев-карагашей к казахским ханам, а также возможные близкие родственные отношения, подтверждают надгробные стелы, расположенные на одном холме с могилой хана Жангира. Возможно, они могли входить в состав рода «туленгут», выполнявшего функцию охраны хана, о чем говорит тот факт, что у них была схожая тамга [29, с. 254].

Еще один народ, с которым ногайцы-карагаши имели тесные отношения, являются туркмены. Еще в период основания Сеитовки и Ходжетаевки, в конце XVIII века возникли земельные споры между карагашами и туркменами, о чем свидетельствует обширный документ фонда губернской канцелярии Астраханского государственного архива.

Более тесными и менее конфликтными эти отношения становятся в начале XIX века. В Государственном архиве Астраханской области фонда Канцелярии Астраханского гражданского губернатора сохранились любопытные документы, которые свидетельствуют о зарождении этих контактов. Так, в одном из них за 1821 год, туркменский старшина 13-ти кочующих кибиток возле Зензелей из племени игдыров Ильмемет Ниязов, просит у Астраханского гражданского губернатора И.И.Попова разрешение перейти с нагорной стороны на луговую сторону в Красноярском уезде, неподалеку от земли ногайцев-карагашей. Причина смены места жительства это нехватка пастбищных угодий для скота. На что разрешение от властей «по недостатку земель» не было получено [15]. Но в документе 1826 года мы находим сведения о том, что в Красноярском уезде кочуют 150 кибиток туркмен из Астраханского уезда, при этом указывается то, что о настоящем числе можно узнать только после прибытия их на место зимовок [16].

Эти факты подтверждает П.И.Небольсин – исследователь народов Нижнего Поволжья середины XIX века. В частности, он характеризует степень взаимоотношений ногайцев-карагашей и туркмен: «Мангышлакские туркмены до такой степени сблизились с ними, что трудно найти различия между ними во всем, что касается образа жизни, занятий, нравов и обычаев» [32, с. 147]. В составе ногайцев-карагашей до сих пор сохранился род «туркпен», представители которого живут в поселках Кири-Кили, Сенном и, возможно, в других местах. Это, по всей видимости, переселенцы из исчезнувшего ныне села Иш-Тамак, где когда-то жили компактно туркмены (около 15 домов).

Взаимоотношение карагашей с другими группами астраханских ногайцев имело разный характер. Причина была связана с тем, что были существенные различия в их образе жизни. Так, известно, что к моменту расселения ногайцев-карагашей в Красноярском уезде Астраханской губернии, юртовцы таких сел как Татарская Башмаковка, Карагали, Яксатово и др., перестали кочевать в весенне-летнее время и почти полностью осели на землю. Они строили деревянные дома и в основном занимались овощеводством и бахчеводством [25, с. 173]. Хотя при этом занимались скотоводством и сохраняли юрты как летние жилища [25, с. 174, 175]. К середине XIX века в обществе юртовцев остались только незначительные группы, которые сохраняли полукочевой образ жизни, а все остальные окончательно осели на землю и даже возникла специализация в производстве земледельческой продукции по селам [32, с. 65].

Характер карагашско-юртовских взаимоотношений отразился в терминологическом определении, которое получили юртовцы от карагашей по причине несходства образа жизни. В карагашской среде юртовцев принято называть «кариле» (с ногайского «черные дома»), т.е. в смысле того, что юртовцы жили в деревянных домах. Между этими группами были налажены тесные хозяйственно-экономические связи. Юртовцы вели активную торговлю в карагашских селах, занимались меной кошм на сырые кожи и даже изготовливали арбы и оснастки для карагашских юрт [17].

Исследователи отмечают культурное влияние этих групп друг на друга. Также отмечается факт проникновения в карагашскую среду, через юртовцев татарской музыки и фольклора [35].

От юртовцев отошла одна группа, которая обособившись, получила свое определение – кундровцы («кундрау-ногайлар») и установила более тесные связи с карагашами. Это выходцы из юртовского села Солянка, которые перешли на жительство на левый берег Волги и основали село Тулугановка на Рыче. Как отмечает П.И.Небольсин: «Тулугановские жители, с весны, отправляются в кочевку на земли Кундровских Татар (карагашей – примеч. – Э.Ш.Идрисова), по той необходимости и настоятельной надобности, что все их селение совершенно заливается весенними разливами Волги» [32].

Итак, ногайцы-карагаши, окончательно вошедшие в состав Астраханской губернии в конце XVIII в. находилось на полукочевой стадии развития, что предполагало наличие укрепленных зимних поселений, какими являлись первоначально Сеитовка и Ходжетаевка. Правда одна группа ногайцев-карагашей вблизи Каралата на Каспийском взморье продолжала вести круглогодичное кочевание. В пределах Красноярского уезда Астраханской губернии за ногайцами-карагашами были закреплены земли для весенне-летних пастбищ, на которых к середине XIX в. возникают новые укрепленные зимние поселения, впоследствии получившие административный статус.

Постепенно происходило сокращение ареала кочевания в рамках установленных границ. По этой причине происходила трансформация хозяйственно-культурного комплекса ногайцев-карагашей, распространением в их среде земледелия и рыболовства.

Войдя окончательно в состав Астраханской губернии, ногайцы-карагаши, управлялись до середины XIX в. путем сочетания внутреннего общественного самоуправления и административного контроля со стороны губернской администрации. Сохраняли свое значение родовые институты власти в виде совета старейшин – «маслагата». Региональным властям приходилось учитывать наличие самоуправления, а при принятии важных управленческих решений они даже старались опереться на решения сходов и согласования своих действий с общественными интересами ногайцев-карагашей.

Но, в тоже время, степень интеграции ногайцев-карагашей в административно-политическое пространство региона Астраханской губернии, по причине наличия их устойчивых своеобразных ценностных установок и поведенческих стереотипов, до середины XIX в. оставалась низкой. Этому свидетельство – наличие конфликтов с местными властями по причине нарушения административных установлений со стороны общества ногайцев-карагашей, понимаемых ими как необязательных для строгого исполнения. Одним из вариантов социальной адаптации в условиях имперской политики могло бы стать включение общества ногайцев-карагашей в состав Астраханского казачьего войска, что сохранялась как нестандартная тенденция не менее чем 12 лет в середине XIX в., но так и осталось неосуществленным.

Ногайцы-карагаши, включенные в систему межэтнических отношений и социального развития Астраханского края представляли собой общество, как было уже отмечено, находившееся на стадии полукочевого развития. Неминуемым в этой ситуации является постепенная трансформация кочевого быта, которая проходит под влиянием оседлых народов. Различия или сходства стадийных уровней существования сказываются на характере отношений с соседними народами, возможности установления связей или наоборот столкновения по причине конкуренции за производственные ресурсы.

Источники и литература

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). – Ф.1. – Оп. 1. – Д.719.
2. ГААО. – Ф.1. – Оп. 1. – Д. 1345.
3. ГААО. – Ф.1. – Оп. 1. – Д.1553.
4. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д.450.
5. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 7. – Т. 1. –Д. 291.

6. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 101.
7. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 11. – Д. 192.
8. ГААО. – Ф. 32. – Оп. 1. – Д. 108.
9. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 437.
10. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 4372.
11. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 5293
12. ГААО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 819.
13. ГААО. – Ф. 476. – Оп. 3. – Д. 792.
14. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 3651.
15. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 1398. – Л. 1. и Л. 16
16. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 7. – Т. 2. – Д. 2177. – Л. 27.
17. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 7. – Т. 2. – Д. 2177. – Л. 28.
18. Батмаев М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII века / М.М. Батмаев. – Элиста. – 2002.
19. Бирюков И.А История Астраханского казачьего войска./И.А. Бирюков. – Саратов. – 1911. – Часть – II.
20. Быков А.Ю. Административно-территориальные реформы в Букеевской орде (I пол. XIX века) / А.Ю. Быков // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2002. – С. 414-420.
21. Васькин Н.М. Заселение Астраханского края / Н.М. Васькин. – Волгоград. – 1973. С. 33. Но вместо употребляемых Н.М.Васькиным ойконимов «Найма» и «Канялы», скорее всего, правильнее будет писать «Найман» и «Куянлы», поскольку указанные населенные пункты у ногайцев-карагашей возникли довольно рано, а село Куянлы уже с 1860 года получило административный статус.
22. Викторин В.М. К этнической истории карагашей / В.М. Викторин // Поволжский край. Межвузовский научный сборник. Вопросы социально-экономического развития и общественного движения в крае. – Саратов. – 1983. – Вып.-8.
23. Викторин В.М. Российское государство и кочевые народы/ В.М. Викторин // История России. Россия и Восток. – СПб. – 2002. – С.152-189.
24. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Астраханская губерния. – СПб. – 1852. – Том -5. – Часть -5.
25. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1777. Ч.II.
26. Идрисов Э.Ш. К вопросу о поселении ногайцев-карагашей на территории Красноярского уезда Астраханской губернии (по материалам Государственного архива Астраханской области) / Э.Ш. Идрисов // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы Всероссийской научной конференции к 450-летию г. Астрахани, 18 апреля 2008. – Астрахань. – 2008. – С. 151-155.

27. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. / В.И. Колесник. – М. – 2003.
28. Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке / Ж.Б. Кундакбаева. – М. – 2005.
29. Курумбаев Н. Этнические группы Букеевской Орды // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Астрахань, 2006.
30. Любомиров П. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке / П. Любомиров // Наш край. – 1926. – №4.
31. Небольсин П.И. Иностранцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах / П.И. Небольсин // Вестник Императорского русского географического общества. – СПб. – 1851. – Часть 2. – Кн.4.
32. Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. – СПб, 1852.
33. Палас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах. Том. 1. (избранное). – Астрахань, 2008.
34. Потоцкий Ян Путешествие в Астрахань и Кавказские степи // Исторические путешествия по Волге. – Сталинград, 1937.
35. Усманова А.Р. Этномузыкальные параллели татар и тюркских этнических групп (ногайцев-карагашей, туркмен и казахов). – Саратов, 2008.
36. Как мы знаем термин «кундровцы» применим к еще одной группе астраханских ногайцев, которые воспринимают его как самоназвание в форме «кундрау ногайлар». Это жители села Тулугановка Володарского района Астраханской области. Поэтому часто возникает путаница о ком идет речь, о ногайцах-карагашах или о кундровцах-тулугановцах. В документах, которые приводятся в данной статье, речь идет об ногайцах-карагашах, так как в них часто упоминаются селения Ходжетаевка и Сеитовка, бывших в то время административными центрами ногайцев-карагашей.
37. Интересные документы приведены в книге С. Рахимова посвященной ногайскому просветителю Абдрахману Умерову (Казань, 2002). Со ссылкой на семейный архив Умеровых, приводятся дела касающиеся истории «кундровских татар», но уже речь в них, скорее всего, ведется о кундровцах-тулугановцах.
38. Можно уверенно полагать, что Абдулла Жангуршин является потомком последних представителей династии астраханских ханов, пытавшийся сделать карьеру на государственной службе Российской империи.
39. По всей видимости, вопрос о включении ногайцев-карагашей продолжал обсуждаться. В Государственном архиве Ростовской области имеется продолжение документа Государственного архива Астраханской области о включении ногайцев-карагашей в состав Астраханского казачьего войска, датированный 1862 годом. Его приводит в своей вступительной статье к сборнику «Сарепта. Историко-этнографический очерк. Выпуск 2.

Волгоград, 2006 год доктор исторических наук Юрий Дмитриевич Гражданов.

См. также более подробно Идрисов Э.Ш. К вопросу о включение ногайцев-карагашей в состав Астраханского казачьего войска / Э.Ш. Идрисов // Сарепта: Историко-этнографический вестник. – Вып.3. – Волгоград, 2007. – С.165-171.

ИДЕНТИЧНОСТЬ АСТРАХАНСКИХ НОГАЙЦЕВ-ЮРТОВЦЕВ

Ишмухамбетов Р.В.

В Астраханской области традиционно проживает несколько групп ногайского происхождения: это ногайцы - юртовцы, ногайцы-карагаши, ногайцы-кундровцы и ногайцы-утары [1, с. 308]. Юртовцы, или так называемые юртовские татары, это самая большая из них по численности, но по переписи они фиксируют себя в большинстве как часть татарского этноса. Ногайцы-карагаши же, большей своей частью, в настоящее время стали обозначать себя в переписи как ногайцы. Сложная ситуация сложилась с кундровцами и утарами, которые бывают записаны и как ногайцы, и как татары. Имея общее происхождение, все эти группы разделены по причине самосоотнесения с разными этносами.

В настоящее время определенные тенденциозные взгляды, связанные с идеологией и современными реалиями, а также с геополитическими интересами, оказывают своё влияние на историческую науку и на конструирование идентичности.

Для разъяснения проблем, связанных с проблемой т.н. астраханских татар и уяснения их исходной идентичности, необходимо обратиться к разнообразным данным истории, этнографии, генетики, лингвистики и некоторых прочих смежных наук.

Для определенной части историков характерно противопоставление неких «астраханских татар, потомков жителей Астраханского ханства» и ногайцев, потомков Ногайской Орды [2].

Действительно, происхождение этнонима «ногай» принято связывать прежде всего с населением Ногайской Орды. Однако, куда более логичным и исторически обоснованным нам видится взгляд, при котором ногайцы рассматриваются как потомки населения Большой Орды, Крымского юрта.

Ведущий российский ногаевед В.В. Трепавлов заключил, что «под этнонимом “ногай”, в некоторых источниках, объединялись степные тюрки Мангытского юрта, Крымского ханства и Большой Орды, и это слово имело гораздо более широкое применение, обозначая не только население Ногайской Орды» [3, с. 471]. А автор монографии, посвященной Астра-

ханское ханству, И.В.Зайцев, убедительно доказал, что Астраханский юрт был частью Большой Орды и выделился из нее в 1502 г. [4, с.69]. Притом В.В. Трепавлов, с опорой на материалы архивов, привел данные о том, что имелись и «В Астрахани сущие ногаи», под которыми следует разуметь не пришлых жителей Ногайской Орды, но астраханских мангытов – ногаев[3, с.152]. А ранее, эль мангыт был самым влиятельным в Большой орде [5, с. 255]. Кроме того, население Ногайской Орды, в период правления Ивана III, переселялись в Большую Орду: «И вселившаяся в Большой Орде нагаи и мангыты, из-за Яика пришедши». [3, с. 450-451].

Вообще, судя по всему, племена, составлявшие население Большой орды, сознавали этническое единство с населением Ногайской Орды. Важно, и то, что внук беклербека Большой орды Темира, Дивей, некогда упоминал : «Дед мой Темир был на своем юрте в Нагаех», говоря не о Ногайской, но о Большой Орде [5, с.270].

Так, живший в Большой Орде при ее мангытском беклербеке Темире, поэт Шал Кийиз восклицал:

Он сан ногай
Отаныма карасам
Окас мырза
Огырсызды коьремен...
Аскар тавга
Армай шыгып карасам
Ана Эдилдинь
Ак елкенин коьремен [6, с.13]

(Когда я смотрю на свою десятиудельную ногайскую родину
То вижу (приход) ненавистного бия Ваккаса
Если неустанно поднимаясь на Эльбрус взгляну
то (челна) парус и Волгу - мать увижу
(перевод Р.В. Ишмухамбетов).

Дело в том, что после разгрома Большой Орды, часть ее знати и мурз перешла в Ногайскую Орду, а потом оттуда даже предпринимала попытки возродить «Престольную державу» [3, с.116]. Очевидно, что со своими правителями перешли и подвластные им эли, ведь лишь с опорой на них можно было вернуть на трон Ахматовичей. А значит прежнее население Астраханского ханства, которое являлось осколком Большой Орды и ее наследником, уже тогда вполне могло окончательно усвоить себе в качестве этнического имени этноним «ногай». Кроме того, после присоединения к российскому государству, состав юртовцев пополнялся за счет переселенцев из Ногайской орды.

Вопросами изучения истории юртовцев, после их вхождения в Российское государство, привлекая архивные источники плодотворно занимается И.В. Торопицын. Данным автором, в его публикациях, обоснованно используется официальный термин российской

администрации - «юртовские татары». При этом он подчеркивает, что изучает юртовцев не как этническую группу, а скорее как социальную сословную¹. Однако, к этому факту, для подкрепления, в качестве аргументации прибегает Р.Т. Алиев с тем, чтобы отрицать привязку «к определенному этносу» т.е. к ногаям [2].

Однако появление и существование сословной служилой группы юртовских татар никак не аннулирует существование связанной с нею группы этнической, как это видно на примере соответствия башкирского сословия и самого башкирского народа. Тем более что ныне, по упразднении первой, продолжает существовать вторая. Так же несостоятельно в качестве доказательства различия противопоставления «астраханских людей» и ногаев в источниках. Как известно по тем же источникам, политическое противопоставление имело место быть между ногаями Большого Ногайя и т.н. «кубанскими татарами», а на деле, ногаями Малого Ногайя, которые совершенно точно имели одно и то же этническое происхождение, но имели разную политическую ориентацию, одни на Россию, другие на Крым и Турцию. Несостоятельно и противопоставление татар и ногаев в данном случае вообще, потому что и самих ногаев зачастую именовали ногайскими татарами. Термин «татар» вообще тогда не имел прямого этнического значения.

После присоединения к России юртовцами правили табунные головы именно из ногайских князей, потомки Эдиге семей Урусовых, Тинбаевых и др. Шеджере - родословие юртовских мурз, приводимое П.И. Небольсиным [7, с.54] свидетельствует, что они же являлись мурзами Большой Ногайской Орды. Хотя значение их в системе российской власти стало подчиненное².

На пребывание в Астрахани в XVII в. именно ногаев указывают и широко известные гравюры с легендами *Astrakan in Nagaia* – Астрахань в стране ногаев [8], а в XVIII в. *Royame d Astracan Grande nogais*- царство Астраханское, Большие ногаи [9].

В приводимой А.Х. Джанибековым эпической песне о Казтувгане, описывающей реалии XVII в., приводится «кобшеалмаган ногайды юртовский деп атайды» (тех ногаев, кто не мог переселиться, назвали юртовскими – перевод наш Р.И.) очевидно, что ногайцы-карагаши ногаев- юртовцев от себя не отделяли, сознавая общеногайское единство и родство [10, с.131].

В середине XIX в., побывавший в среде юртовцев именитый ученый-этнограф П.И. Небольсин, отметил о них: «Сами себя они называют ногаями и считаются потомками золотоордынских ногаев, первых основателей Астрахани» [7, с.52].

Неудивительно, что и в вариантах эпоса Эдиге [11, с.69] и эпоса

¹ Личная консультация.И.В. Торопицына.

² Личная консультация И.В. Торопицына.

Мамай, зафиксированных у юртовцев в этот же временной промежуток, также используется этноним ногай [12, с.63-65].

Позднее, известный деятель джадидизма в Астрахани начала XX в. ногаец-карагаш Абдрахман Умеров, в своей книге Нугай джырлары пояснил, что «юртовский татарин» и «кундровский татарин» это не более, чем официальный термин русской администрации, а сами себя обе группы идентифицируют как «юрт ногай» и «карагаш ногай» [13, с.120-124].

Для изучения исходной идентичности юртовцев в конце XIX начале XX вв. мы привлекли материалы Государственного Архива Астраханской области (ГААО), а именно метрические книги периода 1880-1902 гг. село Осыпной Бугор, Три Протоки, Мошаик, Башмаковка, Кулаковка, Карагали [15,16,17,18,19,20,21,22], в которых основным населением были юртовцы. Как оказалось, в подавляющем большинстве привлеченных нами материалов для записи юртовцев использовалось этническое именование *یورت نوغای* - юрт ногай, которое передавалось также как *یورتسکی نوغای* - юртски нугай [15, л.1-4; 16, л.1-2,20, л.2.] иногда просто этноним *نوغای* - ногай [17, л.1-2].

А значит термин русской администрации «юртовский татарин», в тюркоговорящей среде, передавался как «юртски нугай».

У всех групп астраханских ногаев выработалась уникальная единая по сути культура и язык. Проф. Л.Ш. Арсланов в своих лингвистических исследованиях неоднократно говорил, что язык юртовцев это по сути ногайский язык, усвоивший фонетическую систему татарского языка [23, с. 506–513]. По состоянию на настоящее время язык юртовцев сохраняет эти свои особенности [24, с.14-15].

На общность происхождения юртовцев, со всеми прочими ногайскими группами, указывает и генетика : «обратим внимание на астраханских татар (юртовцев), относительно которых считается, что на них оказали значительное культурное и демографическое влияние поволжские татары и мишари. Вопреки этому мнению юртовцы оказались генетически очень далеки от поволжских татар: $d=0,67$ и $d=1.02$ так же как и от мишарей Татарстана $d=0.54$ и $d=0.75$. Такую же отдаленность демонстрируют и астраханские ногайцы (под ними им. ввиду ногайцы-карагаши Р.И.). В тоже время, астраханские ногайцы и астраханские татары (юртовские ногаи- Р.И.) обнаруживают явное сходство ($d=0.12$), которое может служить одним из аргументов в пользу гипотезы их ногайского происхождения» [25, с.138].

Интересно, что и сами казанские татары и мишари будущих «астраханских татар» звали именно ногаями. Так в газете, издаваемой в Казани братьями Каримовыми «Кояш» № 64 от 6-го марта 1913 г., встречается исключительно этническое именование *نوغای* - нугай, ногай [26, с.1-4].

Согласно эпиграфическим данным, тамги юртовцев на надгробиях

данного периода изучались и А.Д. Мусаевым, они демонстрируют сходство с ногайскими [27].

Таким образом, до начала и первой четверти XX в. юртовцы однозначно имели ногайскую идентичность, сами себя именовали ногаями, и таким же образом фиксировались в метрических записях.

Но с тридцатых годов того же столетия ситуация изменилась. С введением сталинской политики по укрупнению малых этносов, все астраханские ногайцы стали учитываться как «астраханские татары». Какие же факторы повлияли на смену идентичности с ногайской на татарскую у юртовцев?

Распространению «общетатарской идентичности» как известно, способствовал «татарский проект», продвигаемый усилиями многих казанскотатарских интеллектуалов во главе с Ш. Марджани. Во многом новометодные школы, открываемые духовенством, были проводниками «татаризма», потому что учителями в мектебах и медресе были средневожские татары, методическая литература и учебники были на казанско-татарском языке ¹.

По данным ученого – краеведа А.Д. Мусаева, перенятию элементов языка и культуры способствовали торговые контакты юртовских ногаев с казанскими городскими татарами. При этом официальное именование «юртовский татарин» стало так или иначе толковаться уже как этническое [27].

Нельзя не отметить как фактор усиления татарской идентичности и смешанные браки юртовцев с казанскими татарами, вошедшие в практику с конца XIX в. и имеющие место по настоящее время, на что указывал В.М. Викторин [1, с.311]. Престиж «второго по численности народа», «народа имеющего свою автономию», народа, имеющего богатую оседлую культуру, несомненно сыграл свою роль.

Свою роль, уже сегодня, в поддержании и распространении татарской идентичности играет и спутниковое телевидение [30, 32]. Преподавание татарского литературного языка, которое началось систематически с 30х годов XX в., сейчас имеет факультативный характер или существует в формате курсов. Вместе с тем, существует запрос на сохранение и преподавание языка юртовцев, который, по словам информаторов, учеными из Казани игнорируется как «ненужный, местечковый».

Важно отметить, что в среде юртовцев имеется и обратная тенденция возвращения к этнониму «ногай», «нугай», которая пока не получила широкого распространения. Наши полевые данные относительно бытования этнонима «нугай» в среде юртовцев дают противоречивую картину. Старшее поколение юртовцев, как правило, признает свое

¹ Личная консультация канд. ист. наук. Ярлыкапова А.А. Июнь 2019 г. От себя добавим, что один из наиболее популярных учебников тюрки на арабской графике «Мугаллим Авваль» (Первый учитель) Ахмадхади Максудова был именно составлен именно на казанскотатарском языке.

ногайское происхождение, но молодое поколение уже отрицает и указывает, что они именно татары, «никакие не ногайцы» [30, 32, 33].

Вместе с тем, у юртовцев зачастую ситуационно проявляется ногайская идентичность. Сталкиваясь и взаимодействуя с ногайцами-карагашами и ногайцами Северного Кавказа некоторые признают: «без да нугайлар» [30] (мы тоже ногайцы- перевод наш Р.И.).

Так, например взаимодействие с кавказскими ногайцами, живущими в Приволжье, юртовцы декларировали свою близость и ногайское происхождение.

Очевидно что для юртовцев характерна т.н. «плавающая идентичность», данный термин, используется Л.В. Смирнягиным и другими.

В настоящее время у юртовцев утрачены эпосы и родовое деление «ырувлар» (родá. – Р.И.) это у казахов, у татар нет ырув». Хотя ранее у них в XIX в. еще фиксировались рода общие с прочими ногайскими: мангыт, кыпчак, уйшун, канглы и.т.д [1, с. 311-312].

Вместе с тем уровень ассимиляции с приезжими татарами, к которому зачастую апеллируют казанские ученые, по нашему мнению, преувеличен. Согласно полевым материалам автора, юртовцы прекрасно знают и отделяют, кто в их среде «свой», а кто «приезжие», «казанлы» [30]. Кроме того, если прибегнуть к сравнению с другими ногайскими группами, смешанные браки у тех же кубанских ногайцев не мешают им идентифицировать себя как часть ногайского этноса [29]. Значит у юртовцев вопрос лежит в несколько иной плоскости. Кроме того, наши полевые данные позволяют утверждать, что приезжие наоборот сами интегрируются в юртовскую среду [30, 31].

На вопрос: «почему вы не считаете себя ногайцами?» мы получили следующие ответы: «Мы все татары, это Россия хочет нас разделить», «татар все знают, нугаев никто не знает», «татаром быть престижно» [30,31], «нам ближе татарская культура» [31].

Стремясь вернуть и реанимировать свою исконную идентичность, другая «проногайски» настроенная часть информаторов объясняет желание «вернуться к корням», «сохранить свой язык», объясняет и тем, что «у нас суррогат вместо культуры своей» [28,30,31].

Литературный казанскотатарский язык, в качестве родного собственного языка, юртовцами не воспринимается, зато осознается близость ногайского : «я легко понимаю ногайский, это наш язык», «мы не понимаем казанских татар» [30]. Осознается и общеногайское единство: «без нугайлар, нугайлар булмага кыряк» [30] (мы ногайцы и должны быть ногайцами: перевод наш. – Р.И.).

Высказываются и такие мнения: «татары казанские теряют свои позиции», «элита прогнила», «политической пользы нам от татар никакой нет, мы нужны им только во время переписи», «Дотации идут в Татарстан,

вся помощь ограничивается Сабантуем» [28,30,31] «в Астраханской области нет коренного народа, нам говорят – у вас есть Татарстан, езжайте туда» [30].

Интересно, что в этом году, по инициативе ногайцев-юртовцев, возникла организация «Юртовский ногайский проект», которая ставит своей целью возрождение ногайской идентичности в среде юртовцев. Получит ли данная инициатива свое развитие или нет, будет ли иметь отклик со стороны большинства юртовцев, которые соотносят себя с «единой татарской нацией», покажет время. Тем не менее, реанимация ногайской идентичности, как возможное развитие событий, вполне допустима.

Таким образом, формирование этнической группы юртовцев непосредственно связано с населением Большой Орды, Астраханского ханства и Ногайской Орды. Этноним ногай для этой группы является не навязанным извне, а исконным самоназванием и инообозначением. Термин «юртовские татары», применяемый российской администрацией в XIX в., адекватен обозначению «юртски нугай» - юртовский ногай арабиграфичных документов. Современная ситуация в среде юртовцев показывает, что наряду с отнесением себя к татарам, у небольшой части группы, имеется идентичность ногайская, и в целом, для многих представителей, свойственна ситуационная «плавающая идентичность», характеризуемая переходами от укоренившейся татарской к исконной глубинной ногайской и обратно.

Источники и литература

1. Викторин В.М., Идрисов Э.Ш. Этническая история и традиционная характеристика астраханских ногайцев // Астраханские краеведческие чтения: Вып. 3. – 2011. – Астрахань. – С. 308-312.
2. Алиев Р.Т. Проблема этнической идентификации юртовских татар // Журнал Фронтальных Исследований. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-etnicheskoy-identifikatsii-yurtovskih-tatar> (дата обращения: 22.12.2019).
3. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 764 с.
4. Зайцев И.В. Астраханское ханство. – 2-е изд, испр.. – М.: Восточная литература, 2006. — 303 с.
5. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии монголы и татары серия исторические исследования – М.: Квадрига, 2015. 368 с.
6. Халкым уьшин йыр яздым. Ногай шаирлигининь антологиясы. Махачкала: Лотос, 2013. 200 б. (на ногайском языке).
7. Небольсин П.И., Очерки Волжского низовья. – СПб.1852.
8. *Neuwe Archontologia cosmica*. 1638. И.-Л.Готфрид (И. Абелин)

- URL:<http://astrbook.com/001g/>
9. URL:<https://lermontovgallery.ru/upload/resized/1fa0/1fa0cbcdc51299087f7f1845be092e90.jpg>
 10. Джанибеков А-Х.Ш. Союз Казнасы- Сокровищница слов М.:Наука, 2018.
 - 11.Эдиге: Ногайская эпическая поэма / под ред. Н.Х. Суюновой; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР. - М.: Наука,2016. - 512 с.
 - 12.Мамай. Ногайский героический эпос Карачаевск. КЧГУ, 2015. 240 с.
 - 13.Курмансеитова А.Х. Байтеректинъ байлыгы. Черкесск: Карашай–Шеркеш китап баспасы, 1996.
 - 14.Государственный Архив Астраханской Области (далее ГААО).Ф.1117.Оп.1.Д.73.
 - 15.ГААО. – Ф.1117. – Оп.1. – Д. 104.
 - 16.ГААО. – Ф.1117. – Оп.1. – Д. 256.
 - 17.ГААО. – Ф.1117. – Оп.1. – Д. 284.
 - 18.ГААО – Ф.1117. – Оп.1. – Д.324.
 - 19.ГААО. – Ф.1117. – Оп.1. – Д. 457.
 - 20.ГААО. – Ф.1117. – Оп.1. – Д.217.
 - 21.ГААО. – Ф.1117. – Оп.1. – Д.179.
 - 22.ГААО. – Ф.1117. – Оп.1. –Д.104.
 23. Арсланов Л.Ш. Юртовских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Кыргызстан, 1997. – С. 506–513.
 24. Алексеев Ф.Г., Сатанова Д.С. Языки Астраханской области // Малые языки. 2017. – № 4. – С. 14-18.
 25. Юсупов Ю.М. О некоторых направлениях исследований ногайского генофонда // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему.– Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ. 2019. – С.137-143.
 26. Газета «Кояш» № 64, 6-ое марта 1913 г. Издательство «Торговый дом братья Каримовы», г. Казань – С.1-4.
 27. Юртовцы это татары или ногайцы ? Лекция А.Д. Мусаева URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PZ-r-Qap15M>
 28. ПМА Экспедиция в с. Кулаковка, июнь 2017 г.
 29. ПМА Экспедиция в Ногайский район КЧР. Сентябрь 2015 г.
 30. ПМА Экспедиция в с. Осыпной Бугор. декабрь 2016 г.
 31. ПМА Экспедиция в с.Татарская Башмаковка, декабрь 2019г.

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НОГАЙЦЕВ С АСТРАХАНСКИМ ХАНСТВОМ В XV–XVI ВВ.

Кидирниязов Д.С.

Как известно, Астраханское ханство возникло в 60-е годы XV в. Ногайская Орда всегда была заинтересована в связях с Астраханским ханством, город Астрахань со всех сторон был окружен кочевьями ногайцев. К тому же, окрестности Каспийского моря представляли собой отличное место для зимовок и рыбной ловли.

Ногайцы много раз брали Астрахань военной силой, поддерживая того или другого претендента на ханский престол, более удобного им. С Астрахани ногайцы получали дань. Об этом пишет правитель Ногайской Орды бий Исмаил Ивану IV: «А в Астрахани коли Царь (хан) был и Царевичи; и яз имал по сороку тысяч алтын денег» [16, с. 327].

Правителями Астраханского ханства были потомки ордынского хана Ахмата. В 60–80-е гг. XV в. астраханским ханом был Касим. При нем Астраханское ханство достигло своего наивысшего расцвета. Астраханские ханы находились в союзнических отношениях с Большой Ордой. Во время похода ордынского хана Ахмата на Русь в 1480 г. Касим участвовал с ним на его стороне.

После разгрома Большой Орды астраханский хан лишился своего союзника. Астрахань теперь уже не могла вести самостоятельную политику. Имея ограниченную территорию и небольшое население, астраханские правители должны были искать опоры то в Ногайской Орде, то в Крыму.

Ногайские бии пытались укрепиться в Астрахани, утверждая там на престол своих ставленников, что обостряло отношения ногайцев с Крымом.

В 1492 г. объединенное войско ногайцев и Сибирского ханства, во главе с Мусой, Ямгурчи, Ибаком (Саид-Ибрагимом) и Мамуком, пришло в Астрахань «царя учинить», но почему-то откочевало обратно [17, с. 558].

Через несколько лет, в 1501 г. пять ногайских мурз, в течение нескольких дней, снова осаждали Астрахань. Астраханский хан Абдул-Керим вынужден был изменить свою политику по отношению к ногайцам. Если раньше астраханский хан занимал крымскую ориентацию, то теперь он был вынужден стать союзником ногайцев. В 1509 г. ногайские мурзы Агыш и Шейдяк совершили вместе с астраханским ханом нападение на Крым, но потерпели поражение. Через 6 лет, в 1515 г. несколько ногайских мурз вместе с Абдул-Керимом опять совершили набег на Крымское ханство, более успешный.

Преемник Абдул-Керима – Джанибек занял крымскую ориентацию. Так, например, в 1515 г. он вместе с крымцами напал на владение ногай-

ских мурз Сеид-Ахмеда (Шейдяк). Захватил его улусы и взял в плен десять тысяч человек [6, с. 163].

В 1521 г. крымский хан предложил Джанибеку идти в совместный поход на Москву. В это время ногайцы свергли Джанибека. Преемником стал Хусейн, сын Джанибека, ставленник ногайцев. Хусейн отказался участвовать в походе крымского хана Мухаммед-Гирея на Москву. За этот отказ Хусейна крымский хан объявил ему войну. Весной 1523 г. при поддержке ногайцев во главе с Ших-Мамаем, Мухаммед-Гирею удалось захватить Астрахань, изгнав оттуда Хусейна, сторонника части ногайцев и Москвы.

Однако дальновидные ногайские мурзы, беспокоясь растущего могущества крымского хана, требовали от бия Ших-Мамая отмежеваться от Мухаммед-Гирея.

В это время Крым, Казань и Астрахань на короткое время объединились под властью Гиреев. Боясь дальнейшего усиления Крыма, ногайцы решили уничтожить физически Мухаммед-Гирея, избавиться от политической гегемонии Крыма.

С согласия Ших-Мамая, его двоюродный брат Агыш к назначенному времени подтянул свои войска к Астрахани. Нападение произошло неожиданно для крымцев, «во время пирования». Об этом событии подробно сообщает историк А. Малиновский: «Магмет-Гирей умерщвлен был вместе с сыном своим Батыр-Гиреем и со многими находившимися при них людьми. Спасшиеся от сего кровавого побоища устремились бежать в Крым; но беспрестанно были гонимы от своих неприятелей, сумевших воспользоваться их робостью и рассеянием. При переправе через Дон очень много их было побито и перетоплено» [10, с.234–235].

В 20-х гг. XVI в. ногайцы попытались утвердить свою власть в Астрахани. Когда в 1523 г. «Усейн царь в Азсторокань въехал и сел на своем юрте без нагаи», «нагаем было... хотелось Азсторокань и город разкопать» [1, л. 261 об.]. В начале 1524 г. Ших-Мамай, при поддержке отрядов Юсуфа, вновь появился под Астраханью и в течение семи дней осаждал город. Находившийся в Астрахани беглый крымский царевич Чобан, совершив вылазки из города, разгромил отряды Юсуфа, а Ших-Мамай был вынужден снять осаду. В это время «с Мамаем в розни» находились и Кошум, и бий Агыш [2, л. 270].

По некоторым источникам, Агыш договаривался с астраханским ханом идти против Ших-Мамая, при условии помощи со стороны крымского хана [5, с. 62]. А по другим источникам, Агыш сносился с королем Литвы и предлагал ему окончательно уничтожив Гиреев, восстановить Золотую Орду, поставить во главе ее хана Ших-Ахмета (сына Ахмата), находившегося в плену у литовского короля [10, с. 240].

Вскоре ногайцам удалось заключить союз с астраханцами. В отписке И. Колычева, доставленной в Москву в апреле 1525 г., говорится, что но-

гайцы «с Азстороканью в одиначестве» [3, л. 84 об]. Естественно, Астрахань считалась с огромной военной мощью ногайцев. Как известно, Астрахань платила выход 40 тыс. алтын в пользу ногайцев.

В 30-е годы XVI в., по свидетельствам многочисленных русских агентов в Ногайской Орде, происходят междоусобные распри между влиятельными ногайскими владетелями. Так, например противниками князя Шейдяка являются Ших-Мамай и другие сыновья Мусы [14, с. 287].

Очень решительно выступают против Шейдяка также Алач, брат Агыша и Агышевы дети (племянники Шейдяка). В 1536 г. они, заключив союз с астраханским ханом, угрожают Сарайчику [14, с. 274-275]. Со своей стороны, князь Шейдяк решает осенью 1537 г. выступить на Астрахань, но братья его отказываются участвовать в этом походе. Шейдяк осаждал Астрахань «со всею ордою с ногайскою», требуя увеличения астраханского выхода до 60 тыс. алтын [4, л. 414]. В сентябре 1536 г. Шейдяк извещает Москву, что «Ямгурчиевы дети (семья Агыша – Д.К.) бежали, и яз половину их поймал» [14, с. 291]. Вполне возможно, что это столкновение закончилось без большого кровопролития.

Княжение Юсуфа (1549–1554 гг.) в Ногайской Орде совпадает с периодом активизации внешней политики России. Юсуф занял враждебную политику по отношению Москвы.

В то время как Юсуф энергично ведет переговоры с противниками Москвы и угрожает военным вмешательством в казанские дела, брат его Исмаил наоборот, все более определенно клонится на сторону Москвы. Последний отказывается от предложений Крыма и Турции о совместном походе против России. Исмаил просит Москву возвести на астраханский престол Дервиш-Али, племянника по матери ногайских князей. Дервиш-Али, один из многочисленных представителей династии астраханских ханов, в 1537 г. с помощью ногайцев стал астраханским ханом, но уже в 1539 г. уступил престол Абдурахману, своему троюродному брату. После низвержения своего с престола, Дервиш-Али находится то у своих родственников в Ногайской Орде, то в Москве. В Астрахани Дервиш-Али мог представлять интересы как ногайцев, так и России. Исмаил писал великому князю: «Дервиш-царевич мне родной сестриничь. И ты б Астрахань взяв ему дал. Да потому же его братом учинил, как и Шигалея царя» [14, с. 283].

Юсуф, весной 1552 г., готовится к походу на Москву. Согласно донесению от 24 апреля вернувшегося из Ногайской Орды служилого татарина Беляка Кийкова, Юсуф предложил Исмаилу участвовать в этом походе, но Исмаил под разными предлогами отказался. «Да Нагайской, Государь, Юсуф Князь послал к Смаил-мирзе: язь де перекоюю за Волгу, а возму с собою Такбилди Царевича Астрахансково, да поедем воевать на Русь. Исмаил мирза с ним не похотел, да ему отговорил, и промож ими ныне великая нелюбка» [14, с. 327].

Такой поступок Исмаила можно объяснить тем, что с помощью Москвы, Исмаил добивался низложения астраханского хана Ямгурчи и возведения на этот престол Дервиш-Али. Согласно сообщению русского посланника «говорил ему Исмаил, что он хочет со Царем и великим Князем быти в крепкой дружбе. А Царь бы и великий Князь отпустил к нему Дербыша царя... чтобы он Юрт его Астрахань взяв ему дал» [14, с. 107-108].

Убедившись во враждебной позиции Юсуфа по отношению к Москве, российское правительство вступило в соглашение с его братом Исмаилом. Так, например послы Исмаила, «Темир с товарищами», находились в Москве с 15 декабря 1553 г. до 26 января 1554 г. [14, с. 129]. Исмаил просил отпустить Дервиша и чтобы «рать свою послал и посадил бы на ней (Астрахани) Дербыша-царя; а Исмаиль и с иными мырзами ево цареву дело учнут делати, как им царь и великий князь велит» [12, с. 235].

Вместе с послом Исмаила был отправлен «государев посол» Микула Бровцын, который должен был сообщить Исмаилу, что русское войско выступит на Астрахань в июне 1554 г. с тем, чтобы посадить Дервиш-Али на престол. А Исмаил, со своей стороны, должен был идти войной на своего брата Юсуфа.

2 июня 1554 г. русские войска во главе с князем Ю.И. Пронским взяли Астрахань. Астраханский хан Ямгурчи вынужден был бежать. А на его место был посажен Дервиш-Али, племянник Исмаила. В это же время Исмаил выступил против своего брата Юсуфа. 2 июля 1554 г. произошло первое столкновение между братьями, которое закончилось без кровопролития [15, с. 150-151].

В конце 1554 г. произошло второе военное столкновение между Юсуфом и Исмаилом. В этом кровопролитном сражении были убиты Юсуф и многие его сторонники, а другие бежали. Исмаил стал правителем Ногайской Орды [12, с. 249].

Эта трагическая развязка судьбы Юсуфа послужила лишь началом для дальнейшей распри среди ногайской княжеской фамилии.

Так, в апреле 1555 г. астраханский хан Дервиш-Али известил Москву о том, что к Астрахани приходили Ямгурчи с детьми Юсуфа и с ними были крымские и султанские отряды [12, с. 245].

Это нападение было отбито русскими войсками. Однако вскоре Дервиш-Али, под влиянием ногайцев, сторонников детей Юсуфа и крымцев, вынужден был перейти на сторону противников Исмаила и Москвы [15, с. 151]. Дервиш-Али, бессильный вести самостоятельную политику, продолжал колебаться между Москвой и Крымом, между Исмаилом и детьми Юсуфа. Все это продолжалось до 1557 г., до присоединения Астраханского ханства в состав России.

Ногайцы были заинтересованы в поддержании экономических связей с Астраханским ханством.

Как известно, в 1588 – 1589 гг. воевода М. Бурцев и дьяк Протасов поставили город – крепость Терки на Северо – Восточном Кавказе. Летом 1589 г. в челобитной кабардинских князей Камбулатовых царю Федору Ивановичу отмечалось: «и ныне твой государев воевода Ондрей Иванович Хворостинин с товарищи по твоему государеву наказу на Тюмене (в низовьях Терека – Авт.) город поставити крепок и хорош» [9, с. 73].

В конце XVI – начале XVII в. Терский город становится военно – стратегическим, политическим и экономическим центром Северо – Восточного Кавказа. С первых же дней своего основания, г. Терки являлся посредником в торговых отношениях между Кавказом, Ираном, Индией и др. странами. В городе создается таможня для взимания пошлин с привозимых товаров [8, с. 26-33]. На улицах Терского города, особенно в период его расцвета можно было увидеть турок, армян, персов, грузин, индусов, народов Северного Кавказа, в том числе ногайцев [7, с. 64-65].

Из Терского города в разных направлениях шли торговые маршруты: морем до Астрахани, Дербента, Баку и до Ирана; сухопутным путем в Южный Кавказ и Персию, через Кизлярский перевоз. В торговых операциях активно участвовали ногайцы региона и Нижнего Поволжья [9, с. 74].

Особенно оживленной была торговля в Астрахани [12, 286]. Астрахань, благодаря своему положению в устье Волги, по которой издавна проходили пути из Европы в Китай, Среднюю Азию, Иран и Индию, уже в XII–XIV вв. являлась крупнейшим экономическим центром. Неудивительно, что Астрахань, как отмечал Барбаро, «славился своей обширностью и богатством» [11, 83-84].

Во второй половине XVI в., после объединения всего волжского пути в руках России, Астрахань приобрела еще более крупное торговое значение. Через нее направлялись из Москвы торговые караваны и посольства в Иран, Бухару, Хиву и обратно. В Астрахани сосредотачивалась и основная коммерческая деятельность восточных купцов в России. Здесь можно было встретить, наряду с русскими и татарскими купцами, множество бухарских, ургенчских, иранских, ногайских, гилянских, шемахинских, армянских и турецких купцов [12, с.281], которые, пользуясь правом свободного приезда в пограничный город Российского государства, вели здесь постоянную торговлю. В летописи за 1558 г. сообщается о приезде в Астрахань купцов из Шемахи, Дербента, Тюмени в Дагестане, из Сарайчика и Ургенча [13, с. 585]. Ногайцы продавали в Астрахани бахчевые культуры. А. Олеарий отмечал, что ногайцы доставляли арбузы и дыни «еженедельно возов 10–20 в Астрахань на рынок по очень дешевой цене» [11, с. 401].

Источники и литература

1. Российский архив древних актов (далее - РГАДА). – Ф. 89. – Оп. 1. – Кн. 1. 1523 г.

- 2.РГАДА – Ф. 89. – Оп. 1. Кн. 1. – 1524 г.
3. РГАДА – Ф. 123. – Оп. 1. – Кн. 6. – 1525 г.
4. РГАДА. – Ф.123. – Оп.1. – Кн.8. –1537 г.
5. Дунаев Б.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. – М., 1916.
- 6.Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV – XVIII вв. (проблемы взаимоотношений с сопредельными странами и народами). – Махачкала, 2000.
7. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – XIX вв. – Махачкала: Изд. Дом «Народы Дагестана», 2008.
8. Кидирниязов Д.С., Чекулаев Н.Д.Значение терского города в развитии российско-северокавказских отношений во второй половине XVI – XVIII в. // Дагестан в XX – начале XXI века: проблемы социально-экономической и культурной модернизации // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования ДАССР, 90-летию открытия ДГУ и 60-летию освоения космоса. – Кизляр: ДГУ; Махачкала: АЛЕФ, 2021.
9. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – начале XX в. – Грозный, 2017.
10. Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происшедших между российскими и великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 – по 1533 гг. – СПб., 1793.
11. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XVI-XVIII вв. / Сост., введ., вступит. ст. и примеч. Кидирниязов Д.С. Махачкала, 1999.
12. Полное собрание русских летописей. – М, 1965 – Т. 13. – Ч.1.
13. Полное собрание русских летописей. – Т. 20.
14. Продолжение древней Российской Вифлиофики. – СПб., 1793. – Ч. 7.
15. Продолжением древней Российской Вифлиофики. – СПб, 1793. – Ч. 9.
16. Продолжение древней Российской Вифлиофики. – СПб., 1795. – Ч. 10.
17. Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1841. – Т. 41.
18. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки – 1948. – Т. 27.

АБДРАХМАН УМЕРОВ – НОГАЙСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Курмансеитова А.Х.

В российской мусульманской общине А.И. Умеров был известен как автор религиозных научных трудов и учебников по арабскому языку для тюркоязычных школ, владелец собственной типографии, издатель, редактор газеты «Эдил» («Идель»), и преподаватель новометодного медресе. Абдурахман Исмаилович Умеров (18.01.1867–1933) родился в г. Астраха-

ни, ногаец из рода найман [1, с. 14]. Исмаил – отец Абдурахмана дал сыну начальное образование в лучших мусульманских школах Астраханского уезда, потом отправил его на учебу в медресе «Галия» Шигабуддина Марджани в Казани. А. Умеров с отличием окончил учебу (1888 г.) и работал преподавателем в этом учебном заведении.

Абдурахман Умеров был в числе прогрессивных мусульман, поддержавших просветительские идеи Исмаила Гаспринского. Он в 1892 г. вернулся в г. Астрахань и открыл в Астрахани новометодное медресе «Низамия», располагавшееся на городской стороне Царева (Тиек), на самом берегу «канавы». В классах была установлена мебель «европейского образца», и приобретены наглядные пособия. В медресе А.И. Умеров преподавал высшие мусульманские науки, он еще работал в новометодном медресе при мечети № 6, мектебе для девочек в Цареве при мечети № 8 и в русско-татарском начальном училище № 2 г. Астрахани.

Делегаты III съезда российских мусульман (Нижний Новгород, 1906 г.) поставили вопрос об обновлении учебных программ для мектебе и медресе, а также предлагали, наряду с богословскими дисциплинами, включить в школьные программы изучение светских дисциплин. Было принято решение о переводе учебных заведений российских мусульман на единую программу обучения.

А. Умеров, для реализации решений мусульманского съезда, организовал собеседование с преподавателями астраханских мусульманских школ о переводе на единую программу обучения, предварительно получив разрешение (18 апреля 1909 г.) астраханского губернатора. Он поддержал реформу школьного образования, выдвинутую Исмаилом Гаспринским и делегатами мусульманского форума, в работе которого он участвовал.

Первые книги А. Умерова вышли в свет в казанских типографиях [5, с. 173-177]. Особенно популярными в мусульманской школе стали учебники А. Умерова по грамматике и синтаксису арабского языка, первая из них была издана девять раз, вторая два раза. Первое издание грамматики арабского языка в 1896 г. было напечатано в г. Казани в типографии Б.Л. Домбровского. Его учебники пользовались большой популярностью в российских мусульманских учебных заведениях. Книга А. Умерова «Кыссаи ал-анбийя» («Сказания о пророках»), изданная пять раз, была широко распространена среди мусульманских читателей.

Астраханские мусульмане в 1906 г. организовали исламское общество «Джамияти-Исламия» во главе с А.И. Умеровым, деятельность общества была направлена на развитие сети новометодных школ, издательского дела и периодической печати [8, с. 36-45]. Он открыл типографию (1907 г.) в своем доме (Астрахань, Царевская слобода, 14-я Поперечная улица, дом №13), установил 6 «типолитографских машин-станков» с арабскими, русскими и латинскими шрифтами [10, с. 113-145]. А.И. Умеров объединил

типографию и книжный магазин с читальным залом в одну фирму «Типография «Торгового Дома Умеров и К^о».

Известный издатель выпускал учебно-методические пособия, религиозные книги, художественные произведения, календари, газету «Эдил» («Волга»), журнал «Магариф» и др. В начале XX века среди читателей восточной литературы наблюдается большой интерес к исторической теме, в типографии А. Умерова были напечатаны книги Сеида Мухаммеда Мухаммедова «Тарихи Сейид-заде» (Астрахань, 1908. 1000 экз.) и Жиганшах бин Абдул Жаббара «Астрахань тарихи-и» (Астрахань, 1908). Первое из этих изданий посвящено истории ислама и родословным астраханских мусульман, второе освещает историю Астрахани.

Абдурахман Умеров, наряду с учебной и религиозной литературой, выпускал и художественные произведения. Книга турецкой писательницы Ф.С. Сулеймановой «Три рассказа» («Оч хикайя» Астрахань, 1909. 2000 экз.) издана в переводе на ногайский язык. Вышел в свет сборник стихов «Диван-е Магтымгулы» (Астрахань, 1912. 2000 экз.) известного туркменского поэта Махтума Кули, составитель и издатель книги – Абдрахман Ниязи.

В типографии «Торгового Дома А. Умерова и К^о» вышла книга Яруллы Муради «Тукаев в Уральске» (1913 г.). Среди книг, напечатанных в типографии Абдурахмана Умерова, привлекает внимание комедия Г.Н. (фамилия не указана) «Астраханда иймам, муьхарир уа муаьлимлер меджелеси» («Собрание мулл, редакторов и учителей в Астрахани»). Книга издавалась дважды – в 1909 и 1910 гг. (тираж двух изданий – 2000 экз.). Сагид Рамеев перевел на нижеволжский вариант тюркй драму Льва Толстого «Живой труп» и опубликовал её в газете «Эдил». А. Умеров издал драму Л. Толстого отдельной брошюрой (Астрахань, 1911. 2000 экз.).

Русские издатели в 1912 г., в честь 100-летия победы в Отечественной войне 1812 года, выпустили серию книг, Абдурахман Умеров перевел и издал брошюры Н. Дугинского «Император Александр Благословенный и Отечественная война» и Е. Поселянина «За веру, царя и Отечество».

Абдрахман Ниязов выпустил два календаря «Необходимый каждому карманный календарь» на 1909 и 1910 годы, А. Умеров издал календарь на 1912 год («Койын дефтери». Астрахань, 1911). В этих календарях были напечатаны как григорианский, так и мусульманский календари.

На протяжении всей своей жизни А. Умеров собирал ногайские фольклорные памятники в Нижнем Поволжье и Приуралье, собранный материал он предполагал издать в нескольких книгах. А. Умеров выпустил сборник «Ногай жырлары» («Ногайские песни». Астрахань, 1912). Ногайские исторические поэмы (дестаны), подготовленные к публикации А. Умеровым, из-за его ссылки в Казань не были напечатаны. А.И. Умеров в 1896–1917 гг. издал более 60 книг, их общий тираж более 130000 экз.

В российской мусульманской общине А. Умеров был широко известен как редактор и издатель газеты «Эдил» («Волга». 1907-1914 гг.), входившей в пятерку лучших восточных газет России. Первоначально «Эдил» печатали в типографии П.Г. Никифорова, и первым редактором и издателем был Загидулла Шарифуллин. С декабря 1907 г. издателем «Эдил» стал Абдурахман Умеров и начал печатать газету в собственной типографии, с 1910 г. он был и редактором газеты [10 с. 140-144]. Когда А. Умеров отсутствовал в Астрахани, то функции редактора газеты временно исполнял Абдрахман Ниязов. В редакции газеты работали Абдрахим Басыров, член правой крайней партии, и Сагит Рамеев, социал-революционер, бежавший от преследования жандармерии из Казани (27 января 1907 г.) в Астрахань.

На страницах «Эдил» печатались многие прогрессивные мусульманские деятели: Абдрахман Ниязов, Абдул-Халим Басыров, Сагит Рамеев, Камаль Башир, Габдулла Биги-Мостакаев и другие, они печатали в газете статьи и художественные произведения. Цензура (1912 г.) отметила, что в «Эдил» издали публикации мусульманских женщин. Известный тюрколог Заки Валиди Тоган [3, с. 59], опубликовал первые научные статьи в газете «Эдил» и считал, что своими статьями он заявил о себе как исследователе древней истории тюрок и истории ислама.

Газета «Эдил» поощряла развитие театрального дела, открытие библиотек и читальных залов, распространение в Нижнем Поволжье новометодных школ и русских одно-двухклассных училищ, обучение мусульман в светских учебных заведениях.

Редактор А. Умеров полагал, что «газета «Эдил» – это газета литературная, экономическая ... сторонник прогресса в просвещении и культуре, печатается на тюрки» [10, с. 141]. Царская цензура причисляла «Эдил» к «умеренно либеральным» и «строго прогрессивным, националистическим» газетам восточной печати, уделявшей большое внимание развитию школьного образования. Тем не менее редактор газеты «Эдил» неоднократно подвергался цензурой к штрафам.

В типографии А. Умерова печатали журнал «Магариф» (1908), издатель Абдрахман Алиев, редактор Мухаммед-Садых Рахимкулов, с июля 1909 г. А. Алиев стал и редактором журнала [10, с. 147].

В российской мусульманской общине А. Умеров имел обширный круг общения, у него дома были гости из Приуралья, Поволжья, особенно много знакомых из Северного Кавказа, в их числе аварцы, ингуши, чеченцы, лезгины, кумыки, даргинцы, лакцы и др.

На формирование мировоззрения А. Умерова оказал большое влияние известный татарский богослов Шигабуддин Марджани. Абдурахман, один из первых его учеников обратился к изучению творческого наследия своего учителя и написал научный труд о его жизни и деятельности. А. Умеров общался с известными просветителями Исмаилом Гаспринским, Загиром Рамиевым, Фатихом Карими, Муссой Бигиевым и многими другими.

Дагестанские просветители Мухаммад-Мирза Мавраев и Абусуфьян Акаев совершили путешествие в Поволжье (1900 г.) в городок Каргалы, близ Оренбурга, в пути они останавливались в Астрахани у А. Умерова. Общение Абусуфьяна и Абдурахмана продолжалось в течение длительного времени [7, с. 98-104]. Между ними была активная переписка, в 1920-х гг. сотрудники НКВД изъяли личный архив писем А. Умерова, в том числе письма А. Акаева. Издатели А. Умеров и А. Акаев, участвовавшие в просветительском движении российских мусульман во главе с Исмаилом Гаспринским, встречались на праздновании 20-летия газеты «Терджиман» (1903 г.) в Бахчисарае. Во время путешествия на Кавказ (1925 г.) Абдурахман Умеров, с сыновьями Абдул-Хамидом и Абдул-Рашидом, был в гостях у Абусуфьяна Акаева в Дагестане, в селении Нижнее Казанище.

Абдурахман с семьей известного тюрколога З.В. Тогана был знаком лично и посещал их дом в Приуралье, а Заки Валиди был несколько раз в гостях у А. Умерова [9, с. 368-371]. Об этом общении З.В. Тоган вспоминал: «Во время учебы в медресе Марджани в Казани ногаец Гумеров был шакирдом моего дяди Хабибназара; когда я был маленький, он однажды появился в нашем ауле, и они с моим дядей муллой Вали и отцом посетили все места верховья Ак-Идели и русла Яика, указанные в ногайских дастанах (эпос). С тех пор они состояли в переписке» [3, с. 50].

Заки Валиди неоднократно был в гостях у Абдурахмана в г. Астрахани, ему оказывали гостеприимство, угощали национальными блюдами, для развлечения гостя приглашали известных ногайских певцов (йырав).

А. Умеров сообщил юному Заки Валиди, что его род ведет свое начало от астраханских ногайцев. З.В. Тоган разыскал свою родословную и отметил: «...мы являемся ногайцами, присоединившимися к юмартынским башкирам и что, совершив в 1908-1909 годы путешествие к астраханским ногайцам, мне удалось обнаружить и доказательства, подтверждающие данный факт» [4, с. 303].

После Октябрьской революции, когда З.В. Тоган был вынужден скрываться от НКВД, он обратился к А. Умерову с просьбой помочь выехать за границу. Об этом Заки Валиди писал: «29 июня 1920 г. я бегу <...> от Ленина. Я рассчитывал добраться из Москвы через Астрахань и Баку до Ашхабада, затем вновь вернуться в Баку и там принять тайное участие в работе съезда народов Востока» [4, с. 5].

В Астрахань к А. Умерову приехал человек с запиской от З.В. Тогана, объяснивший положение, в которое попал Заки Валиди. Абдурахман помог старому знакомому, его друзья встретили З.В. Тогана в порту и отвезли в Бузен в дом друга муллы, человека по имени Гузаир. А. Умеров радушно встретил З.В. Тоган и нашел ему проводника, чтобы он смог нелегально покинуть РСФСР навсегда. После долгих странствий по восточным странам Заки Валиди Тоган стал постоянно жить в Турции. Абдурахман

Умеров, рискуя собственной жизнью, оказал бескорыстную помощь З.В. Тогану.

Когда Абдурахман Умеров и муфтий Ризаэддин Фахреддин приехали на Всемирный исламский конгресс (1926 г.) в Стамбул, Заки Валиди пригласил их в гости. Если учесть, что все эмигранты были под контролем службы безопасности СССР, то общение с опальным З.В. Тоганом не могло обойтись без последствий для его гостей.

Как в царской России, так и в СССР, жизнь и деятельность А.И. Умерова всегда находилась под контролем надзорных органов. В начале XX века в Российской Империи мусульманские просветители, борющиеся за развитие культуры, литературы и искусства, обвинялись в панисламизме и пантюркизме, высылались в порядке 34-й статьи «Положения об охране под надзор полиции». В 1911 г. обвинения в панисламизме были предъявлены и представителям прогрессивной творческой интеллигенции Астраханской губернии. Цензор восточной печати Исхак Искендеров в секретном донесении сообщил о политической неблагонадежности А. Умерова в департамент Астраханской жандармерии, что послужило предлогом для заведения уголовного дела. Агмулла Насыбулин и крестьянин Пермской губернии Сабирзан Волков обвиняли А. Умерова в распространении идей панисламизма и пантюркизма среди мусульман Нижнего Поволжья.

В ходе проведения следственных мероприятий астраханский департамент жандармерии фактов, подтверждающих антиправительственную деятельность Абдурахмана Умерова, не выявил. Даже обыск в доме А. Умерова не производили, так как знали, что материалы, доказывающие его преступные деяния, не выявят. Несмотря на это, дирекция народных училищ Астраханской губернии отстранила А.И. Умерова от должности преподавателя в русско-татарском училище и заведования женским мектебе при мечети № 8. Суд (г. Астрахань) вынес решение А.И. Умерову покинуть Астрахань и лично выбрать место для отбывания ссылки. А. Умеров в феврале 1914 г. выехал в ссылку на 4 года в Казань.

«Эдил» был в числе популярных периодических изданий России и как полагает Р. Амирханов относился «к либерально-демократическому крылу» [2, с. 62] восточной печати, тем не менее цензура в 1914 г. запретила его издание.

А. Умеров, в годы ссылки в Казани, в типографии «Умид» (1914–1916 гг.) издал седьмое-девятое издания учебника грамматики арабского языка «Муаллим сарфи лисан ал-араб».

Вернувшись из ссылки, А. Умеров продолжил активную общественную деятельность, в 1917 г. астраханские мусульмане избрали его мухтасибом (духовное лицо, пресекающее публичное нарушение мусульманской морали и наставляющее на путь истинный). А. Умеров участвовал в работе всероссийских мусульманских съездов.

После установления советской власти в Нижнем Поволжье, все личное имущество А. Умерова было конфисковано: десять домов в г. Астрахани, располагавшиеся на Цареве и Мало Царевской, стоимостью 20000 рублей, а также типография, книжный склад, книжный магазин с читальным залом, фруктовый сад в селе Сеитовка в три десятины, стоимостью пять тысяч рублей. В связи с этим, А.И. Умеров с семьей был вынужден арендовать частный дом в г. Астрахани по «ул. Ходоят Эмельбекле в доме №19».

В начале 1920-х гг. в регионах проживания советских мусульман закрыли учебные заведения (мектебе и медресе), ликвидировали институт кадията (судопроизводство по шариату). В связи с тем, что советская власть закрыла частные типографии и ликвидировала народное образование мусульман, А. Умеров после возвращения из казанской ссылки не имел возможности для возобновления научно-педагогической и издательской деятельности.

На съемной квартире А. Умерова в 1920-1930 гг. неоднократно проводились обыски, изымалось личное имущество, в том числе книги, рукописи и личная переписка и др. Сотрудниками Астраханского губотдела ОГПУ (9 августа 1930 г.) в квартире Абдурахмана Умерова были изъяты: карманный календарь (1 шт.), фотографические карточки (39 шт.), переписка разного содержания (64 п.л.), рукопись «История ногайцев» (1 т.), автобиография А. Умерова на арабском языке, письма в двух книгах с Мусой Бигеевым, религиозная книга Мусы Бигеева, рукопись «Ахкам Шаргия» (шариат), выписки из религиозной книги «Ахкам Шаргия» – 4 экз., сборник на арабском языке.

А.И. Умеров и члены его семьи оказались в числе тех советских граждан, чьи юридические права были ограничены, в годы сталинских репрессий родственники, соседи и знакомые боялись общаться с теми, кто входил в список лиц, «лишенных прав».

В советской историографии Абдурахман Умеров показан как ярый панисламист и пантюрист, ставший в оппозицию советской власти. Между тем, факты свидетельствуют о том, что А.И. Умеров был в числе прогрессивных мусульманских деятелей, в его новометодном медресе изучали светские дисциплины, русский язык и русскую литературу. А.И. Умеров был бескорыстным и милосердным мусульманином, он оказывал помощь всем нуждающимся. Российские мусульмане с особой теплотой писали о днях, проведенных в гостях в доме А. Умерова, особо подчеркивали его высокую эрудицию и гостеприимство.

На рубеже XIX – начале XX века А.И. Умеров внес значительный вклад в развитие духовной культуры не только ногайцев, но и всех российских мусульман. В мусульманской общине А. Умеров пользовался большим авторитетом, за безупречную репутацию и высокую эрудицию его избрали председателем Мусульманского Собрании г. Астрахани и

Астраханской губернии, удостоили звания мударриса (профессора) и присвоили почетное звание – ахун. А.И. Умеров был участником просветительского движения российских мусульман, внес значительный вклад в расширение сети новометодных школ, становление издательского дела и периодической печати.

В настоящее время в г. Астрахани открыли музей А.И. Умерова, его творческой деятельности были посвящены научно-практические конференции астраханских общественных организаций ногайцев «Бирлик» (2002 г.) и татар «Дуслык» (2007 г.). В годы перестройки астраханская областная общественная организация татарской культуры начала печатать газету «Идель» («Волга»).

В годы перестройки творчеству Абдурахмана Исмаиловича Умерова были посвящены статьи Д.М. Шихмурзаева [13] и С. Рахимова [12]. Издательская деятельность А. Умерова исследована в научных трудах А.Г. Каримуллина [5] и А.Х. Курмансеитовой [6-10], научно-педагогическое воззрение просветителя изучил И.С. Рахимов [11] и др. Особенно ценным является издание научно-биографического сборника «Абдурахман Умеров» [1], включающего редкие архивные документы и воспоминания сына, Абдулгамида Умерова, и современников ногайского просветителя.

На сегодняшний день для востоковедов большую ценность представляет рукописное наследие А.И. Умерова, особенно важно выявить и издать рукопись «История ногайцев» и коллекцию ногайских фольклорных памятников, автобиографию и другие неопубликованные научные труды. Жизни и творческой деятельности А.И. Умерова, внесшего значительный вклад в духовную культуру российских мусульман, необходимо посвятить комплексное междисциплинарное монографическое исследование.

Источники и литература

1. Абдурахман Умеров: Научно-биографический сборник / сост.: С. Рахимов. – Казань: Рухият, 2002. – 383 с.
2. Амирханов Р. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток – Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань: Татарское кн. изд-во, 2002. – 238 с.
3. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М.: Б. и., 1997. – 649 с.
4. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры / пер.: В.Б. Феонова. 2 кн. – Уфа: Китап, 1998. – Кн. 2. – 367 с.
5. Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1974. – 316 с.

6. Курмансеитова А.Х. Газета «Идел» – печатный орган джадидистов Нижнего Поволжья // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах России. – Астрахань, 2004. – С. 77–81.
7. Курмансеитова А.Х. Дружеские связи Абдрахмана Умерова и Абусуфьяна Акаева в начале XX века // Абусуфьян Акаев: эпоха, жизнь, деятельность. – Махачкала, 2012. – С. 98–104.
8. Курмансеитова А.Х. Издательская деятельность астраханских исламских обществ // Восточный архив. – 2008. – №17. – С. 36–45.
9. Курмансеитова А.Х. Традиции куначества у ногайцев // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения «Культура народов Кавказа и Центральной Азии». Санкт-Петербург. 13-15 мая 2013 г. – СПб., 2013. – С. 368–371.
10. Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX – начало XX века). Черкесск: КЧИГИ, 2009. – 215 с.
11. Рахимов И.С. Общественная и просветительская деятельность Абдурахмана Умерова : 1867–1933 : автореферат дис. канд. ист. наук. – Казань, 2013. – 31 с.
12. Рахимов С. Кем был А. Умеров? // Коммунист Приволжья / орган Приволжского РК КПСС и район. Совета народных депутатов Астрахан. обл. – 1988. – 22 июля.
13. Шихмурзаев Д.М. Умеровтинъ яшав йолы // Шоьллик маягы / орган Ногайского района РК КПСС и район. Совета народных депутатов Дагестанской АССР (а. Терекли-Мектеб). – 1987. – 12 февраля.

АБДУЛ-ХАМИД ДЖАНИБЕКОВ И ЕГО ПОТОМКИ

Курмансеитова А.Х.

Благодарные потомки с особым почтением относятся к творческому наследию известного ногайского просветителя А.-Х.Ш. Джанибекова. В регионах проживания ногайцев его имя увековечено в названиях улиц и школ. В соответствии с постановлением №753 Совета Министров РСФСР (15 июня 1965 г.), по ходатайству Караногайского района Дагестанской автономной республики Терекли-Мектебской средней общеобразовательной школе было присвоено имя Абдул-Хамида Шершенбиевича Джанибекова. Имя А.-Х. Джанибекова присвоено также средней общеобразовательной школе аула Адиль-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесской Республики и школе аула Ясын-Соккан в Астраханской области. Улица в г. Астрахани, на которой родился А.Х. Джанибеков, также носит его имя, здесь в 2018 г. установлен памятник скульптора А. Махмудова. В селе Растопуловка Астраханской области создали культурно-просветительский центр имени А.-Х.Ш. Джанибекова.

В 1979 г., в регионах проживания ногайцев – Карачаево-Черкесия, Дагестан, Ставропольский край – торжественно отметили 100-летие со дня рождения А.Х.Ш. Джанибекова. Карачаево-Черкесский НИИ посвятил этой дате научно-практическую конференцию, материалы были напечатаны [1].

Ежегодно, с 1990 г. в марте, в г. Астрахани, проводятся «Джанибековские чтения», об этом С.Х. Калмыкова сказала: «Эти мероприятия названы так в честь Абдул-Хамида Шаршенбиевича Джанибекова (моего отца), который родился и вырос в Астрахани и был астраханским ногайцем» [2]. Ежегодно, в дни «Джанибековских чтений», в регионах проживания российских ногайцев, в средствах массовой информации печатаются статьи и проводятся радио и телепередачи.

К 100-летию известного ногайского просветителя Абдул-Хамида Джанибекова было написано цикл статей: А.И. Сикалиев [3 с. 5-19], А.В. Авксентьев [4, с. 21-28], Р.Х. Керейтов [5, с. 29-40], Ш.А. Курмангулова [6, с. 41-46], С.А. Блимготова [7, с. 47-51], Н.А. Баскаков [8, с. 52-54], Х.А. Лукманов [9, с. 55-59], З.А.-Х. Кайбалиев [10, с. 60-62], Э.А.-Х. Джанибеков [11, с. 63-68]. Вкладу А.-Х. Джанибекова в становлении книжного дела ногайцев, посвящены статьи А.Х. Курмансеитовой, а также издан список изданных им книг [12-14].

А.-Х.Ш. Джанибеков посвятил свою жизнь сбору и изучению ногайского фольклора, а также просвещению родного народа. Абдул-Хамид был страстно увлечен устным народным творчеством ногайцев, он часто беседовал со стариками, слушал их рассказы, предания и эпические песни о доблестных и отважных ногайских батырах.

Он собирал материал в Нижнем Поволжье, например 23 мая 1905 году со слов ногайского певца (джырау) Салиха он записал «Песню о борьбе богатыря Казы-Тугана с калмыцким ханом Аюке». Позже Абдул-Хамид зафиксировал «Песни народного певца Аскара, последнего народного кобзаря (кобызши) Килекая, рассказы искусного рассказчика (шешен) Мамбедали...» [15, л. 1]. С этих записей в 1905 г. А.Х. Джанибеков начал сбор и изучение ногайских фольклорных памятников.

В 1905-1930 годах А.Х. Джанибеков собирал ногайский фольклор не только в Нижнем Поволжье, но и в других регионах проживания ногайцев. Он выезжал для сбора материала к кубанским (*кобан ногай*) и кумским (*куьми ногай*) ногайцам, а также в Караногай, Ачикулак и записывал ногайские героические эпосы, любовную лирику, пословицы и поговорки, загадки, плачи и другие жанры фольклора. Абдул-Хамид Джанибеков в 1933 г. собранный фольклорный материал структурировал и назвал свою рукопись «*Совъз казнасы*» («Сокровищница слов»).

А.-Х. Джанибеков был активным пропагандистом этнокультуры ногайцев. Для него было важно привитие любви к фольклору и приобщение учащихся и студентов к истории и культуре ногайцев. Он написал пьесу

«Кызыл-Гуьл» по мотивам лирической поэмы, но это произведение не было издано. Премьера спектакля «Кызыл-Гуьл» состоялась в 1925 г. «в Летнем клубе Ногайского района Астраханского уезда» [16, л. 7]. А.-Х. Джанибеков работал учителем в ауле Канглы, в это время он написал по мотивам ногайских казацких песен инсценировку «Сатлык мурзлар» («Продажные князья», 1925 г.). В этой работе показано крепостное право у кубанских ногайцев, пьеса не издана, но в 1925 г. была поставлена на сцене сельского клуба а. Канглы (Минераловодский район Ставропольского края) [17, л. 6].

Как полагает С.Х. Джанибекова-Калмыкова, написанные А.Х. Джанибековым пьесы: «Ногайская свадьба» (1918 г.), «Кызыл-Гуьл» (1925 г.) и «Продажные князья» (1925 г.), «положили основу ногайской национальной драматургии» [18, л. 3].

При Ачикулакском сельском клубе им. В.И. Ленина, в 1928 г. была создана Ногайская литературно-художественная секция, ответственным секретарем избрали А.-Х. Джанибекова. Члены секции планировали организацию и проведение литературных вечеров и детских утренников, организацию хоров, громкие читки, чтение научно-литературных докладов. На одном из заседаний секции в 1935 г. была обсуждена рукопись А.-Х. Джанибекова «Исторический очерк ногайской литературы» и рекомендована к печати.

Абдул-Хамид Джанибеков привлекал учащихся школ и студентов Кизлярского педучилища, в котором он работал к участию в спектаклях и концертах. Софья Калмыкова – дочь А.Ш. Джанибекова, в воспоминаниях об отце, пишет: «Он организовывал краеведческий кружок, учителям и учащимся старших классов помогал собирать материал по истории родного аула. Литературный кружок, который он создавал в школе, способствовал приобщению детей к сбору фольклорных памятников на родном языке. Отец часто устраивал в школе концерты, в которых ногайские эпические произведения он исполнял сам. У меня был приятный голос, папа меня тоже заставлял петь, я стеснялась, но выступить все равно надо было, и я пела» [19].

Учитель – это призвание А.-Х.Ш. Джанибекова, которому он был верен всю свою жизнь, его преподавательский стаж – 45 лет. В дооктябрьский период Абдул-Хамид Шаршенбиевич Джанибеков работал учителем в аулах Айсанай (1901-1905), Ясын Соккан (1905-1913), Ходжатай Астраханской губернии Красноярского уезда Сеитовской волости (1913-1917) и г. Астрахани (1917-1919). В годы культурной революции Абдул-Хамид был учителем в с. Яксатово Зацаревской волости Астраханской губернии (1919-1920), г. Грозном (1920-1921), а. Ураковском (Карачаево-Черкесия (1921-1924), Нижней Теберде (1924-1925), а. Канглы Минераловодского района (1925-1926) Орджоникидзевого края (ныне Ставропольский край), а. Ачикулак (Дагестан, 1926-1937), Кизляре (педучилище, 1937-

1940), Терекли-Мектеб (1940-1942), а в 1943-1946 годах в аулах Икон-Халк и Эркен-Халк Черкесской автономной области. А.-Х.Ш. Джанибеков в 1945 г. работал внештатным инспектором по ногойским школам Черкесского областного отдела народного образования.

Его преподавательская деятельность началась с работы в школах астраханских ногойцев. Известно, что в 1901-1917 годах, в Астраханском уезде Абдул-Хамид учил ногойских детей. Об этом 17 января 1914 года газета «Эдил» («Идел») сообщила: «...в селе Хожетаевском земствами открыто русско-татарское училище, учителем назначен Абдул-Хамид Чарчамбеев, который выехал из Астрахани на место службы» [20, л. 44].

В 1917-1920 гг. А.Х. Джанибеков работал учителем среди юртовских ногойцев. В это время в Тиеке, по инициативе Абдул-Хамида, был организован кружок молодых ногойцев (*джиен*), председателем (*джиен агасы*) избрали Наджиб Гасри Мавлюбердиева (Нажиб Асри), заместителем (*онг-бей*) – А.Х. Джанибекова и секретарем – Абубекира Мадзини [21]. Члены творческого объединения астраханских ногойцев собирали фольклор, вели работу по изучению и распространению этнокультуры ногойцев. В работе кружка принимали участие ногойцы из Астраханского уезда. А.-Х. Джанибеков написал пьесу «*Карагаиш тойы*» («Ногойская свадьба». 1918 г.), которую, к сожалению, издать не удалось, но пьеса была поставлена в том же году в Астраханском городском зимнем театре. Абдул-Хамид, в воспоминаниях о работе данного кружка писал: «По разговорам в кружк[е] слышал я о караногойцах Северного Кавказа, что они очень богаты народной поэзией и у меня [появилось- А.К.] желание идти к ним» [22, л. 2]. По приглашению Отдела народного образования г. Грозного в 1920 г. он устроился в школу учителем. В 1920-1928 годах, работая учителем на Северном Кавказе, А.Х. Джанибеков изучал научную литературу по истории и культуре ногойцев, он читал научные труды Ч. Валиханова, П.М. Мелиоранского, Радлова, В. Ш. Марджани, С. Фарфоровского, М. Османова. Г. Ананьева, Н. Семенова. Г. Малявина и других.

В 1921 г. Абдул-Хамид Джанибеков установил творческие связи с Северо-Кавказским институтом краеведения во Владикавказе и был принят сотрудником в это научное учреждение, он совмещал работу учителя в г. Грозном с научной деятельностью. Летом 1921 г., по заданию Северо-Кавказского института краеведения, А.-Х. Джанибеков для сбора этнографического материала поехал в научную командировку в село Канглы (ныне Минераловодский район Ставропольского края). В воспоминаниях об этой поездке он писал: «...собирал следующее: историю аула, быт и жизнь ногойцев с. Канглы, роды [историю родов и племен, участвовавших в этногенезе ногойцев – А.К.], тавры [тамги] (последние [с] памятников старого кладбища), песни о переселениях ногойцев в Стамбул (1860-1861 гг.), список [аулов], существовавших до переселения, и фольк-

лор со слов Джанбулат Карт[а], Элизе Карт[а], Даулет-Герей Ильгайтарова» [23, л. 3].

Летом 1923 г. А.Х. Джанибеков совершил научную командировку в Ачикулак – центр джембойлукских, джетисанских, джетишкульских ногайцев и в Терекли-Мектеб – центр Караногай. Он исследовал в Караногае ногайские роды и племена, тавры (тамги – А.К.), быт и культуру ногайцев.

В 1924 врачи году посоветовали Абдул-Хамиду Джанибекову переехать в Карачай для лечения горным воздухом в курортно-климатической зоне. В 1924-1925 годах он работал учителем в карачаевском ауле Нижняя Теберда (Карачаево-Черкесия). В это время А.-Х. Джанибеков собирал материал о языке, истории и быту карачаевцев [24, л. 4].

А.-Х. Джанибеков в 1925 г., по приглашению Минераловодского райисполкома, переехал на работу учителем в а. Канглы. Здесь, с целью изучения и сбора ногайского фольклора, Абдул-Хамид организовал для ногайцев литературный кружок, работавший под руководством Северо-Кавказского института краеведения. Летом 1925 г., для сотрудников института, А.-Х. Джанибеков прочитал доклад «Песня о борьбе богатыря Амета с Джанибек-ханом» [25, л. 5]. Текст был написан на русском языке, но по просьбе ученых выступление было прослушано ещё и на ногайском языке.

В том же году А.Х. Джанибеков, при поездке в Москву, посетил Государственный институт музыкальной науки. На одном из заседаний института, по просьбе членов этнографической комиссии, он исполнил ногайские исторические песни «Шора батыр» и другие [26, л. 5]. Комиссия института приняла постановление о записи ногайских песен на фонограф в исполнении Абдул-Хамида Джанибекова.

Северо-Кавказский институт краеведения, в 1926 г., командировал А.-Х. Джанибекова в Баку, на Первый Всесоюзный Тюркологический съезд [27, л. 5]. На съезде он познакомился с известными тюркологами А.Н. Самойловичем, Н.И. Ашмариним, Г.Ф. Чурсиным, Чобан-Заде, А.-К. Губайдуллиным и другими.

А.Х. Джанибеков, возвращаясь из Баку, остановился в Махачкале и посетил Дагестанский краеведческий музей, где познакомился с директором Дагестанского НИИ Д.М. Павловым, предложившим Абдул-Хамиду принять участие в этнографической экспедиции в Караногай. «Я с удовольствием согласился на это предложение, – писал А.Х. Джанибеков, – и летом 1926 года поехал из с. Канглы в Караногай, где я, в продолжение двух месяцев по программе Дагестанского НИИ, [исследовал быт и культуру – А.К.] караногайцев, собирал фольклор и материалы для составления ногайско-русского словаря» [28, л. 5]. По заказу Дагестанского НИИ Наркомпроса Абдул-Хамид на ногайском языке написал исторические, этнографические и лингвистические заметки: «Путешествие по ногайскому миру» о ногайцах Нижнего Поволжья, Кубанской области, Терского окру-

га и Дагестанской автономной республики. Собранный материал он использовал для написания рукописи «Караногайцы».

Заместитель Дагестанского Наркомпроса тов. Аюпов в 1926 г. пригласил А.Х. Джанибекова на работу учителем в ставку Ачикулак. Это предложение Абдул-Хамид принял, так как большая часть ногайцев проживала именно в этом регионе. Семья Абдул-Хамида Джанибекова в 1926 году переехала в Кизлярский округ Дагестанской автономной республики, где он работал учителем в ногайских аулах: Ачикулак, Кизляр, Терекли-Мектеб. О первых днях работы в Ачикулаке он писал: «Первым делом я организовал окружное методическое объединение ногайских учителей (родного языка – А.К.) и кружок краеведения, председателем избрали меня» [29, л. 6]. Позже кружок был преобразован в «Общество обследования и изучения Ачикулакского округа».

Когда в 1941 г. Энвера Джанибекова перевели на работу в г. Черкесск, в 1943 г. Абдул-Хамид Джанибеков с семьей переехал к кубанским ногайцам в Черкесскую автономную область. А.-Х.Ш. Джанибеков в 1943-1946 г. преподавал родной язык в семилетних школах аулов Икон-Халк и Эркен-Халк.

Бюро Черкесского обкома ВКП(б) (15 марта 1944 г.) постановило: «Представить к награждению значком «Отличник народного просвещения» Джанибекова Абдул-Хамида Шаршенбиевича, родившегося в 1879 г., по национальности ногайца, служащего, образование среднее, работающего учителем начальной средней школы а. Икон-Халк Икон-Халковского района (Черкесской автономной области)» [30, л. 163]. Заслуженную награду Ставропольского краевого отдела народного образования ветеран труда получил в том же году.

Значимый вклад в реформу ногайской письменности и становление книжного дела ногайцев в годы культурного строительства внес А.-Х. Ш. Джанибеков и его дети – Энвер, Мунир, Роза и Софья.

До Октябрьской революции ногайцы использовали арабский алфавит, приспособленный для тюркских народов, известный среди российских мусульман как «аджам». Астраханские ногайцы, в годы культурного строительства, приняли активное участие во всех трех реформах ногайской письменности. Н. Ногайлы в 1926 году провел реформирование арабской графики для ногайцев. В 1928 году Абдул-Хамид Джанибеков составил письменность для ногайцев на основе латинской графики. В 1938 г. Энвер Джанибеков составил письменность для ногайцев на кириллице. Все указанные проекты по реформе письменности активно обсуждались во всех регионах проживания ногайцев членами специальной комиссии по введению новой письменности. Члены комиссии вносили исправления и дополнения и лишь после этого были даны рекомендации по принятию латиницы, а затем и кириллицы.

Абдул-Хамид внес значительный вклад в становление и развитие книжного дела ногайцев. Центральное издательство народов СССР издавало книги на 66 языках. Ногайской секции в Центриздате не было, тем не менее, благодаря инициативе ногайской интеллигенции в Москве были напечатаны книги и на ногайском языке. В издательстве, на арабской графике, вышли в свет: учебник А.-Х. Джанибекова «Книга для второго года обучения» (М., 1927) и книга «Карайдар ман Кызыл-Гуьл» («Карайдар и Роза». М., 1928), составитель А.-Х. Джанибеков. На латинской графике в Центриздате были изданы учебник Абдул-Хамида Джанибекова «Ногайский букварь для детей и уроки для чтения после букваря» (1929 г.), тираж 3000 экз. Наряду с этим пособием А.-Х. Джанибеков подготовил и выпустил в Центриздате несколько учебников. Он, в 1931 г., в соавторстве М. Курманалиевым и З. Кайбалиевым, напечатал учебник «Красная заря. Рабочая книга для 3 года обучения в школе 1 ступени». В этот год вышли в свет в Центриздате следующие книги А.-Х. Джанибекова: «Красная заря. Букварь для детей», «Красная заря. Рабочая книга по родному языку для 3 года обучения» и «Орфографический справочник». Следует отметить, что Центриздат не обеспечивал в полном объеме необходимой литературой ногайское население, в школах не хватало учебников.

В союзных и автономных республиках, а также в автономных областях СССР, в начале 1930 годов были созданы национальные издательства и функционировали типографии. В то же время ногайцы, не имевшие своей государственности, не имели ни национального издательства, ни типографии. Члены Ногайской научно-методической комиссии при Ачикулакском отделе народного образования, в октябре 1930 г., обратились с письмом в Северо-Кавказский краевой отдел народного образования. Ногайская интеллигенция, после длительной переписки с руководителями Северо-Кавказского края, настояла на регулярном издании книг на ногайском языке. В связи с этим, крайисполком принял решение об издании книг на ногайском языке в Махачкале в Дагестанском государственном издательстве.

Первые книги, вышедшие в свет в 1930 году в Махачкале в Дагестанском государственном издательстве, были подготовлены в печать членами Ногайской научно-методической комиссии при Ачикулакском отделе народного образования. 15 апреля 1931 года, при Даггосиздате была организована Ногайская секция, издавшая книги на ногайском языке под руководством Абдул-Хамида Джанибекова. В то же время А.-Х. Джанибеков продолжал работать учителем в Ачикулаке.

Абдул-Хамид Джанибеков, наряду с изданием учебников по ногайскому языку и литературе, принимал активное участие в переводе с русского на ногайский язык общественно-политической, научно-популярной и художественной литературы.

В соответствии с резолюцией, принятой на пленуме Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о терминологии [31, л. 20], Даггосиздат издал терминологические словари на языках народов Дагестана. В их числе, в 1932 году были напечатаны терминологические словари: «Термины по физике», «Термины по математике» и «Термины по химии» составил А.-Х. Джанибеков, он также перевел на ногайский язык «Общественно-политические термины» и «Терминологию по делопроизводству. Вып. 1». Указанные книги вышли в свет после их проверки и рекомендации в печать членами Терминологической комиссии: М. Курманалиев, К. Суюндуков, А. Аджигайтканов.

А.-Х. Джанибеков является также редактором и переводчиком научной, общественно-политической и художественной литературы, а также учебно-методических пособий.

Известный ногайский просветитель Абдул-Хамид Джанибеков (18.03.1879 – 27.04.1955) родился в г. Астрахани в слободе Тиек (Царево) в семье мясника (*касани*) Шаршенбия. В семье Шаршенбия Джанибекова было трое детей: сыновья Абдул-Хамид и Абдрахман, а также дочь Рабига, она вышла замуж в Дагестан.

Абдул-Хамид Джанибеков был прекрасным семьянином, он был женат на Аминат Исмаиловне Хановой (03.08.1888 – 25.03.1966), у них было восемь детей: Энвер (Анвар), Мунир, Гаяз, Роза (Кызыл-Гуьл), Софья и Клара; Эдиге и еще один мальчик умерли в младенчестве [32]. Внешний вид А.-Х. Джанибекова был весьма суровый, но в семье он был мягкий и душевный человек. Абдул-Хамид Джанибеков вел трезвый образ жизни, не курил и сыновьям также запрещал курить. С детьми был ласков, гладил их по голове и никогда не бил, он любил свою семью.

В дни рождения детей А.-Х. Джанибеков устраивал семейные праздники, в которых участвовали все члены семьи. Обычно ставили инсценировку лирико-эпической поэмы «Кызыл-Гуьл и Карайдар». С.А. Джанибекова рассказала об этих семейных вечерах: «У мамы был очень красивый голос и они вдвоем с отцом пели, отец исполнял партию Карайдара и мама выступала в роли Кызыл-Гуьл, а дети исполняли роли других персонажей» [33]. Поэма «Кызыл-Гуьл и Карайдар» была любимым произведением Абдул-Хамида, не случайно старшей дочери он дал имя «Кызыл-Гуьл» (Красная Роза), именно так звали Розу Хамидовну Джанибекову. В детях А.Х. Джанибеков воспитал любовь к ногайской духовной культуре, и они оправдали надежду отца.

В годы культурного строительства, для издательства, рукописи переписывались от руки. У Мунира и Гаяза был красивый почерк, они переписывали рукописи отца, когда они подросли и уехали на учебу, то Роза и Софья переписывали рукописи Абдул-Хамида. Софья Хамидовна вспоминает: «Мой почерк очень нравился отцу, он говорил: «Мой секретарь». А я тогда еще больше старалась» [34]

В годы культурного строительства сын А.-Х. Джанибекова – Энвер Джанибеков - внес значительный вклад в книжное дело ногайцев и реформу ногайской письменности (переход от латиницы к кириллице) [35-36].

Энвер Джанибеков (1910 – 1985) родился в ауле Яшин-Соккан Астраханской губернии, образование получил в мусульманских учебных заведениях Нижнего Поволжья. В годы культурного строительства он активно занимался претворением программы ВКП(б) за ликвидацию неграмотности среди местного населения. В 1931-1933 гг. Энвер Джанибеков служил в рядах Красной армии. Дагестанский обком партии в 1934 году направил Э. Джанибекова на работу редактором Ногайской секции Дагестанского государственного издательства в г. Махачкалу.

В Даггосиздате Энвер Джанибеков был ответственным редактором Ногайской секции и редактировал общественно-политическую литературу.

Значительная часть общественно-политической литературы в Даггосиздате вышла в свет в переводе Энвера Джанибекова, например, он перевел на ногайский язык книги В.Д. Воскресенского и Л.П. Богоявленского «Памятка для культурмейца по обучению чтению и письму», «Примерный устав сельскохозяйственной артели», «К возобновлению приема новых членов в ВКП(б)» и другие. В 1936 году вышла в свет «Конституция СССР» в переводе Энвера Джанибекова. Перевод данного документа был представлен на рецензию в Северо-Кавказский комитет партии. Текст «Конституции СССР» был рассмотрен Милых в присутствии переводчика Э. Джанибекова. Непродолжительное время Э. Джанибеков (1938 г.) временно исполнял обязанности управляющего Даггосиздатом.

Энвер Джанибеков был членом Дагестанской государственной комиссии по переводу письменности народов СССР на кириллицу, созданного 3 октября 1937 г. В реформе письменности ногайцев 1936-1938 гг. при переходе ногайцев от латиницы на кириллицу активное участие принял Э. Джанибеков. Он организовал и провел в Дагестане (1936 г.) конференцию, посвященную реформе ногайской письменности, на которой было принято решение об осуществлении перехода с латиницы на кириллицу 25 января 1937 г., однако реформа ногайской письменности произошла лишь в 1938 г. Проведение реформы 1937-1938 гг. было поручено Э. Джанибекову и Карасову (инициалы в документе не указаны), им дали указание совместно обсудить проблемы перевода ногайской письменности с латиницы на кириллицу и принять решение.

В 1938 г. Кизлярский округ был выведен из состава ДАССР и вошел в состав Орджоникидзевского края (ныне Ставропольский край). Таким образом, книгопечатание на ногайском языке для степных ногайцев, переместилось из Даггосиздата (Махачкала), в Орджоникидзевское краевое издательство (Пятигорск). В связи этим, Э. Джанибекова из Даггосиздата пе-

ревели на работу в Орджоникидзевский крайиздат в г. Пятигорск. В 1938-1939 гг. он работал редактором Ногайской секции Орджоникидзевского крайиздата. Э. Джанибеков в 1939-1941 гг. с отличием окончил третий курс исторического факультета Пятигорского пединститута.

В августе 1941 г. Э. Джанибеков работал инструктором Черкесского обкома партии, кроме того, он был редактором ногайской областной газеты «Кызыл шеркеш» («Красная Черкесия»). Э. Джанибеков В 1949 г. окончил Высшую партийную школу в Москве. Он работал первым секретарем Икон-Халковского райкома партии, а впоследствии и заведующим отделом пропаганды и агитации Черкесского обкома партии. В 1955 году он стал директором Черкесского НИИ, преобразованного в 1957 г. в Карачаево-Черкесский НИИ. Э.А.-Х. Джанибеков восемь лет (1955-1963 гг.) работал директором КЧНИИ.

В 1963-1973 гг. Э. Джанибеков – редактор областной газеты «Ленин йолы». Энвер Джанибеков неоднократно избирался депутатом областного совета народных депутатов, был членом бюро Карачаево-Черкесского обкома партии. За добросовестный труд награжден орденом «Трудового Красного знамени» и медалями.

Жизнь и деятельность Мунира – второго сына Абдул-Хамида Джанибекова мало исследована. Мунир Абдул-Гамидович Джанибеков, (июнь 1914 – 1956), родился в ауле Ходжатай Красноярского района Астраханской губернии [37]. Он был членом ВЛКСМ (1937 – 1940 гг.), с июля 1942 г. – член ВКП(б). В 1931-1935 гг. М. Джанибеков учился в зоотехникуме (г. Буйнакск, ДАССР), получил специальность зоотехника, работал участковым зоотехником (март 1935 – октябрь 1936 гг.) Коясулинского районного отдела сельского хозяйства (а. Коясула).

С октября 1936 по июнь 1938 гг. М. Джанибеков служил в рядах Красной Армии, был красноармейцем 6-го кавалерийского полка 2-й кавалерийской дивизии Киевского особого Военного округа, служба проходила в г. Староконстантиновске Каменец-Подольской области УССР. В июне 1938 – октябре 1940 гг. он – курсант зенитно-артиллерийского училища, г. Ленинград. С октября 1940 года по май 1941 года он был командиром взвода полковой школы 3-го прожекторного полка в Баку.

В годы Великой Отечественной войны М. Джанибеков был офицером и служил в системе противовоздушной обороны (1941 – 1945 гг.) г. Батуми. С мая 1941 года по октябрь 1945 года служил в 33 отделении прожекторного батальона, восьмой Отдельной бригады ПВО Закавказского Военного округа, г. Батуми. М.А. Джанибеков имеет медали «За оборону Кавказа» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

После окончания Великой Отечественной войны он был заместителем командира учебной роты 75 прожекторного полка, г. Баку (октябрь 1945 –

июль 1946 г.). Старший лейтенант М. Джанибеков в 1936 – 1946 гг. служил в рядах Красной Армии.

После демобилизации М.А. Джанибеков в основном работал в сельском хозяйстве. Он был старшим зоотехником по овцеводству Черкесского областного Управления сельского хозяйства (г. Черкесск) Черкесской автономной области (июль 1947 – январь 1949 гг.). М. Джанибеков с января 1949 года по январь 1950 года был слушателем Высшей школы овцеводов – бонитеров при ВНИИОК, г. Ставрополь. В январе 1950 г. его назначили заместителем начальника Черкесского областного Управления сельского хозяйства (г. Черкесск), а в декабре 1950 г. он работал начальником Черкесского областного Управления сельского хозяйства.

М.А.-Г. Джанибеков (1953-1956 гг.) окончил полный курс трехгодичной партийной школы при Ставропольском крайкоме КПСС. О его деятельности в последующий год С.Х. Джанибекова пишет: «Затем был направлен директором в самый отстающий совхоз «Буратинский» (Калмыкия). В течение семи месяцев он вывел его в число передовых и был представлен к ордену Ленина. Были люди, заинтересованные в том, чтобы совхоз оставался отстающим. Мунир вступил с ними в борьбу и погиб (его убили)» [38]. М.А. Джанибеков не успел получить заслуженную награду – орден Ленина, в 1956 г. он трагически погиб, ему было всего 42 года. Его вдова Лидия Мефодьевна осталась с двумя дочерьми: Лилия (1942 г.) и Эннета (1953 г.).

Мунир Абдул-Гамидович Джанибеков занимал активную жизненную позицию, был избран депутатом Черкесского областного Совета трудящихся (декабрь 1947-декабрь 1950 гг.), а с 13.01.1951 г. – член Черкесского обкома ВКП(б).

Как сказано выше, М.А. Джанибеков не только переписывал для издательства красивым почерком рукописи отца, он был переводчиком и составителем ногайских книг. В 1930 годах Мунир Джанибеков перевел учебники на ногайский язык Попова Н.С. «Учебник арифметики для 1 класса начальной школы»; Терехова Л.Г., Эрдели В.Г. «География. Ч. 2. 4-5 годы обучения». Мунир Хамидович с отцом является также составителем фольклорного сборника на русском языке «Песни ногайцев» (Ставрополь, 1948).

Гаяз Абдулхамидович Джанибеков, выпускник учительского института, преподавал историю в школе г. Кизляр, он был призван на фронт в 1942 г., погиб бою в 1944 г.

Дочь Абдул-Хамида – Роза Абдулхамидовна Джанибекова (3.06.1926-1992) родилась в а. Нижняя Теберда в Карачаево-Черкесии. После окончания Черкесского педучилища, в 1943 г., Р.А. Джанибекова начала работать учителем начальных классов, а затем была на комсомольской работе в Черкесском учительском институте [39]. Она в 1952 г. успешно окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, а после окончания

аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС, защитила кандидатскую диссертацию «Коллективизация сельского хозяйства Карачаево-Черкесии» (1964 г.). В Черкесском учительском институте (1953-1955) Р.А. Джанибекова преподавала основы марксизма-ленинизма, работала заведующей отделом пропаганды и агитации Черкесского обкома партии (1955-1957), секретарем Карачаево-Черкесского обкома КПСС (1958-1960).

Роза Абдулхамидовна Джанибекова почти двадцать лет работала директором Карачаево-Черкесского НИИ (1963-1982). Благодаря активной деятельности Р.Х. Джанибековой были открыты отделы экономики и социологии, проводились Всесоюзные научно-практические конференции по гуманитарным наукам. Под руководством Р.А. Джанибековой были изданы словари «Ногайско-русский словарь» (М., 1963), «Русско-карачаево-балкарский словарь» (М., 1965), «Абазинско-русский словарь» (М., 1967), а также книги по национальной литературе народов Карачаево-Черкесии: Л.А. Бекизова «Черкесская советская литература» (М., 1964), А.И. Караева «Становление карачаевской литературы», В.Б. Тугов «Очерки абазинской литературы» (Черкесск, 1970) и другие. Она была ответственным редактором книги «Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Советский период» (Черкесск, 1972) и сборников научных статей [40].

Вторая дочь А.-Х. Джанибекова – Софья Абдул-Хамидовна Джанибекова-Калмыкова (28 февраля 1928 – 23 июня 2014), кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки КЧР, известный тюрколог [41-42].

С.Х. Калмыкова родилась в с. Ачикулак Кизлярского округа Дагестанской автономной области. Она в 1942 г. окончила семилетнюю школу в а. Терекли-Мектеб Караногайского района Дагестана, затем училась на двухмесячных учительских курсах и начала работать учителем в а. Кара-Тоббе в Караногайском районе Дагестана. О своих первых шагах в профессию учителя С.Х. Джанибекова-Калмыкова вспоминает: «К счастью, рядом был отец, он был моим наставником, по вечерам учил меня писать учебный план, а днем я обучала детей. И так я постепенно вступила на отцовский путь и стала учителем» [43].

В связи с ухудшением здоровья, Абдул-Хамид Джанибеков в начале 1950 гг. привлекал Софью Хамидовну к написанию учебников по ногайскому языку. В начале Софья Хамидовна, в соавторстве с отцом, издавала учебники по ногайскому языку, постепенно она стала первым автором, вторым автором, как правило, были наиболее опытные учителя ногайских школ Карачаево-Черкесии. Софья Хамидовна в 1943 г. окончила Черкесское педучилище, а в 1948 г. – Черкесский учительский институт, продолжила учебу на филологическом факультете Пятигорского пединститута.

Научная деятельность С. Х. Калмыковой началась в 1951 г. в Черкесском НИИ, преобразованном в 1957 г. в Карачаево-Черкесский НИИ (ныне

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований), ее научный стаж в этом научном учреждении – более 50 лет.

С.А. Калмыкова (Джанибекова) успешно училась в аспирантуре Института языкознания АН СССР в Москве и в 1965 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Акногайский диалект ногайского языка».

Софья Хамидовна Джанибекова является одним из составителей «Русско-ногайского словаря» (М., 1956), «Ногайско-русского словаря» (М., 1963) и «Русско-ногайского словаря общественно-политической терминологии». Она подготовила и издала фольклорные памятники из архива Абдул-Хамида Джанибекова, а также автор учебников по грамматике ногайского языка для 5-7 классов, школьных программ по ногайскому языку и методических пособий по преподаванию ногайского языка, хрестоматии по развитию устной речи в детских садах [44].

В 1993-1996 гг. С.Х. Джанибекова работала заведующей Карачаево-Черкесской лабораторией НИИ национальных школ Министерства образования РСФСР. Продолжительное время Софья Хамидовна возглавляла Учебно-методическую секцию ногайского языка при Карачаево-Черкесском республиканском институте повышения квалификации работников образования. С.Х. Джанибекова приняла участие в составлении «Диалектического атласа тюркских языков», а также «Лингвистического Атласа Европы». Она подписывала научные труды и учебники: С.А. Джанибекова, С.А. Джанибекова-Калмыкова, С.А. Калмыкова.

На сегодняшний день совершенно мало материала о младшей дочери Абдул-Хамида Джанибекова – Кларе. Известно, что она кандидат филологических наук, работала старшим научным сотрудником в Институте национальных школ Министерства просвещения РСФСР в Москве. Она рано ушла из жизни, умерла от гриппа.

Абдул-Хамид Джанибеков, за время своей научно-педагогической деятельности, обрел широкий круг общения с советскими учеными, педагогами и писателями. Творческая интеллигенция первой половины XX века хорошо знала А.Х.Ш. Джанибекова. В своих воспоминаниях об отце С.Х. Калмыкова пишет: «Тепло и с любовью отзывались о А.-Х. Джанибекове известный писатель Э. Капиев, ногайские поэты и прозаики М. Курманалиев, Ф. Абдулжалилов, З. Кайбалиев, карачаевский историк и литератор Х. Лайпанов, астраханский педагог В. Алиев, из Ашхабада Х. Юмангулов и многие другие» [45].

Абдул-Хамид Джанибеков любил собирать не только фольклорные памятники, его интересовала история, культура, литература, обычаи и традиции ногайцев. При Ачикулакском отделе народного образования А.Х. Джанибеков организовал «Научно-методическую комиссию» и создал авторский коллектив. Участники комиссии писали учебники на ногайском языке и выпускали их в Центриздате в Москве и Даггосиздате в Махачкале.

Значительный вклад Абдул-Хамид Шаршенбиевич Джанибеков и его соратники внесли в становление книжного дела ногайцев в годы культурного строительства. При жизни А.Х. Джанибекова из его рукописи «Союз казнасы» были изданы три фольклорных сборника на ногайском языке и одна книга вышла в свет на русском языке. В 1963-2001 годах, из напечатанных А.Х. Джанибековым фольклорных сборников, были напечатаны три книги, в которых лишь небольшая часть собранного им ногайского фольклора.

А.-Х.Ш. Джанибеков внес значительный вклад ногайское языкознание, он разработал орфографию ногайского языка: «Орфографический справочник» (Махачкала, 1930), «Свод орфографических правил ногайского языка» на кириллице (Махачкала, 1938), в 1962 г. книга была переиздана в г. Черкесске. В 1932 году А.-Х. Ш. Джанибеков принял активное участие в составлении и переводе на ногайский язык терминологических словарей. Особенно большой вклад внес А.-Х.Ш. Джанибеков в ногайское образование, он автор, составитель, переводчик и редактор многочисленных ногайских учебно-методических пособий.

Многогранное творческое наследие фольклориста и просветителя ногайского народа Абдул-Хамида Шаршенбиевича Джанибекова в XXI веке должно быть критически переосмыслено в соответствии с современными достижениями российской науки и отражено в монографических исследованиях.

Источники и литература

1. Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова /КЧНИИ экономики, истории, языка и литературы. Черкесск, 1981. 110 с.
2. Из личного архива С.А. Джанибековой-Калмыковой, архив хранится в семье ее дочери – З.И. Дзыба, г. Черкесск.
3. Сикалиев А.И. Жизнь и деятельность ногайского просветителя А.-Х.Ш. Джанибекова //Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981. С. 5-19.
4. Авксентьев А.В. Певец дружбы и братства народов //Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981. С. 21-28.
5. Керейтов Р.Х. А.-Х.Ш. Джанибеков – этнограф //Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981. С. 29-40.
6. Курмангулова Ш.А. Преемственность традиций (А.-Х. Джанибеков и современная ногайская литература) //Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981. С. 41-46.

7. Блимготова С.А. Абдул-Хамид Джанибеков – педагог, языковед //Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981. С. 47-51.
8. Баскаков Н.А. Абдул-Хамид Джанибеков – просветитель ногойского народа //Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981. С. 52-54
9. Лукманов Х.А. Воспоминания о моем учителе //Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981. С. 55-59.
10. Кайбалиев З.А.-Х. Наставник //Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981. С. 60-62
11. Джанибеков Э.А.-Х. Слово об отце //Просветители: Сборник статей к 100-летию со дня рождения А-Х.Ш. Джанибекова и Т.З. Табулова. Черкесск, 1981. С. 63-68.
12. Курмансеитова А.Х. Вклад астраханских ногойцев в книжное дело на ногойском языке //Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2009. Вып. 1. С. 220-229.
13. Курмансеитова А.Х. Джанибеков (Жаныбек) Абдул-Хамид Шаршенбиевич (1879-1955) //Ислам в Поволжье: Энциклопедический словарь. Москва – Нижний Новгород, 2013. С. 106.
14. Абдул-Хамид Шаршенбиевич Джанибеков (1879-1955) //Публикации сотрудников КЧИГИ: библиографический указатель (1924-2010 гг.) /Сост.: А.Х. Курмансеитова. Черкесск, 2012. С. 102-114.
15. Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН. Ф. 28, оп. 1, д. 1. Рукописный фонд А.-Х. Ш. Джанибекова Союз казнасы. Мое жизнеописание. Педагогическая и краеведческая деятельность, л. 1.
16. Джанибеков А.-Х.Ш. Исторический очерк ногойской литературы. Рукопись. л. 7. Из семейного архива С.Х. Калмыковой-Джанибековой, архив в настоящее время хранится в семье ее дочери – З.И. Дзыба, г. Черкесск.
17. Институт языка, литературы и искусства ... ДНЦ РАН. Ф. 28, оп. 1, д. 1, л. 6.
18. Воспоминания С.Х. Калмыковой-Джанибековой... //Из личного архива С.А. Джанибековой-Калмыковой, архив хранится в семье ее дочери – З.И. Дзыба, г. Черкесск. л. 3.
19. Калмыкова-Джанибекова С.А. Яшав йолымды белгиледи //Ногай давысы. 1999. 20 марта. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1, оп. 1а, д. 2755, вязка 138, л. 44.
20. Институт языка, литературы и искусства ... ДНЦ РАН. Ф. 28, оп. 1, д. 1, л. 2.
21. Там же, л. 2.

22. Там же, л. 3.
23. Там же, л. 4.
24. Там же, л. 5.
25. Там же, л. 5.
26. Там же, л. 4.
27. Там же, л. 4-5.
28. Там же, л. 5.
29. Филиал Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики «Центр документации новейшей истории». Ф.1, оп. 1, д. 340, л. 163.
30. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. П-1, оп. 1, д. 2456, л. 20.
31. Информант Э.М. Джанибекова, 65 лет, образование высшее. П.з. 15.05.2018, г. Черкесск.
32. Воспоминания С.Х. Джанибековой //Из личного архива С.А. Джанибековой-Калмыковой ...
33. Из выступления по радио С.Х. Джанибековой ...
34. Курмансеитова А.Х. Ногайдынъ абрайлы улы эди //Ногай давысы. 2010. 18 марта.
35. Джанибеков Энвер Абдул-Хамидович (1910-1985) //Публикации сотрудников КЧИГИ: Библиографический указатель (1924-2010 гг.) /Сост.: А.Х. Курмансеитова. Черкесск: КЧИГИ, 2012. С. 115-117.
36. Информант Э.М. Джанибекова, 65 лет, образование высшее. П.з. 15.05.2018, г. Черкесск.
37. Джанибекова-Калмыкова С.Х. О семье А.-Х. Джанибекова //Из семейного архива С.Х. Джанибековой-Калмыковой...
38. Шишканова А.В. Талантливый организатор науки (Р.А. Джанибекова: 1926-1992) //Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Карачаево-Черкесия: история и культура. Черкесск, 2002. Вып. 2. С. 311-317.
39. Джанибекова Роза Абдулхамидовна (1926-1992) //Публикации сотрудников КЧИГИ: Библиографический указатель (1924-2010 гг.) /Сост.: А.Х. Курмансеитова. Черкесск: КЧИГИ, 2012. С. 253-254.
40. Шишканова А.В. Калмыкова Софья Абдулхамидовна //КЧИГИ: 70. Черкесск, 2002. С. 170-171.
41. Шишканова А.В. У истоков ногайского языкознания. (К 75-летию со дня рождения С.А. Калмыковой) //Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Карачаево-Черкесия в русле российской цивилизации. Вып. 3, [ч. 2]. Филологические науки. Искусствоведение, 2004. С. 298-307.
42. Из выступления С.Х. Джанибековой по радио в 1995 г. //Из семейного архива С.Х. Джанибековой. Хранится в семье дочери

43. Джанибекова Софья Абдул-Хамидовна // Публикации сотрудников КЧИГИ: Библиографический указатель (1924-2010 гг.) / Сост.: А.Х. Курмансеитова. Черкесск: КЧИГИ, 2012. С. 118-127.
44. Из воспоминаний С.Х. Калмыковой... л. 4.

Раздел 2. ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ АСТРАХАНСКИХ НОГАЙЦЕВ

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ СЕЛА ДЖАНАЙ КРАСНОЯРСКОГО РАЙОНА АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Грачева А.Н.

Благодаря историческому и культурному многообразию, поликонфессиональности народов и этнических групп, Астраханский регион на протяжении многих столетий вызывает большой интерес среди этнографов, историков, краеведов, этномузыкологов. Результатом одной из этнографических экспедиций Астраханского областного научно-методического центра народной культуры, проведённой специалистами в селе Джанай Красноярского района (17.10.2018 г.) с целью фиксации объектов нематериального культурного наследия ногайцев-карагашей, явились записи напевов и наигрышей на саратовской гармонии, анализ которых стал основой для данной работы [1].

Как известно, первыми поселенцами села Джанай, образованного в результате слияния сёл Большой Джанай и Малый Джанай, аулов ногайцев-карагашей во второй половине XIX века, были выходцы из села Хожетаевка Красноярского уезда. Субэтнос карагашей как представителей Малой Ногайской Орды, появился в Астраханском крае к концу XVIII века [2]. Данный факт находит своё отражение и среди местных жителей, которые до сих пор используют ногайские выражения «бергы щет» (ближний край) и «аргы щет» (дальний край) для обозначения частей своего села. Так, в начале местности компактно проживают переселенцы из сёл Хожетай и Подчалык. Эту территорию джанайцы по сей день называют между собой «Кулаковкой». По одной из версий, такое название может быть связано с тем, что дома в этой части села были новыми и выглядели богаче других.

Этнокраеведы подчеркивают, что для всех субэтнических групп ногайцев Астраханского региона характерны наиболее тесные взаимосвязи с татарами-переселенцами из Средней Волги (выходцами из Большой Ногайской Орды). Этот факт находит отражение в одежде, языке, и музыкальном фольклоре. Данное явление позволяет говорить о существующем фольклорном двуязычии (термин В.А. Лапина) юртовцев и карагашей, и широко рассматривается этномузыковедами (М.Г. Хрущевой, А.Р. Усмановой и др.), как региональная особенность обозначенных субэтнических групп.

В качестве ранних традиционных жанров в исполнительской практике карагашей выступали дастаны (пение под аккомпанемент домбры), различные песенные состязания, а также «уникальный эпический жанр вокального фольклора», общий для юртовцев и карагашей, который, как отмечает исследователь А.Р. Усманова, «не имел прямых аналогов в отсутствие других групп татар и не был характерен для ногайцев основного массива» – хушаваз, исполняемый мужчинами-сказителями на различных торжествах [13]. В настоящее время, к сожалению, эти жанры вышли из обихода и практически не встречаются в современной исполнительской практике карагашей.

Исполнительскую основу в среде современных ногайцев-карагашей составляют лирические песни и уличные частушки «орам куьйи» (большинство из которых заимствовано от юртовских татар и исполняются на татарском языке), а также вокальные напевы и инструментальные наигрыши на саратовской гармонии, как в качестве самостоятельного жанра, так и в качестве музыкального сопровождения народных танцев. Саратовская гармонь взяла на себя выразительные функции некогда существовавшего в обиходе ногайцев традиционного инструментария. Она оказалась способной сохранить и продолжить бытование передаваемых из поколения к поколению наигрышей [12]. Инструмент привозили сначала из Саратова, где во второй половине XIX века было распространено его производство, а позднее мастерские по изготовлению гармонии появились и в Астрахани.

Хотелось бы отметить, что наигрыши на саратовской гармонии, как основная часть исполнительской практики ногайцев-карагашей, звучали во многих домах и являлись неотъемлемой формой как повседневной жизни, сопровождая народные гуляния так и важным этапом в обрядах жизненного цикла (особенного во время свадебного обряда). Устойчивое бытование инструмента в настоящее время связано, преимущественно, с женским исполнительством. Танцевальная музыка (ног. биув куьйи) всегда занимала особое место. Приведённый далее пример – это бытующий среди сельчан инструментальный наигрыш свадебной ногайской плясовой «Зал куьйи», сопровождающий групповой свадебный танец с платочками (см. пример 1).

Как подчёркивали сами информанты-старожилы, к сожалению, современная молодёжь Джаная уже не знает и не танцует свои традиционные танцы. Их помнит, в основном, лишь старшее поколение.

Пример 1.

Исполняет:

Досмухамбетова Сапарбике Утешевна (1941 г.р.).

♩ = 168

Harmonium

4

8

12

15

Интересной особенностью такого музыкального сопровождения является его нефиксированность во времени (исполняется в зависимости от длительности танца, заканчиваясь и вновь начинаясь с начала). Кроме того, мобильность наигрышей состоит в возможном включении в любом моменте по желанию присутствующих «исполнителей» (им может быть любой желающий) частушечных «возгласов», распевов, благодаря чему можно говорить о полижанровости самих инструментальных наигрышей. В свою очередь, они одновременно являются аккомпанементом и танцу, и вокальной импровизации. Кроме того, нередко можно услышать и сольное исполнение в качестве самостоятельного произведения, как, собственно, в приведённом выше примере.

Другим ярким примером сопровождения свадебного гуляния карагашей в жанре песни является вариант хорошо известной свадебной песни (ног. той джыры) «Щелебе». Этим словом обычно обозначали приглашенного на свадебное торжество (той) музыканта. Примечательно, что слова песни могли отличаться из-за диалекта у различных групп ногайцев. В данном случае, песня была исполнена на местном карагаш-ногайском диалекте.

Песня имеет чёткую ритмическую структуру, опору на двудольность, характерную пунктирность ритма, квартовые интонации, большесекстовый (в вариантах у верхнего голоса – октавный) амбитус, а также закруглённость мелодических фраз.

Для структуры песни характерно двукратное повторение мелостроф (aa bb). Напев бытует в различных вариантах интерпретации относительно исполнительского состава – как в качестве только инструментального наигрыша (саратовская гармонь и кабал), так и в традиционном варианте, где инструменты сопровождают пение (см. пример 2).

Пример 2.

Исполняют:

Альмухамедова Разия Джумабаевна (1950 г.р.),
 Байрамалиева Светлана Сатыбаловна (1974 г. р.),
 Давлеталиева Гульниса Хусаиновна(1960 г. р.),
 Джумамухамедова Гульжихан Хамитовна(1952 г.р.),
 Досмухамбетова Сапарбике Утешевна(1941 г.р.),
 Султангазиева Рабига Абдулаевна(1937 г.р.),
 Тельмамбетова Рашида Утемхановна (1951 г.р.).

♩ = 187

Voice

Tambourine

Harmonium

4

Tamb.

Hrmn.

7

Tamb.

Hrmn.

10

Tamb.

Hrmn.

13

1. Ще - лебе, ще - лебе, ще - ле - бе.

Tamb.

Hrmn.

16

Ще-ле-бе той - га ке - лер - ме. Ще-ле-бе, ще - лебе,

Tamb.

Hrmn.

19

ще - ле - бе. Ще - лебе, той - га, ке - лер-ме.

Tamb.

Hrmn.

22

Он эжи ти - е бир ка - тар, са - у - де - гер - лер

Tamb.

Hrмн.

25

бир са - тар. Он эжи ти - е бир ка - тар,

Tamb.

Hrмн.

28

сау - де - гер - лер бир са - тар.

Tamb.

Hrмн.

1.Щелебе, щелебе, щелебе,
Щелебе тойга келерме.

Он эки тие бир катар,
Саудегерлер бир сатар.

3. Макаш байдынъ бир кызы
Хаътеримди калдырды
Калдырсада кайсы кайтыйим
Ат йиберип алдырдым.

4. Щелебе, щелебе, щелебе.
Щелебе йолдан келеме.

2. Шырылдап торгай танъатар,
Танъаткан сонъ яу келер.

Явынга карсы йыйылды
Бир Аллага суъйинди.

Щелебе йолдан кеткенде,
Кызыма к(ы)да келеме.

5. Щелебе, щелебе, щелебе,
Щелебе тойга келерме.

Он эки тие бир катар,
Саудегерлер бир сатар.

«Уличные частушки» урам кий (ног. орам куъйи), а также лирические песни, бытующие у юртовских татар, получили широкое распространение и у ногайцев-карагашей. В настоящее время они также исполняются под аккомпанемент саратовской гармонии сельчанами Джаная и, что характерно, на татарском языке. Так как частушки могли быть частью не строго регламентированных частей обрядов, праздников, массовых гуляний, адресовались они, обычно, большому числу слушателей. Во время исполнения добавлялись новые куплеты при неизменности мелодии, благодаря чему появлялись различные варианты интерпретации, и таких куплетов, как правило, было немало. В ладоинтонационной основе, зафиксированной орам куъйи «Безнен авыл» лежит один из видов ангемитоники – терцсекстовый, характерный для татарской народной музыки.

Лирические песни, также заимствованные от татар, отличаются, как правило, большим количеством куплетов, опорой на свойственную татарской песенной культуре музыку, пентатонику и плавность мелодических линий. Так, например, широко известную татарам песню, «Сарман Буйлары» («На берегу реки Сарман») исполняют на своих гуляниях и джанайцы, как и частушки, на татарском языке.

Таким образом, традиция инструментального исполнительства на саратовской гармонии (сольная, или с ритмообразующим бубном-кабалом), наравне с песенной, до сих пор не только активно бытует, но и передаётся из поколения в поколение и является неотъемлемой частью повседневной жизни и быта современного общества ногайцев-карагашей села Джанай.

Источники и литература

1. Архив центра ногайской культуры «Единение» с. Джанай Красноярского района Астраханской области.

2. Викторин В.М., Идрисов Э.Ш. Этническая история и традиционная характеристика астраханских ногайцев // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А.А. Курапова, – Астрахань: Издательство Сорокин Роман Васильевич, 2011. Вып. III. – С. 308.
3. Информант: Альмухамедова Разия Джумабаевна. 1950 г.р.
4. Информант: Байрамалиева Светлана Сатыбаловна. 1974 г.р.
5. Информант: Байрамов Амиран Расимович. 2002 г.р.
6. Информант: Давлеталиева Гульниса Хусаиновна. 1960 г.р.
7. Информант: Джумамухамедова Гульжихан Хамитовна. 1952 г.р.
8. Информант: Досмухамбетова Сапарбике Утешевна. 1941 г.р.
9. Информант: Иргалиев Уразгали Сапарович. 1948 г.р.
10. Информант: Султангазиева Рабига Абдулаевна. 1937 г.р.
11. Информант: Тельмамбетова Рашида Утемхановна. 1951 г.р.
12. Михайлова А.А. // Саратовская гармоника в социокультурном пространстве полиэтнического региона Поволжья: Монография. – Саратов: СГК им. Л. В. Собинова, 2014. – 408 с.
13. Усманова А.Р. Этническая культура и музыкальный фольклор тюркоязычных групп Астраханского края (Взаимодействие. Взаимовлияние. Параллели). – Астрахань: изд-во «Колор», 2014. – 216 с.

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ

Иргалиева Л.З.

Астраханская область один из многонациональных регионов России. Его история известна как территория мирного сосуществования разных народов, славянского, тюркского, монгольского и кавказского происхождения.

Фундаментом любой национальности является народная культура. Знание основ народного быта, обрядов, традиций, литературы, музыки, хореографии и прикладного искусства, помогает воспитывать интерес и уважение к родной культуре других народов и является одной из сторон воспитания человеческой культуры вообще. Изучая ногайскую национальную культуру, мы соприкасаемся с миропониманием народа и его ценностным отношением к миру.

Традиции окружают человека на протяжении всей его жизни, хотя подчас их смысл и значение забыты или даже утеряны. Многое со временем изменилось – уклад жизни, образ мыслей, но семейные праздники и обряды во многом остались такими же, как много веков назад. Они бытуют по сей день и думается, что будут сохраняться много веков и передаваться из поколения в поколение.

Обряды, связанные с рождением, свадьбой, похоронами, называются обрядами жизненного цикла. Все обряды, связанные с семейными событиями несли в себе магические свойства, целью которых была защита человека от злых сил и привлечение удачи.

Особенности семейно-бытовых обрядов у карагашских ногайцев, их основные составляющие: «бесик-той», «ийт акыл кувувы», «сау-кесу», «соннет той», свадьба – той и т.д. считались необходимыми, как и праздники. Значительные события в жизни человека сопровождались специальными, приуроченными к данному событию обрядовыми действиями и приметами, являются отражением жизненного процесса и в народе такие семейные праздники называли «той».

Рождение ребенка. «Бесик-той». Укладывание младенца в колыбель.

Среди традиций, имеющих большое значение в духовной жизни карагашских ногайцев, особое место занимают обычаи, связанные с рождением ребенка. Их смысл заключается в сохранении жизни и здоровья матери и младенца. Ожидающую ребенка женщину окружают вниманием и заботой: ограничивают в объеме работ, во многом помогают, оберегают ее спокойствие, не отказывают в ее желаниях, особенно если это касается еды.

О беременности обычно знают самые близкие люди, а когда этого уже нельзя скрыть, женщине желательно реже бывать на людях, чтобы уберечься от сглаза. Ей не рекомендуется выходить ночью на улицу, принимать участие в обряде похорон.

В прежние годы, когда подходило время родов, рядом с роженицей находился близкий человек (обычно это ее мать, сестра или свекровь) и женщина-повитуха, следившая за ходом беременности. Считалось, что чем меньше людей знает о родах, тем легче они проходят.

Важным событием в семье было появление на свет ребенка. Главное действующее лицо в этом обряде — специально приглашенная взрослая женщина-повитуха, которую после приема родов одаривали ценными украшениями, обычно это было кольцо.

Новость о рождении младенца со словами «суюнче» («награду мне за добрую весть») сообщают в первую очередь отцу, бабушкам и дедушкам. Принесший эту новость получает подарок или деньги.

Самой почетной гостьей в день родов и до сорока дней была мать роженицы, которая помогала дочери ухаживать за младенцем, чтобы организм роженицы окреп. Для первенца бабушка приносила детское приданое: одеяло, подушку, пеленки и угощения. Она его купала в специально приготовленной воде. В эту воду обязательно добавлялась соль и опускалась серебряная монетка. Затем на младенца надевали новую рубашку, заворачивали в пеленку, чтобы новорожденный спокойно спал. Если у ребенка появлялась пупочная грыжа, то на пупок привязывали большую

медную монету. По традициям, у ногайцев первые сорок дней мать и младенец изолированы от посторонних, чтобы уберечь их от нежелательных последствий. Лишь на сороковой день молодая мама и ребенок впервые выходила за пределы дома.

Одним из первых моментов в жизни ребенка был обряд укладывания в колыбель. Колыбель в народе считалась оберегом и второй матерью младенца. Бесик-той начинался с имя наречения (сабийдин атын атайды, азан айтады кулагына) ребенка. Имя предлагали бабушка и дедушка со стороны отца младенца, так же они могли предоставить выбор имени самим родителям новорожденного.

Ребенка укладывали на подушку или мындер, который в руках держал родственник, если мальчик и родственница, если девочка со стороны отца новорожденного. Сверху ребенка накрывали новым белым платком, имитируя занавес («шымылдык»), со стороны головы ребенка оставляли отверстие, через которое мулла приоткрывая платок в ухо ребенка вслух читает над его правым ухом азан – призыв к молитве, потом над левым, называл его имя три раза. После этого мулла поздравляет родителей, желает, чтобы младенец рос здоровым, умным, красивым, готовым служить своему народу: со словами «аты хайырлы болсын» (пусть будет достоин своего имени). Платок отдавали мулле в подарок. После церемонии имя наречения начинался обряд укладывания ребенка в колыбель (бесике салув).

Обряд первого укладывания в колыбель младенца предоставлялось самой взрослой и уважаемой женщине из числа родственников, которая имела детей и внуков, а так же богатый опыт в воспитании детей.

Перед тем как уложить младенца, у изголовья кладут священную книгу Коран, а затем проходит определенная игра «Онъма сонъма», в которой участвуют все родственники и члены семьи. «Онъ» - правильно, «сонъ» - неправильно. Уважаемая женщина берет младенца на руки и укладывает сначала в правильно в колыбель выкрикивая «онъма сонъма»? , все гости хором «онъ, онъ». Затем переворачивает ребенка и укладывает в другую сторону, выкрикивая «онъма, сонъма», все гости хором «сонъ, сонъ» в третий раз выкрикивает «онъма, сонъма»? И все гости так же хором «онъ, онъ». Уложив младенца, пеленают его в колыбели и завязывают широкими повязками к колыбели, чтобы ребенок не выпал, лежал ровно. Далее уважаемая родственница говорит свои пожелания и поет первую колыбельную, у которой присутствуют оберегательные слова: «соъз тиймесин, коъз тиймесин, ашык болсын бахтысы» («сохрани тебя от слова и глаза дурного, судьба пусть будет открыта к счастью»). Далее семь уважаемых родственников говорят свои пожелания ребенку, а после на изголовье колыбели кладут свой головной убор, чтобы мудрость передалась к ребенку. Продолжается бесик-той обрядом «тыштыма берув». Тыштыма – это круглые пончики из дрожжевого теста, обжаренные на кипящем масле.

В большую емкость засыпают тыштыма, орехи, изюм, урюк, конфеты и перемешивают. Черпая пиалой, пропускают под колыбелькой, и выкрикивают «тыштыма»? С другой стороны принимает другая женщина, гости отвечают «тышты, тышты» и пересыпая в пакетики, угощая раздают всем присутствующим гостям с наилучшими пожеланиями «сизге де саббий хайырлы болсын» («чтобы у вас рождались дети»).

Содержимое в пакетиках имеет свое значение. Само тыштыма – символ продолжение рода, орехи, изюм, урюк – это плоды, из которых могут вырасти деревья и виноградный куст, а конфеты и сладости – сладкой и счастливой жизни. После раздачи сладких презентов все подходят посмотреть на ребенка со словами пожеланиями: «тьфу, тьфу, коьз тиймесин, яман бала, (чтобы не сглазили тебя, какой плохой ребенок)», «бау бек болсын» (достиг высот в жизни), «наьсипле болсын» (пусть будет счастлив) и дарят ему подарки или конверт с деньгами. Заканчивается «бесик-той» раздачей «кийит» (памятные подарки, обычно это рубашка, отрез ткани, платок, полотенце) для всех присутствующих взрослых гостей, которые раздают «келинлер» снохи и праздничным застольем.

«Ит акыл кувувы». Согласно преданию, тотемными предками ногайцев является волчица или собака. И в новорожденном ребенке живет дух и логика волчицы или собаки, который нужно изгнать на сороковой день, когда пройдет обряд имя наречение. «Ит акыл кувувы» дословно означает прогнать собачьи мысли ребенка и после совершения обряда ребенок начинает думать по человечески, т.е. обдуманно.

Проводится обряд на сороковой дней после рождения. Данный обряд берет начало с периода язычества и жив по сей день. Мать малыша печет круглую лепешку калакай с отверстием в центре и готовит первую рубашку новорожденного. Предки ногайцев считали, что надевая первую рубашку на младенца, вся негативная информация передается этой рубашке, от которой нужно избавиться. Во дворе собирается детвора с округи и родные. Для этого обряда заранее находят собаку. В отверстие калакай пропускают рубашку (получается что-то похожее на медальон на ленте) привязывают к шее собаки и детвора начинает весело гонять по улице подальше от дома. Чем дальше убежит собака, тем умнее и мудрее будет ребенок. Собака убегает и съедает калакай. Это означает, что обряд совершен и теперь ребенок будет здравомыслящим. Детворе, гонявшую собаку раздают угощения, в знак благодарности за участие в обряде.

«Баладын шашын алу». Так же, на сороковой день приглашают тестя. Если тестя нет в живых или он пожилой человек, то братишку матери ребенка («наща»), который сбрасывает пушной волос ребенка, чтобы у него росли пышные и красивые волосы.

За совершение обряда одаривали его памятным подарком. И после сорока дня со дня появления на свет ребенок мог выходить на улицу.

«Сау-кесу». Когда ребенок совершает свои первые неуверенные шаги, тогда проводится обряд «сау кесу» – это обряд перерезания пут или разрезающий путы. Он сохранен у ногайцев с периода язычества и распространен у потомков кипчакских народов. Родители приглашают родственников и соседей. Право перерезать путы на ногах ребенка дается мудрому, честному, порядочному, уважаемому человеку, чей жизненный путь достоин подражания и что бы человек обязательно был шустрым, ловким, быстро ходил. На белое полотенце или метровый отрез светлой плотной ткани наступает ножками малыш. Ноги у щиколотки перевязывают крест накрест шерстяными нитками не туго, чтобы не создавало дискомфорта. Путы для обряда плетут из нитки шерстяных двух ярких цветов. Белого – символизирующего благородство и открытую дорогу, красного – цвет крова, оберега для здоровья и богатство.

Под каждую пятку ребенка, теми же шерстяными нитками, завязывают деньги и ребенок начинает шагать по ткани. На другой стороне ткани, перед ребенком, стоит уважаемый человек, которому предоставили совершить обряд. В руках обязательно должна быть яркая игрушка, по направлению которой пойдет ребенок. Если ребенок пройдет прямо, не сворачивая ни куда, к игрушке, значит, будет целеустремленный в жизни. Дойдя до края ткани, уважаемый человек, произнося пожелания, перерезает нить между ног и тогда считается, что обряд совершен. Деньги, что были под пятками ребенка и полотенце отдают уважаемому человеку, совершившему обряд «сау-кесу», который заканчивается весельем и угощениями в кругу родственников. Нитки, что остались на ногах у ребенка, должны сами незаметно отпасть, специально заранее их нельзя отрезать.

Соннет – той. Карагаши, как все ногайцы обязательно совершают обряд обрезания – соннет. Чем раньше он проводится, тем лучше. Обычно это делается в младенчестве или дошкольном возрасте, когда ребенку год, три, пять. т.е. нечетное число по возрасту. Для мальчика и его семьи этот день – важное событие, к которому готовятся заблаговременно. Как правило, он проходит торжественно, с приглашением гостей и прочтением обязательной мусульманской молитвы.

Виновник торжества в праздничной одежде вместе с родителями встречает гостей, затем его переодевают в длинную рубашку. В отдельной комнате после прочтения молитвы соннетчи (специалист, владеющий навыками совершения соннет) совершает обряд обрезания. В настоящее время соннетчи редко приглашают в дом, чаще ребенка ведут в медицинское учреждение, где данную процедуру выполняет врач-хирург, но молитву читают обязательно даже в кабинете врача. После этого родственники, хлопоча вокруг ребенка, отвлекают его разными подарками, мужчины дают ему деньги. Торжество, связанное с обрядом обрезания, называют «соннет-той» (торжество по поводу обрезания), когда мальчика называют настоящим джигитом, мужчиной. Потому что прошел первое в своей жизни

ни испытание. В течении недели посещают мальчика родственники, одаривая подарками и деньгами, а так же поздравляя родителей со знаменательным событием.

Традиции и обычаи карагашской свадьбы. Свадебные циклы карагашев, как и у всех ногайцев, можно разделить на три периода: предсвадебный, свадебный и послесвадебный. Предсвадебный цикл включает в себя несколько этапов: эсик ашар, куда тоьсерув или кудалык. Собственно свадебный цикл: той-мал акелуьв, джиен-той или кыз яткагы той, никак, икон той; Послесвадебный цикл: бет ашар, келин щай, кызбан киювди артына шакырув, кыз тоьри коьрсетув, куда артына шакырув.

Знакомство молодежи, как правило, происходило на свадьбах, на народных гуляниях, скачках или подбирали родители будущую сноху. Если одному из молодых людей понравилась девушка, присутствующая на свадьбе или празднике, то он собирал о ней информацию через знакомых, прибегнув к помощи посредников, чаще всего девушек просил передать небольшой подарок.

Карагаши, как правило, невесту или зятя предпочитали выбирать из своего или соседнего села, из числа своих же карагашей. Браки с ногайцами других групп, к примеру, кундрау или карауйле, особо не приветствовались, а браки с представителями другой национальности исключались, если только не было факта умыкания (выкрадывания невесты без ее согласия или родителей). Из круга возможных брачных партнеров исключались все родственники до седьмого колена. Выбрав девушку, парень, не решаясь признаться родителям, говорил об этом кому-нибудь из близких родственников, например, тете или джиенгесе (жена брата или дяди), которая в свою очередь ставила в известность родителей. Если они одобряли выбор сына, то в дом девушки посылали сватов. Большое влияние на выбор жениха и невесты оказывало общественное мнение, репутация семей. Смотрели не только на богатство, хотя оно тоже играло свою роль, сколько на корни семьи, “на породу”, если семья хорошая, трудолюбивая, не скандальная, тогда и жених (невеста) будут хорошими. Кроме того, существовали представления о “хорошем” парне и “хорошей” девушке. Здесь уже учитывались только личные качества. В парне ценились уважение к старшим, смелость, трудолюбие, порицались неисполнение воли родителей, нарушение обычаев (пьянство, курение, употребление свинины, прелюбодеяние).

В девушке ценились хозяйственность, уважение к старшим, порицались лень, грубость, нечистоплотность, вульгарность. Ногайцам известны различные формы заключения брака: уводом (уходом), по взаимному согласию молодых, но против воли родителей, умыканием (выкрадывание девушки без согласия или с согласия ее родителей). Известны случаи браков с колыбели «бесик куда» (родители договаривались о свадьбе детей, когда те еще находились в колыбели). Но самой распространенной формой

был брак по сговору, сопровождающийся комплексом традиционных обрядов. Одним из важных моментов предсвадебного цикла обрядов являлось эсик-ашар, куда тоьсерув или кудалык (сватовство), джиен той, которое и завершало выбор брачного партнера.

Эсик-ашар дословной перевод «открывание двери» дома будущей невесты. До Великой Отечественной войны младший брат отца жениха с женой брали согласие «чол ашу», а после войны, уже самими родителями жениха, для получения согласия на кудалык (сватовство). Родители будущей невесты, заранее предупреждая через общих знакомых или гонца из числа родственниц, оповещали о приходе с целью знакомства.

В назначенный день, придя в дом будущей невесты, родители жениха и уважаемая родственница приносят подарки, угощения девушке, ее родителям и кратко сообщают о цели визита. Если жених чем-то не нравился родителям, они находили какой-нибудь предлог, чтобы отказаться, заявляя, например, что дочери еще рано выходить замуж. Отказ не расценивался как оскорбление, хотя в некоторых случаях это могло быть поводом для временной обиды, размолвки между семьями. В случае отказа обычно уходили, говоря, что ничего не сделаешь, значит, не судьба.

Так же о согласии выйти замуж учитывалось мнение девушки. Получая согласие на сватовство, они отдают конверт с деньгами за то, что переступили порог их дома, который так и называется, как и обряд «эсик-ашар», родители невесты отдают платок «чаулык беруь» и «басы байлау», подтверждая, что первый этап пройден и обе стороны пришли к согласию. Следом одаривали золотым украшением за молоко матери «суьт акы», которое вручают маме невесты. Во время беседы, за чашкой чая знакомятся, рассказывают о том, откуда родители родом, кто их предки, какого «ыруьв» и рода они, о своей семье и родственниках, сколько человек придет на сватовство и кто именно, чтобы принимающая сторона приготовила подарки. Так же обсуждались размеры калыма, подарки для невесты, преданное. Если возникали спорные моменты, то откладывали эту тему до сватовства, чтобы решить в кругу родственников. Таким образом, при обоюдном согласии сторон, совершалась помолвка. Это первое посещение считалось малым сватовством. На нем, при положительном результате, решался вопрос о сроках второго, большого сватовства. Придя домой, родители жениха сообщали всем родственникам и соседям о том, что получили согласие на сватовство и свадьбу, этот этап называли в народе «чаулык алу» и «басы байлар», т.е. сын повязан с невестой и поэтому поводу накрывали праздничный дастархан.

Куда тоьсер-той или Кудалык. Сватовство. Перед проведением сватовства родители с двух сторон готовят свои подарки и угощения. Выбирается бас-куда (старший сват), взрослый мужчина из числа родственников отца жениха, который имеет семью, детей, состоящих в браке, красноречивый, который может достойно представить всю делегацию от род-

ственников. В старину мама жениха не ездила на сватовство, но в современном мире немного сократились свадебные традиции от двух визитов до одного и мама жениха принимает участие в сватовстве. Куда тоьсер той проходит без молодоженов, принимают участие только близкие родственники с двух сторон.

Родственники жениха во главе с бас-куда направляются к дому будущей невесты. У ворот, под звуки гармонии с бубном, оповещает округе о начале сватовства и звучит мелодия «Шелебе», встречающая сторона поет хвалебные частушки. Пригласив сватов в дом, начинается диалог со свадебной песни - диалога «Яр-яр, хош келдинъиз кудалар», после которой бас куда повествует о цели визита. Старшая тетя показывает подарки, снوخии одаривают по чину и возрасту. Начинают с первого шонтая (кошелек из бархата), сейчас калым дают в конвертах отцу невесты, второй шонтай, на свадебный наряд невесты «той койлеги, той шыбага (свадебный комплекс невесты с серебрянными украшениями)» или заранее купленный свадебный наряд, вручают матери невесты, третий конверт «той малы» за мясо, из которого будет накрыт дастархан на джиен-той, или мясо привозят в канун джиен-тоя невесты. После свадебного наряда демонстрируют подарки для невесты, в который входят одежда, украшения, парфюмерия, а так же угощение «кыз чемиси».

Чемис на карагашском диалекте ногайского языка, на литературном «емис» означает «плод, фрукт», из которого может вырасти плодоносящее дерево, как бы непрерывный процесс жизни. Чемис состоял различных яств из сухофруктов, орехов, конфет, чая, которые упаковывались в мешки и завязывались красной лентой. Такие мешки доходили до 5-8 кг весом. Одаривали по мешку каждой бабушке невесты (маме отца и матери), самой маме невесты, и большой мешок «общий» для всех родственников, который раздавали после сватовства в размере одной пиалы каждому гостю.

В ответ за угощение чемис бабушки одаривали подарками (это могли быть одежда, дорогие отрезы ткани). Родители невесты одаривали родителей жениха в старину шубами из овчины, праздничными камзолами и шепкенами. В современном мире дарят костюмы, куртки, плащи и пальто. Сторона невесты не оставляет без внимания будущего зятя, дарят костюм свадебный или дают деньги жениху на его приобретение. Пришедшим сватам со стороны жениха - каждому по подарку (отрезы ткани для женщин, рубашки для мужчин). Решают не решенные вопросы и назначают день свадьбы со стороны невесты и жениха. После церемонии одаривания начинается церемония угощения. Начинается застолье с ногайского молочного чая с кайнарами и балешем (мясной большой пирог с рисом), затем подают почетное блюдо - голову барана, мясо и алпама (сочни из варенного теста) для бас-куда, который раздает части головы, произнося пожелания, этот обычай называют «бас кыдырту».

Старшей свахе подают в знак уважения «чак» - нижняя челюсть и язык, чтобы она разрезала и раздавала гостям. После процесса почетного угощения передают слово уважаемому свату бас-куда, который знакомит со своими родственниками, подробно рассказывая, как и кем они доводятся жениху и ее родителям. В ответ бас-куда со стороны невесты знакомит со своими родственниками.

Во время застолья в адрес сватов исполняли хвалебные попевки и под заводную мелодию «Ак шатыр» приглашали пришедших сватов на танец с двумя платочками в центр праздничного шатра.

Свадебный цикл начинается с традиции той-мал акелуьв (привоз свадебного мяса), когда в канун свадьбы родственники жениха привозят свежее мясо для свадьбы со стороны невесты. Гостей одаривают подарками и угощают.

На следующий день жених, в окружении родственников, во главе с бас –киув (старший зять) и друзей, едет за невестой. Перед выходом ему говорят напутственные слова родители и аксалы из рода. В доме невесты идут последние приготовления приданного и самой невесты. Этот день называют джиен-той и кыз яктагы той. Джиен-той – означает собрание родственников, соседей, которые пришли попрощаться с девушкой и сбор приданного невесты. Во главе джиен-той назначается уважаемый родственник джиен-агасы, который руководит всем процессом.

Приближаясь к дому невесты, друзья жениха давалои знать возгласами, сейчас это сигналы автомобиля. Из арбы не выходили и с лошадей не слезали, пока не подойдут снохи и зятя принимающей стороны. Снохам и зятям, приглашающих свиту жениха в дом к невесте, одаривали деньгами.

В дом приглашали священнослужителя, который в присутствии свидетелей и родственников, проводил церемонию бракосочетания нихак, на котором спрашивалось у молодых, добровольно ли они вступают в брак, что невеста хочет в подарок от жениха, жених одаривал ее желаемым подарком (подарок обговаривался заранее на сватовстве и в день нихака жених привозил его).

После омовения и переодевания, невесту с головой покрывали шалью, вводили в комнату, где сидели подруги, а также свидетели и представители жениха. Мулла обращался к невесте со словами: «Именем бога, словами пророка, согласна ли ты стать вечной подругой жизни такого-то?» Вопрос повторялся три раза. Сначала невеста молчала, но когда вопрос повторялся в третий раз, начинала громко плакать, выражая таким образом свое согласие. Затем мулла обращался с тем же вопросом к стороне жениха. Получив утвердительный ответ, он обращался уже ко всем присутствующим со словами: «Вы слышали? Так будьте же свидетелями».

После окончания нихака дочь просила у родителей прощения, если чем обидела. Невеста целовала руки родителям и всем старшим. В момент

расставания обычно плакала не только невеста, но и все родные. Перед выходом из дома невесте давали молоко с пожеланиями ак йол болсын (светлого жизненного пути). Из дома невеста выходит спиной до ворот. Далее продолжает свадьба в шатре - кыз яктагы той и киюв-сый (оказывают уважение жениху и чествуют его). Жениха приглашают на танец, за это одаривали его подарками. Начиналось застолье в доме невесты, после которого невесту увозили в дом жениха и приглашали родственников невесты на икон-той (большую свадьбу) со стороны жениха. Вместе с невестой уезжали и снохи (дженгелер), которые раскладывали приданное невесты в доме жениха и сопровождали невесту. Следом за ними уезжали родственники невесты в дом жениха. Арбу, на которой везли молодых, украшали свадебным ковром, дугу повязывали яркими лентами и платками. По дороге свадебная процессия останавливалась для проведения различных соревнований, джигитовок, танцев, сопровождаемых музыкой; свадебную процессию мог остановить и потребовать выкупа каждый. Весело ехал свадебный поезд до дома жениха.

Встречали молодоженов осыпая рисом, конфетами и деньгами. Перед тем как войти в дом мужа невесте (келин) под ноги стелили белую овечью шкуру, встречала свекровь молоком и медом со словами: «Чтобы стать тебе мамой родной – молоком я тебя напою. Чтобы речи были твои сладкими – к устам мед тебе поднесу. А под ноги твои я келин, шкуру белую постелю, чтобы счастливая была твоя жизнь, сохранили любовь и семью». Молодоженов и их окружение размещали в соседнем доме. А в доме жениха тем временем начиналась той-баслау (начало свадьбы).

Перед тем как занести приданное, зятья со стороны невесты начинали игру, в которой якобы ковер не проходит через входную дверь «эсике сыймады», только после одаривания зятьев, заносили приданное невесты. На почетный тоър приглашали сватов со стороны невесты, они заносили подарки и начинали церемонию «куда астына тоъсеу». Стелили в центре зала ковер – кийиз, поверх него клали два мындера (подушки), на который почетно усаживали отца и мать жениха.

Приносили шесть мындеров, четыре из которых на следующий день после свадьбы раздавала мать жениха уважаемым родственникам, которые помогали в организации свадьбы. Мужчины покидали помещение и оставались только женщины. Мама невесты передает отрезки и полотенцы по 6-10 штук в одном узелке (тийинщик), май боърек и пачки чая для завтрашнего келин щая.

Мама жениха со словами благодарности преподносит маме невесты угощение и сладости за воспитание невесты. Затем мама жениха передает кийит (подарки) тарелки с май боърек со сладостями для снох, которые привезли и разложили приданное невесты.

Родственницы жениха расстилают большую скатерть и мама жениха вносит три больших подноса. Первое с вареным мясом и куском грудин-

ки, второй поднос с мучными ромбообразными печевом кыйкша (в форме ромба и треугольника обычно бывают), третий поднос с май боьреком, который по приезду домой делят на всех своих родственников.

Вечером начинался икон-той на стороне жениха. Мужчин-сватов первыми усаживают в праздничном шатре по правой стороне в один ряд, напротив садятся мужчины-родственники жениха, затем приглашают в шатер женщин-свах и усаживают их по левой стороне в один ряд вдоль стены и напротив садятся женщины - родственницы жениха.

И так же, как и на стороне невесты, застолье начиналось с молочного ногайского чая с кайнарами, затем отец жениха и почетный аксакал из числа родственников жениха приветствовал сватов, гостей, и объявлял свадьбу открытой. Подают почетное блюдо голову барана «кой басы», мясо и алпама (сочни из варенного теста) для бас-куда, который раздает части головы произнося пожелания, это обычай называют «бас кыдырту».

Старшей свахе подают в знак уважения «чак» нижняя челюсть и язык, чтобы она разрешила и раздала гостям. Зятьев подающих голову барана и чак одаривали сваты деньгами. Из поколения в поколение передается обычай знакомства пришедших сватов. Доверяют этот процесс уважаемому свату бас-куда, который знакомит со своими родственниками, подробно рассказывая, как и кем, они доводятся невесте и ее родителям. Следом бас-куда со стороны жениха проводит обряд знакомства с родственниками и гостями, присутствующими в шатре. Чуть позже, после чествования, сватов заводили в шатер молодоженов.

Сваты и родственники не могли покинуть свадебный шатер без разрешения и третьего горячего блюда, которым являлся казан боьрек (пельмени, сваренные в казане) или ас боьрек в пиалах. Провожали сватов с песнями и танцами. После ухода сватов приглашали к столу молодежь, друзей, братья и сестры молодоженов.

На следующий день начинался послесвадебный цикл, который начинался в полдень. Через некоторое время приходили родственники мужа посмотреть на молодую.

Бет ашар (открытие лицо невесты) проходил в кругу родственников жениха. За занавесом (шымылдык) стояла невеста, держали шымылдык две ее снохи. Под текст песни «Бет ашар» невеста приветствовала поклоном в знак уважения свекра, свекровь, братьев и сестер жениха, затем общий поклон для всех родственников. Взамен они одаривали ее украшениями или скотом. Убрав занавес, все любовались невестой, которая подходила сначала к свекрови, затем ко всем гостям и целовала им руки и знакомилась. После этого устраивали угощение «**келин щай**», подавали чай, который невеста заварила. После этой процедуры снохи, сопровождавшие невесту все это время, уезжали к ее матери сообщить, что все прошло хорошо. Снох одаривали подарками и деньгами за угощение.

И только после, на второй-третий день после свадьбы, была первая брачная ночь молодоженов. Далее начинался обряд «**келин чувар**» (обмывание молодой снохи). Это застолье родственников, мама жениха раздает самым активным родственникам оставшиеся 4 мындера, отрезки ткани и полотенца, которые на свадьбе вручила ей мать невесты. В наше время келин шай и келин чувар проходит в один день.

Ровно через неделю родители невесты приглашают новоиспеченного зятя и его родных братьев и сестер в гости, этот обряд называется **кызбан киювди артына шақырув**. Основная идея - это официальное приглашение зятя и дочери, сообщая, что двери их дома всегда открыты для них. Где так же накрывался праздничный дастархан, одаривали всех гостей подарками (кийит), зятю и дочери в старину дарили юрту, скотину, коня, сейчас предметы быта. Если родители невесты официально не пригласили дочь и зятя, то они не имеют права посещать их дом.

На свадьбе у молодых со стороны жениха не присутствуют бабушки и дедушки, поэтому через некоторое время приглашают их родители жениха в гости в дом молодоженов, в народе называют это «**кыздын тобри коьрсетув**» (показ дома, быта внучки). Они должны собственными глазами убедиться, что все хорошо обустроено в доме молодоженов, дарят подарок и ответ тоже получают подарки от матери зятя.

Так же на свадьбе со стороны жениха не бывает отца невесты, только мать присутствует на свадьбе икон-той. Чтобы показать дом дочери и сказать слова благодарности приглашают отца с родственниками, называется это обряд «**куда артына шақырув**» - «приглашение свата». Если во время сватовства одаривали родителей и родственников жениха, то в данном обряде все наоборот. Родители зятя одаривают равноценными подарками родителей и родственников невесты. Как и любой обряд свадебного цикла завершается праздничным застольем согласно ногайскому этикету.

При всем разнообразии обычаев и обрядов свадебного цикла его ключевые моменты к концу XX-го - началу XXI-го вв. сохраняются по сей день. За эти годы сократили приезды к сватам, а обряды, церемонии одаривания остались как и прежде много веков назад. Свадебный обряд занимает особое место в жизни карагашских ногайцев.

В советское время традиционная культура и хозяйство астраханских ногайцев претерпели небольшие изменения. Начиная с 1930-х годов усилились процессы урбанизации, в XX веке в среде ногайцев расширилась сфера применения государственной регистрации брака в ЗАГСх, проведение свадеб не в шатрах, а в банкетных залах по светским канонам в синтезе с ногайскими обычаями.

Семейно-бытовые традиции очень хорошо сохранились, и все от мала до велика стараются им следовать. Почти все карагашские обычаи исполняются в повседневной жизни даже у городских ногайцев, рождение, свадьба, основные возрастные переходы, похоронные и поминальные обряды.

Отрадно, что всё это исполняется, как можно более тщательно и по сей день в XXI веке.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ И ПУТИ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

Ишмухамбетов Р.В.

Не вызывает сомнения тот факт, что проблема сохранения нематериального наследия народов нашего региона и России в целом, в условиях глобализации и повсеместной утраты традиционной культуры, стоит достаточно остро.

В нашем случае, в предверии переписи 2020 г. хотелось бы заострить внимание на «астраханской ногойской региональной традиции», вполне самобытной, аутентичной таковой у ногойцев-карагашей. В этом смысле опыт, который мы смогли приобрести, надеемся будет полезен и прочим исследователям и подвижникам сохранения традиционной национальной культуры. Для удобства изложения, данную статью мы представим в форме доклада о проделанной и осуществляемой работе в рамках нашего авторского проекта, и разобьем наш доклад на несколько блоков.

Говоря о наследии ногойцев-карагашей, иначе карагашногаев, считаем нужным прежде всего затронуть вопрос о происхождении и содержании этнонима карагаш- ногой.

Версия, которую поддерживает знаток карагашногайского фольклора Л.З.Иргалиева, связывает происхождение субэтнонима Карагаш с названием реки Темная в местности Темнолесье (так в песне, зафиксированной Л.Ш.Арслановым от А.Е.Шамукова - Карагаш атак тагылган кара орман кобылнен (Прозвище Карагаш закрепилось от озера Темного в Темнолесской (1, с.89) является весомой.

Тем более, что канд. ист. наук И.В. Торопицын, приводит ценные архивные данные о пребывании ногойцев - салтанаульцев у урочища Караагат (Карагаш) в 1743 г. [17, с.6], в которых видит предков ногойцев-карагашей [18, с.111]. Однако, важно здесь для нас наличие многих таких мест с названием Карагаш в северокавказской топонимии [10, с.119-120], например, Карагас-обау (тюрк. Карагаш-оба = карагашский курган) в Осетии в местах бывшего проживания ногойцев [4.] и таковых же на Кумыкской плоскости в Дагестане, по сведениям кумыкского просветителя Девлет-мирзы Шейхалиева [19]. В личной беседе ведущий российский и мировой ноговед В.В. Трепавлов упомянул о наличии в архивных доку-

ментах этнонима карагаш-кипчак, и выдвинул гипотезу о возможной связи его с ногайцами-карагашами¹.

Наша же версия происхождения этнонима представляет собой синтез всех предыдущих. Мы считаем, что исходное еще кыпчакское — полувещное субэтническое именование карагаш отложилось в топонимах, а не наоборот, тем более что карагач-вяз называется в качестве онгона у башкир племени кыпсак (кыпчак) согласно Дафтар -и-Чингиз намэ (8. С.10). Хотя и данная версия нуждается в дальнейшем изучении и подкреплении. Так или иначе, ногайцы -карагаши, по мнению почти всех исследователей, это потомки двух орд Малого Ногая (касай -улу и каспулат-улу), переселенные в первой половине XVIII в. в Нижнее Поволжье и сохранившие наиболее всех прочих ногайских групп ногайский язык, культуру и традиции, преобразовав и развив их в особый региональный карагашногайский вариант таковых.

Весьма ценна для нас в этом отношении арабографичная (на тюрки) "рукопись об основании Сеитовки" [20.], явно имевшая ранний прототип и многочисленные списки. В тексте рукописи неоднократно встречается этническое именование *نوڭاي قاراغاش* -карагаш ногай либо просто *نوڭاي* -ногай, и нигде нам не удалось встретить этноним "татар", либо «татарин» вопреки утверждениям некоторых татарских и прочих исследователей о якобы основной татарской самоидентичности у карагашей [3, 2, с.27-28]. Аналогично и в эпиграфике XIX в. на кладбище с. Хан-Ордасы в ЗКО [13, с.75-78] и в тексте "Ногай джырлары" 1908 г. Изд. Абдрахманом Умеровым."() этноним татар *تاتار* либо не встречается вовсе, либо встречается единожды и интерпретируется как навязанный извне экзоэтноним. Вообще же, несомненно то, что имеющее место быть ошибочное и устаревшее соотнесение ногайцев-карагашей с татарским этносом, никак не способствует сохранению особого диалекта, истории, культуры и материального наследия ногайцев-карагашей.

Важным считаем сохранение эпической и литературной традиции у ногайцев-карагашей. Примером фиксации такого наследия являются арабописьменные тексты на тюрки, в частности упомянутая выше «рукопись об основании Сеитовки».

Первая публикация, содержащая материалы, аналогичные материалам рукописи, была дана А.И. Умеровым в его книге «Ногай джырлары» [12, с.123]. Частично были опубликованы они и А.В. Сызрановым совместно с О.Б.Каплановой [16], по сути фрагменты перевода списка этой же рукописи из личного архива Р.У. Джуманова. У нас имеется информация и о других списках рукописи, имевших хождение и находившихся на руках. Несомненно, что все имеющиеся материалы и фрагменты рукописи являются списками с более раннего оригинала, вероятно конца

¹ Беседа эта состоялась во время международной научно-практической конференции «Ногайцы XXI век» в г. Черкесск 15 мая 2014 г.

XIX -XX в. который был фиксацией на тюрки устного эпического материала ногайцев-карагашей.

Однако наш список «Рукописи», мы имеем все основания считать более полным, постольку, поскольку он содержит помимо толгав Казтувгана [20.Л.1,1об,2] и сведений об основании ногайских сел [20. Л.18], еще и фрагменты общеногайских дестанов (эпосов) Арю-Амет сын Айсыла [20. Л.3] и Орак эм Мамай [20. Л.7].

Другим таким же памятником является шеджере Сеит- Баба и его потомки [6], о котором мы уже писали ранее. Добавим только, что воспринимать его верно будет не только и не столько как генеалогическое древо, но и как силъсиля (ар. Силъсилят - цепочка) — линию духовной преемственности.

Отметим также важность для нас полевых материалов и записей, переданных нам В.М.Викториным и Т.А. Акманбетовым по этнографии и фольклору ногайцев-карагашей. Располагаем мы и нашими собственными полевыми материалами, которые вкупе с упомянутыми выше, намерены ввести в научный оборот.

Еще одна особая традиция – сохраняемая, но нуждающаяся в поддержке, это традиция нанесения тамг у карагашногаев, которая бытует при похоронных обрядах (тамги наносятся на надгробия). В рамках нашего авторского проекта, совместно с его участниками Р. Утегуловым, Р. Айтмамбетовым, Р. Утешевым, были собраны тамги на ногайских кладбищах с. Мошаик, с. Сеитовка, с. Ходжетаевка [23,24,25]. Результаты наших исследований мы привели в Приложении, в сводной таблице на рис.1 (см. Приложение1).

Отметим также сходство тамг и названий родов (ног. ырув) карагашногаев с таковыми у кубанских ногайцев [11, с. 141,26]

К важным направлением здесь причислим сохранение и возрождение карагашногайского диалекта ногайского языка. Язык ногайцев-карагашей на данный момент является безписьменным и утрачивающим свои позиции [1,15.], будучи вытесняемым общеупотребимым и государственным русским языком — в городских условиях либо более мощным и распространенным казахским языком- в сельской местности, а потому несомненно нуждается во внедрении собственной письменности на основе общеногайской и прочих скорейших мерах по сохранению. За прошедший небольшой период Д.С. Сатановой уже зафиксирована утрата некоторых характерных для карагашногайского диалекта ногайских особенностей грамматики с заменой их аналогичными казахскими [15.]. Здесь нам ногайцам - карагашам некого винить кроме самих себя, с нашим беспечным и равнодушным отношением к драгоценному наследию предков.

Закрепление особенностей диалекта с созданием местной «промежуточной» литературной нормы (с введением фонем «дж» и «ч» и учетом особенностей диалекта) для фиксации языка, мы видим как необходимую

меру. Такую «реформу» уже одобрили ногайский филолог Ю.Ю.Каракаев и известный ногайский фольклорист Т.А. Акманбетов.

Опрос нами носителей диалекта, включая уважаемых ветеранов ногайского этнокультурного движения в Астраханской области (разговор с Г.Х.Давлеталиевой, Р.Р.Исаналиевой, Р. У. Тельмамбетовой и др.), показал, что такие меры ими всячески поддерживаются и чтение текстов на общеногайской графике, но с характерным карагашногайским «джоканьем» не вызывает никаких затруднений. В связи с этим, приведем в качестве образца такого «нововведения» текст легенды на карагашногайском диалекте на общеногайской графике (и, заодно, вернемся к теме происхождения и сохранения фольклора):

КАРАГАШ БОЙЛЫ КАЗТУВГАН [22.]

Кубайдулла Ашигалиев, алтаяк ырувыннан (Сеитлер авылдан, хабар айткан):

Топырагы алтын Кобаннынъ
Экпей шыгар алмасы
Колын джайып дува этсень,
Шырын келер алмасы.

Аьвелгиде биз Кобаннан келген халк. Ата- бабаларымыз карагай- карагаш биткен, калын орманда яшаганлар. Карагаштай бойлы Казтувган баьтир болган. Кызыл яр оннан калган джурт. Суьюниш улы Казтувган элдинъ басы эди, джырдынъ касы эди- деп те айтадылар.

Карагай баслы кара орман
Кара орманнан не пайда?
Каскарып булан кашпаса?
Аргымак аттынъ не пайда
Каскарып кашкан буланды
Кайтарып коска йыкпаса?

Бизим Казтувган яхшы касиетли киси эди. Кашкан булан кайтарган эр эди. Кара орманда отав салганы уьшин бизим аталарымызды карагаш ногайлар деп атаганлар.

Перевод.

Кубайдулла Ашигалиев, из рода алтаяк (из с. Сеитовка сообщил) :

С золотой почвою Кубань
Без посевов яблоки родит
Помолись Кудаю руки подняв-
Сладким яблоком угостит

Изначально мы народ, пришедший с Кубани наши отцы и деды в за-
полненном соснами и вязами, дремучем лесу жили. Высотой с вяз
Казтувган батыр некогда жил¹. Кызыл яр – Красный яр был местом его

¹ В легенде речь идет о реальном историческом лице жившем на астраханской земле в XVII в. ногайском князе (мурзе) Тогане сыне мурзы Суюнчи Абдулова (ног. Казтувган-йырав Суьйиниш улы) , который жил в подданстве калмыков, затем увел свой народ на Кубань. См. Тепкеев В.Т. Некоторые

проживания. Казтуган сын Суюныша возглавлял народ, исполнял песни-будучи вершиной мастерства- так говорили о нем.

Соснами глав осененный Черный Лес

Что за польза мне от него

Если в нем олень не пробежит?

Что за польза от жеребца-аргамака,

Если сбежавшего оленя

Снова в уделы не возвратит?

Наш Казтуган был благоденствен. Такой муж, что сбежавшего оленя поймал бы. По причине того, что в том Черном Лесу мы ставили отау (кибитки) наших предков прозвали карагаш ногай (чернолесные ногайцы). (перевод наш — Р.И.).

Предпринимаются нами меры и по сохранению традиционного карагаш-ногайского мужского костюма как образца и концепта для ногайских фольклорных коллективов. Для этого мы обратились к работам кандидата искусствоведения Каноковой Ф.Ю., перу которой принадлежат работы статьи по истории традиционной ногайской одежды [9] см.рис.2, 3, в Приложении 2.

Полезной считаем и нашу совместную с В.М. Викториним экспедицию в с. Хан-Ордасы Западно-Казахстанской области и надеемся на активизацию отношений с нашими родичами - урдинскими карагашногаями. Эта небольшая этническая группа ногайского происхождения (Всего примерно 15-20 семей), проживает в пос.Урда Западно-Казахстанской области Республики Казахстан. Они являются потомками тех из ногайцев-карагашей, кто переселился в ханскую ставку по приглашению хана Букеевской Орды Джангира в 20-е годы XIX в. для помощи в постройке домов. Хан приблизил к себе и присвоил туленгутскую тамгу [13, с.75-78]. Традиционно занимаются плотницким и кузнечным делом, считаются более трудолюбивыми и умелыми нежели их соседи. Сохранили они и некоторые особенности – отличия в антропологии, некоторые блюда кухни, отдельные ногайские слова. Но не сохранили память о родовых подразделениях, считаются единым родом «карагаш». Считают они себя уже по окружению казаками, однако помнят о своем неказахском происхождении [7, с. 97-117]. Живой интерес у карагашногаев Урды вызвало общение с нами и вести о вновь найденных родственниках, астраханских ногайцах-карагашах. Таким образом, нами и участниками проекта предпринимаются разнообразные меры к сохранению нематериального наследия ногайцев-карагашей.

исторические сведения XVII в. о ногайском поэте Казы-Тугане // Ногайцы: XXI веке. История. Язык. Культура. От истоков - к будущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. Черкесск, 2014.

Источники и литература

1. Арсланов Л.Ш. Язык карагашей-ногайцев Астраханской области. Набережные Челны. 1992. 162 с.
2. Астраханские татары. Сборник статей, коллектив авторов. Казань 1992
3. Джуманова Г.У. К вопросу об этногенезе астраханских (нугайских) татар // Проблема этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики (Материалы научного семинара, 16-20 сентября, 1989, г. Астрахань). Астрахань. 1989. С.66-68
- 4.Заметки по истории населенных пунктов Северной Осетии – КОРА-УРСДОН
<http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/10-istoriya-i-sovremennost/zametki-po-istorii-naselennykh-punktov-severnoj-osetii---kora-ursdon/>
5. Ишмухамбетов Р.В. Служилые букеевцы : карагашногаи и калпаки из сборника М / н. научно - практич. конф., к 20-летию образования столицы Республики Казахстан на тему «Роль Астаны в модернизации глобального мира». (в печати)
6. Ишмухамбетов Р.В. К описанию шеджере «Сеит-Баба и его потомки», изданной в типографии Абдрахмана Умерова» // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. Материалы «Джанибековских чтений». – Астрахань: Color, 2013
7. Ишмухамбетов Р.В. «Этнографические группы в составе западных казахов» / сборник, посв. юбилею Букеевской Орды, Уральск 2016
8. История башкирских родов. Каршин. Том 15 Коллектив авторов. Уфа.2015. 228 с.
9. Канокова Ф.Ю. Комплексы традиционного мужского и женского костюма ногайцев http://e-notabene.ru/ca/article_21521.html
10. Кокиев Г.А. Кабардино-осетинские отношения в XVII Кокиев Г.А. Сборник статей и документов.М.:1938 г.
11. Керейтов Р.Х. «Ногайцы». – Ставрополь 2009.
12. Курмансеитова А.Х «У истоков ногайской книги». – Черкесск, 2009.
13. Курумбаев А.Ш. Этнические группы Букеевской Орды // Ногаеведческий сборник. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев Выпуск 1. Астрахань: Молодежный центр ногайской культуры «Эдиге», 2013
15. Сатанова Д. С. Язык ногайцев-карагашей (астраханско-ногайский язык): краткий обзор социолингвистической ситуации // Малые языки. 2015. № 1. С. 17–34.
16. Сызранов А.В., Капланова О.Б. Материалы по ногайскому фольклору из архива Астраханского областного научно-методического центра народной культуры/Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Вып. 3 С. 156-161

17. Торопицын И.В. Салтанаульцы, проблема геополитического выбора в контексте международных отношений на Северном Кавказе в XVIII веке / эл. ресурс: http://www.cossackdom.com/doc/toropitsin_saltanaul.pdf
18. Торопицын И.В. Эрс Магомет мулла – агент российского влияния в среде ногайцев (к вопросу о поселении салтанаульцев в Астраханской губернии в 1740-х гг.)
Ногаеведческий сборник, место издания Изд-во «Color» Астрахань, 2012 том 1, с. 106-112
19. Шихалиев Девлет-Мирза. Рассказ кумыка о кумыках <http://dargo.ru/publ/16-1-0-699>
20. Рукопись об основании Сеитовки, передана в дар В.М. Викторину жителем с. Сеитовка Галиевым Х.Я. в 1973 г. из личного архива Викторина В.М.
21. ПМ Викторина В.М. 2 Экспедиция в с. Сеитовка 1973 г.
22. ПМ Акманбетова Т.А. Экспедиция в с. Сеитовка 1987 г.
23. ПМА 1 Экспедиция на кладбище с. Мошаик
24. ПМА 2 Экспедиция на кладбище с. Сеитовка
25. ПМА 3 Экспедиция на кладбище Кокь Джете с. Ходжетаевка Р.Айтмамбетова и Р. Екшембеева
26. ПМА 4 Экспедиция в Ногайский район КЧР, аулы Эркин-юрт (Орак - эли), Икон-Халк (Тохтамыс), Эркин-Шахар

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Рис.1 Список карагашногайских родов (ног. ырув) с тамгами:

- 1) Аджимбет - шоьмиш (4)
- 2) Алтаяк - шоьмиш (3) или ай (16)
- 3) Аннай - шоьмиш (4)

- 4) Ас - квадрат (б)или / (а) или < (б)
- 5) Баганалы найман - Y (19) или (8) или шоьмиш (4)
- 6) Байгонды - шоьмиш (4)
- 7) Боран - шоьмиш (4), кара мыйык (4)
- 8) Деньгиз(тенъгиз) - / (1)
- 9) Джалмамбет - шоьмиш с крючком (3)
- 10) Джагалбайылы найман - шоькиш Т (5)
- 11) Калпак - Т (5)
- 12) Карас - / (1) и шоьмиш (4)
- 13) Керейт алтаяк - X (18)
- 14) Колтас - / (1)
- 15) Кобгис - ай (16) или шоьмиш (4)
- 16) Мангыт - шоьмиш (4)
- 17) Найман - Т (15) или (4)
- 18) Сейт алтаяк - шоьмиш (3) ашамай (косой крест X) (18)и круг (9)
- 19) Серкели - /| также (14) или (13)
- 20) Темирходжа - кылыш (20)
- 21) Тергенчи - кылыш (20) или (10)
- 22) Тойырмалы - шоьмиш (4) шоьмиш с крючком(3) или (21)
- 23) Ток - шоьмиш с крючком (3)или шоьмиш (4) исходно дува тамга (2)
- 24) Тоьбетпес - тарак (7)
- 25) Туьркмен (туьркпен) - шоьмиш с крючком (3)
- 26) Утегулы - шоьмиш (4)
- 27) Шидживут (салджугут) - шоьмиш с крючком (3),(17)
- 28) Шобалатшы найман - алип тамга \ (обратная)(22)
- 29) Шотык - коьсев(кочерга)(1 б)
- 30) Эргенекли - шоьмиш (4) или Н (12)

Тамги были собраны в ходе двух эпиграфических экспедиций. Выражаем благодарность всем участникам проекта, и особенно Утегулову Р., Айтмамбетову Р., Утешеву Р. и Ибрагимову Р. за помощь в сборе информации и полевого материала.

КОМПЛЕКС ТРАДИЦИОННОЙ МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ ЮРТОВСКИХ НОГАЙЦЕВ XVIII-XX ВВ.

Канокова Ф.Ю.

Искусство ногайцев до настоящего времени не было предметом специального искусствоведческого изучения. У ногайцев бытовали многочисленные этнотерриториальные комплексы народного костюма, что объ-

ясняется как различным этническим окружением, так и особенностью исторических аспектов.

У разных групп астраханских ногайцев сложились свои комплексы одежды и украшений. С начала XVIII века для юртовских ногайцев стало характерно оседание на землю, они переориентируются со скотоводства на земледелие, это не могло не сказаться на их материальном положении. У юртовцев, живших ближе к городу, одежда гораздо чаще встречалась покупного фабричного производства [1, с. 25].

В комплекс мужского костюма юртовских ногайцев входят широкая и длинная рубаха, длинный кафтан, халат, штаны, головные уборы и обувь. Одежда изначально была приспособлена к образу жизни кочевника, а с XVIII века - оседлого поселянина.

Нательная одежда была представлена нательной рубахой (ишки коьйлек) и штанами (ишки ыстан). Рубаха туникообразного покроя, обычно широкая и длинная, с воротником. Основным материалом для мужских рубах был домотканый белый холст или пестрядь, которые с распространением фабричных тканей заменяются преимущественно ситцем и сатином. Вплоть до середины XIX в. древняя рубаха (из прямого, перегнутого поперек полотнища, без шва на плечах, с ластовицами, с широкими вставными боковыми клиньями, с центральным грудным разрезом) была общераспространенной. У юртовских ногайцев, преобладала рубаха с воротником-стойкой. Отложной воротник чаще встречался на обрядовых свадебных рубахах мужчин. Некоторое распространение получила рубаха с боковым грудным разрезом на правой стороне груди. От туникообразных рубах соседних народов, ногайская рубаха отличалась длиной и шириной. Она шилась очень свободной, длиной до колен, с широкими и длинными рукавами и никогда не подпоясывалась. Белые домотканые рубахи украшались вышивкой или многоцветной домотканой тесьмой. Во второй половине XIX века в обиход входят рубахи современного покроя — из фабричной материи со скошенными плечами и круглыми проймами, обычно с отложным воротником.

Нижние штаны по покрою представляют собой широко известную поясную одежду тюркоязычных народов, получившую в этнографической литературе название «штаны с широким шагом», сшитые из легких тканей. Для штанов использовался холст в полоску или однотонные покупные ткани. В холодную погоду надевали вторые штаны, которые делались из овчины, крашеной мягкой кожи или шерстяной ткани. Праздничные и свадебные штаны для жениха шились из домотканины с мелкими и яркими узорами. Мужская одежда чаще всего не подпоясывалась. Широким поясом из фабричного материала подпоясывалась лишь верхняя одежда.

Верхней одеждой служил длинный кафтан (къаптал) или узкий, длиною до колен камзол, который имел характерный стоячий воротник и застежки. Бытовала легкая, без подкладки, верхняя одежда. Шили ее, как

правило, из льняных или конопляных тканей домашнего производства, длиной чуть ниже колен. Зимний кафтан иногда изготавливался из шкур жеребят, который кроился так, чтобы вдоль спины и по рукавам сохранялись гривы. Неотъемлемой частью взрослого костюма ногайцев считалась черкеска, ее обычно подпоясывали ремненным поясом (белбав). В более ранний период ногайцы пользовались и матерчатыми поясами (кушаками) [2, с. 178]. Стеганный туникообразного покроя халат, слово халат имеет происхождение от арабского слова хильгат, верхний элемент рабочей одежды. В ненастную погоду, поверх одежды, надевали суконный плащ, что составляет единый ансамбль практически для всех групп, иногда несколько халатов носили вместо шуб. Зимой надевали длинную шубу (тон) с крытым верхом или нагольный овчинный тулуп. Характеризуя шубы астраханских ногайцев, С.Г. Гмелин в XVIII веке отмечал, что один тип «подобен верхним кафтанам, с тем только различием, что рукава у них цельные и длиннее, а с другой российским тулупам» [2, с. 178].

Мужские головные уборы астраханцев, как карагашей, так и юртовцев в плане кроя особой оригинальностью не отличались, но сохранились некоторые племенные и территориальные различия. Мужские головные уборы делятся на домашние (нижние) и выходные (верхние). К нижним относится тюбетейка, от слова тюбэ, что означает крыша. В совокупности то, что «похоже на крышу дома, но меньший по размеру. Тюбетейка служит как каска, оборонительный шлем от искушений сатаны. Согласно религиозным истинам сатана искушает, но человека в головном уборе не может искушить». Это обычная четырехклинная мужская тюбетейка имела полусферическую форму. Для сохранности формы и из гигиенических соображений (способ вентиляции) ее простегивали, закладывая между строчками скрученный конский волос или шнур. Использование при пошиве разнообразных тканей и приемов орнаментации (в основном геометрический и растительный орнамент) давало возможность ремесленникам создавать бесконечное множество их вариаций. Яркие вышитые золотой гладью тюбетейки предназначались для молодежи, а более скромные — старикам.

Поверх тюбетейки надевали всевозможные матерчатые и меховые шапки (типичная для ногайцев массивная меховая шапка), различные виды каракулевых шапок представлены на фото юртовских ногайцев из Астраханского музея этнографии (экспозиция «Культура и быт народов Астраханского края»). Из шапок особенно характерна была шапка с четырьмя пришитыми к тулье лопастями, которые закрывали лоб, уши, шею и часть спины.

Войлочные шляпы были с более или менее высокой тульей и отогнутыми вверх полями. Рубрук сообщал, что татары (ногайцы- К.Ф.) «из войлока... делают также плащи, чепраки и шапки против дождя» [3]. Верхние головные уборы представляли собой круглые, конусообразной конструк-

ции шапки, кроеные из 4-х клиньев с меховым околышем, которые носили и русские, в частности в Казанской губернии, были распространены цилиндрические шапки с плоским верхом и твердым околышем из черного каракуля, из серой бухарской мерлушки.

Часть национальной интеллигенции в конце XIX — начале XX веков, следуя тогдашней моде подражания турецким традициям, начала надевать фески.

Среди мусульманского духовенства было распространено ношение чалмы. Чалма философией отличается от своего «собрата» тюрбана. Материал для чалмы не должен быть меньше кафтана, минимальный материала, которым обматывают умершего человека. Таким образом, каждому, кто наматывает свою голову чалмой, эта чалма напоминает о последнем его вздохе, то есть о его смерти. В то же время, он этим действием заявляет о своей готовности вернуться к Аллаху. Сатана не любит две вещи - призыв на молитву и мусульманскую чалму.

Традиционная мужская обувь юртовских ногайцев различалась лишь некоторыми нюансами (особенностями декоративного оформления, размерами голенищ, высотой каблука). На босую ногу ногайцы надевали чулки суконные и вязаные из шерстяных ниток. Суконные чулки представляют собой наиболее оригинальную, древнюю и в то же время широко распространенную разновидность чулок. Их изготавливали из самодельного сукна обычно белого цвета и носили в комплексе с повседневной или кожаной обувью. Весьма оригинальный вид нижней обуви представляют собой наголенники. Их использовали для обертывания голени и носили с суконными чулками. О древности этого элемента говорит наличие обрядовых аякчу.

Из верхней обуви наиболее распространенной была кожаная и валяная. Кожаная обувь широко бытовала в городе у зажиточной части сельчан и духовенства. Высокие до колен сапожки из мягкой кожи. Однотонные черные сапоги носили, главным образом, мужчины. Носили их и женщины, только у них сапожки были покороче и без отворотов. При выходе из дома надевали короткую кожаную обувь на твердой подошве, а зимой — полуваленки. Бытовали и сапоги на твердой подошве. Основу орнамента составлял расположенный на заднике сложный рисунок арочной композиции. Из низкой кожаной обуви более обыденной и повседневной были калоши. Зимой повсеместно носили валенки (киез итек, пима, пуйма) короткие и высокие. На ноги в сенокос надевали поршни – обувь из кожи. Брали кусок кожи, делали вокруг дырочки, пропускали через них кожаные ремешки и стягивали, затем обматывали ремешки вокруг щиколотки. Такая обувь была легкой, и ноги не потели. Зимой же носили галоши, под которые надевали носки, связанные из овечьей шерсти. Состоятельные ногайцы носили кожаные сапоги. У бедноты бытовали кожаные лапти, в виде куска шкуры, стянутого ремешком.

В заключении, хочется отметить, что одежда и украшения юртовских ногайцев это богатейший вклад в развитие материальной и духовной культуры ногайцев.

Источники и литература

1. Викторин В.М., Идрисов Э.Ш. Астраханские ногайцы. // Республиканский научно-популярный журнал «Возрождение. Прошлое, настоящее и будущее народов Дагестана» №9. 2006.
2. Гмелин С.Г. Путешествие по России, ч. II. Спб., 1777.
3. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957.

КОМПЛЕКС ТРАДИЦИОННОЙ МУЖСКОЙ ОДЕЖДЫ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ XVIII-XX ВВ.

Канокова Ф.Ю.

Национальная культура и искусство - это многокрасочный портрет народа, его история. И как, потеряв свои корни гибнет дерево, так и народ становится безликим и бездуховным, утратив связь с прошлым, культурой. По-своему ярка и самобытна традиционная культура ногайцев – карагашей, представителей Малой Ногайской Орды, с конца XVIII века населявших Астраханский край. В течение многих веков формировалось их мировоззрение, мировосприятие, уклад жизни, традиционные занятия, нормы этики и морали, народное искусство. Национальная одежда карагашей вобрала в себя все лучшее, что смогли создать искусство и талант народных умельцев на протяжении веков. В ней нашли отражение образ жизни народа, уровень его производства, эстетические идеалы, отчетливо прослеживается влияние тех этнических компонентов, из которых исторически сложился ногайский народ. Безусловно, на традиционный костюм ногайцев - карагашей большое влияние оказал, прежде всего, кочевой образ жизни. Народные «дизайнеры» создавали одежду такой, чтобы она была удобна для езды на коне, согревала в зимнее время года и не была жаркой и тяжелой летом.

В отличие от одежды некоторых других групп ногайцев, костюм карагашей лаконичен, прост в композиции, целесообразен и отличается строгой нарядностью Древнейшими традиционными материалами для изготовления одежды у ногайцев - карагашей были шкуры, кожа, шерсть домашних животных, тонкий войлок, сукно, которые они изготавливали сами. Использовали в основном овчину, реже шкуру коз и жеребят, головные уборы шили также из меха или сукна. Обеспеченные люди шили

одежду из привозных материалов – шелка (наиболее распространенными были шелка красного и желтого цветов), парчи, бархата. Широко в одежде использовались хлопчатобумажные ткани. От контактов со среднеазиатскими купцами в среду карагашей стали проникать узбекские халаты и ткани для женской одежды. Также проникали в карагашскую среду и предметы татарской одежды, такие как женская расписная обувь или мужские тюбетейки [4, с. 32].

О мужской одежде Астраханских ногайцев составили представления авторы XVII в. А. Олеарий, Я. Стрейс. «Все они, - пишет Олеарий, - носят длинные кафтаны частью из серого сукна, частью - особенно ногайцы – шубы и шапки из овечьей кожи, вывернутым наружу мехом» [5, с. 404-405]. Аналогичные сведения передает и Я. Стрейс, проезжавший через земли ногайцев спустя примерно 30 лет после А. Олеария.

Полный комплекс мужской одежды середины XIX в., по описанию одного из первых исследователей ногайской культуры А.Архипова, выглядит так: «Люди богатого и посредственного состояния надевают обыкновенно сверх белья бешмет или архалык (кьаптал) желто-полосатого, зеленого или синего цвета, а в холодное время года шубы (тон – шуга), крытые синим или черным сукном и даже плисом; летом какой-нибудь халат, нередко шелковый и на шелковый же бешмет, стянутый ремненным поясом (бельбеу), а чаще кушаком, с привешанным к нему ножиком (пшяк) в черных или красных ножнах. Синие нанковые демекитоновые штаны (стан), баранья шапка (боьрк) с круглою верхушкой, крытою сукном, иногда под него аракетин или ермолка, шитая мишурою, черные сафьяновые чулки, а на них черные или красные сафьяновые, с толстыми подошвами и увесистыми подборами башмаки... вот общий характерный костюм ногайцев... некоторые из молодых людей носят черкески или чекмени из белого и желтого сукна домашнего изделия, без газырей и даже порой с газырями на груди...» [1]. Одежда бедняков по утверждению автора, грубая, изношенная, изготовленная из материалов домашнего производства, а обувь – «мужицкие или солдатские сапоги, купленные где попало» [1].

В. Пятницкий (по материалам поездки в 1927г.) тоже оставил описание мужского костюма карагашей: «По костюму мужская половина карагашей частью походит на татар, частью одевается на городской манер. На стариках можно еще увидеть характерные шапки с околышем в виде толстого обруча. Носят их и старухи. Разница лишь в материале. У первых они из овчин, а у вторых — бобровые. Весят такие шапки до 4 кг и больше» [11, с. 158].

Мужской костюм карагашских ногайцев окончательно сформировался к середине XIX в., к этому периоду он приобрел основные формы и художественный облик. Одежду этого периода можно подразделить на нательную, верхнюю, а также повседневную, праздничную и ритуальную. Карагашские мужчины обычно носили шаровары, жилетку, поверх неё

бешмет, подпоясанный кожаным или матерчатым кушаком. На ноги надевали кожаные калоши или сафьяновые «ичиги» [6, с. 25].

Тип натальной одежды мужчин - карагашей до второй половины XIX в. неизвестен. Предположительно они могли носить рубахи, но распашные. С.А. Плетнева, изучавшая половецкие каменные изваяния XI-XIII вв., писала, что «у половцев и мужчины и женщины носили под кафтаном длинную исподнюю рубаху с длинными рукавами» [6, с. 25]. Известно, что именно от степных кочевников идет обычай ношения штанов как мужчинами, так и женщинами. Этот обычай, когда – то связанный с необходимостью езды верхом, сохранился у многих народов.

Мужчины носили натальные рубахи двух типов, нижние и верхние штаны. *Рубаха* туникообразной формы, доходившая до колен, получалась в результате одного из древних приемов кроя. При этом складывалось целое полотнище ткани; в плечах она не сшивалась, а делался просто разрез для головы. Под прямым углом к основному полотнищу пришивались сложенные вдвое рукава с ластовицей – ромбовидным клином под мышкой. Рубахи шили из ситцевых, хлопчатобумажных тканей и бязи, они были настолько искусно сшиты, что их невозможно было отличить от фабричных. Д. Шлаттер с удивлением писал, что «ногайцы носят белые холстяные рубашки, которые сшиты так, что нигде никаких складок нет» [9]. Подобный способ шитья назывался «онълеп тигуъв».

Натальная рубаха ногайцев - карагашей была широкой и длинной, имела воротник. Основным материалом для мужских рубах был домотканый белый холст или пестрядь, которые с распространением фабричных тканей заменяются преимущественно ситцем и сатином.

Натальные штаны (балакъ) по покрою представляют собой широко известную поясную одежду, характерную для многих тюркоязычных народов, получившую в этнографической литературе название «штаны с широким шагом». Они были весьма удобны для верховой езды, без чего не обходился кочевой скотоводческий быт

Их шили из легких тканей - холста, бязи, сатина, обычно использовали однотонные покупные ткани или материю в полосу. Шили такие штаны без боковых швов, в верхней части широкими, собранными на вздержке и сужающимися книзу.

Штаны делались с прямыми штанинами – балакъ, с широкой вставкой (явлыгав) между ними четырехугольной формы (36x40см); кроме того, от большой вставки по обе стороны, почти до нижнего края штанины, шла еще узкая вставка треугольной формы. Штаны делали на вздержке из самодельной тесьмы – ышкыр ыстанбав – из шерстяных ниток, шириной в 4-5 см, стягивались штаны на бедрах. Тесьма имела на концах кисточки. Иногда использовали толстый шнур или веревку с кисточкой на концах [2].

Нередко нательная одежда выполняла функцию верхней. В ней ногаец мог выйти летом на улицу, сходить в дом односельчанина, пойти в поле. Особенно это касалось поясной одежды. Поэтому ее старались шить из плотной ткани.

Богатые ногайцы, носили *верхние штаны* – шалбыр. Они имели такой же покрой, как и нижние, но шились из более добротных фабричных полушерстяных и хлопчатобумажных тканей или из сукна лучшего качества [2, с. 102]. Из обработанных овечьих, чаще жеребьячьих или козьих шкур шерстью внутрь шили зимние штаны (сакъсыр). Штаны заправляли в сапоги (этик) [9].

Верхние штаны шили из верблюжьей домотканной материи и кожи. Их расшивали шелковыми узорами растительного орнамента, концы нередко обшивали красивой тесьмой, галуном, оторачивали мехом. Кожаные нарядные штаны носили навыпуск.

Одним из основных элементов верхней одежды ногайца, который носили поверх рубахи осенью, зимой и весной, считался *бешмет* – кьаптал. П. Небольсин так описывал в середине XIX в. костюм ногайцев, известных под именем кундровских или карагаш-ногайцев, кочевавших по реке Ахтюбе близ Астрахани: «Верхняя одежда состоит из бешмета или коротенького полукафтаныя, на него надевают курте, тот же почти бешмет, только подлиннее первого».

Бешмет, имеет описание и в книге «Ногайцы» - Богатые у степных ногайцев носили бешмет (кьаптал), сшитый из хорошего сукна и служивший летом верхней одеждой. Он шился в талию, а ниже пояса расширялся за счет шести клиньев (атлы шабув). По бокам делали разрез (йырмаш) длиной 12-14 см. Кьаптал имел стоячий воротник и застегивался пуговицами из тесьмы – туьйме. Мужчины, независимо от возраста, носили длинные бешметы.

Шили бешметы из сукна домашнего изготовления или (чаще) из покупных тканей – ластика, сатина, шерсти, атласа, шелка, бедные – главным образом из бязи (боьз), выкрашенной в черный и серый цвет. Бешметы обычно простегивали. Они имели матерчатую подкладку, нередко утепленную тонким слоем шерсти.

Поверх бешмета в холодную погоду надевали *черкеску* (шепкен). Ее шили приталенной и цельнокройной, сильно расклепленной ниже талии за счет вставных клиньев. Изготавливали ее преимущественно из домотканого сукна темного цвета. Черкеску обычно подпоясывали ремненным поясом (белбав), к которому прикреплялся большой азиатский нож (пышак). В более ранний период ногайцы пользовались и матерчатыми поясами – кушаками. С.Г. Гмелин отметил локальные особенности черкески астраханских ногайцев. Он, в частности, писал, что рукава их верхнего кафтана, т.е. черкески, «сделаны при сгибе локтя прорезьями», имея в виду, очевидно, откидные рукава [2].

Судя по тем же описаниям, ногайские черкеска и бешмет в более ранний период не имели застежек, а запахивались и подпоясывались ремнем. В качестве пояса повязывали платок, сложив его по диагонали.

Верхняя выходная одежда ногайцев - карагашей различалась главным образом по материалу: халаты шили из ткани, плащи - из домотканного сукна и войлока, зимнюю одежду - из меха.

Многие ногайцы, особенно среднего и старшего возраста на рубаху, под кафтан, надевали доходящую до талии *безрукавную куртку* – кьыспа, куърте тон – типа татарского, башкирского камзола и казахского «дженсиз» [2].

Одним из главных предметов одежды ногайца был просторный длинный халат, его шили из разнообразных тканей, легких и плотных, различных расцветок, но преимущественно однотонных или более темных. Внутри его утепляли слоем шерсти или ваты. Парадный халат шили из бархата, украшали аппликацией, кистями, а также галунами. Такой халат был частью гардероба богатых ногайцев.

Тон - нагольный тулуп был обычным предметом одежды в зимнее время. Шили его из дубленых овчин шерстью внутрь, зажиточные карагашы - из шкур четырех-пятимесячных ягнят. На тон уходило 5-6 шкур взрослой овцы.

Судя по источникам XVIII-XIXвв., у ногайцев наиболее широко бытовали два типа шуб. Характеризуя типы меховых шуб у астраханских ногайцев, С.Г.Гмелин в XVIIIв. отмечал, что один тип «подобен верхним кафтанам, с тем только различием, что рукава у них цельные и длиннее, а другой российским тулупам» [3, с.178]. Ногайские женщины, как указывалось выше, были большими мастерицами по обработке овчин и изготовлению из них шуб.

Ногайцы пользовались разнообразными головными уборами: тюбетейками, меховыми шапками, войлочными шляпами, башлыками и т.д. все традиционные мужские головные уборы изготавливались из меха, ткани и войлока.

Головные уборы разделялись на нижние и верхние. Нижние шапочки *тюбетейки* (топтай и арахчин), круглые, облегающие голову шапочки из ткани на подкладке. *Топтай* и *арахсин* имели почти одинаковый покрой. Та и другая состояли из неширокой тульи и пришитого к ней плоской или полусферической формы донышка и шились обычно из однотонных тканей: для пожилых людей – темных тонов, для молодежи – ярких. Тюбетей надевали под выходную меховую шапку, они так же являлись у молодежи легким летним головным убором.

Арахсин шили из сукна и более дорогих тканей. Его богато украшали вышивкой из золотой и серебряной канители или просто галуном. Топтай же делался из более простых тканей, его не расшивали, а прострачивали узорами.

Самым распространенным верхним головным убором у мужчин всех возрастов была *меховая шапка* (боьрк). Зимой она предохраняла от холода, а летом от жары. Шили боьрк обычно из овчины, шкур молодых барашков, а также из каракуля. С начала XIX в. обязательной принадлежностью степняка зимой был *башлык*, шитый из грубой домотканой шерсти.

Среди представителей духовенства бытовала *чалма* (шалма), ее носили из белой ткани, поверх папахи.

Обувь ногайцев была разнообразной по видам. Ногайцы – карагаши издавна ходили дома в стеганых *ватных сапогах*. С начала XIX в. известны широко бытовавшие и в Средней Азии мягкие *домашние сапожки* "мес", чаще черного цвета, *глубокие туфли* "аягкап" (называвшиеся иначе и калошами, очевидно, уже под русским влиянием) надевали на сапожки "мес", выходя на улицу. Они встречались также и у татар, и в Средней Азии. С начала XIX в. в дождливую и холодную погоду носили *сапоги* из жесткой кожи красного или черного цвета.

Одежда мальчиков мало чем отличалась от одежды взрослых мужчин, но была проще и удобней. Детям старались шить костюмы из более ярких тканей и обильно украшать их вышивкой, галунами, аппликациями, а также металлическими, по возможности серебряными, подвесками из монет и блях, бусами и т.д.

Многие элементы национальной одежды ногайцев сохранились и по сей день, что свидетельствует о бережном отношении народа к своим традициям, этот факт говорит о жизнестойкости народного искусства, ведь оно будет существовать до тех пор, пока хоть кто-то проявляет к нему интерес.

Источники и литература

1. Архипов А. П. Этнографический очерк ногайцы и туркмены. Тифлис., 1858.
2. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – М., 1976.
3. Гмелин С.Г. Путешествие по России – Ч. II. – СПб., 1777.
4. Идрисов Э.Ш. К этнокультурному развитию ногайцев-карагашей // Традиции живая нить (сборник материалов по этнографии Астраханского края). – Вып. 11. – Астрахань, 2005. – С.25-36.
5. Олеарий А.. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. – СПб., 1906.
6. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. – М., 1974.
7. Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. . Ногайцы. Ставропольское книжное издательство, Карачаево – Черкесское отделение. 1988.
8. Небольсин П.И. Иностранцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // Вестник Императорского русского географического

общества. СПб., 1851. Часть 2. Кн.4.

9.Schlatter D. Op. cit. S. 218

10. Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. – М. 1957.

11.Пятницкий В. Карагачи (по материалам поездки в 1927 года) – Землеведение. Географический журнал им. Д.Н. Анучина. – Т. 32. – Вып. 3-4. – М., 1930.

КОМПЛЕКС ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ XVIII-XX ВВ.

Канокова Ф.Ю.

Искусство астраханский ногойцев, в частности ногойцев-карагашей, возникшее на самых ранних стадиях развития этноса и сопровождавшее народ на всех его жизненных этапах, составляет основу национальной культуры. Народным называют искусство, которое носит коллективный характер творчества, проявляющийся в преемственности многовековых традиций, это искусство, которое передается из поколения в поколение, оно является частью материальной и духовной культуры этноса, включает в себя различные виды художественного творчества, связанные с оформлением жилища, костюма, предметов быта, традиционной обрядовой и праздничной культуры.

Одежда ногойцев-карагашей складывалась на протяжении веков из разных культурных компонентов. Женские костюмы лаконичны, просты в композиции, необычны и самобытны в декоре. В них можно найти изобилие всевозможных (обычно серебряных) украшений и слепящую красоту красок. Парадная одежда карагашек вызывает у чуждого ногойской культуре человека ощущение переполненности. Безусловно, украшения играют главную роль в создании образа, им выделена декоративная, обереговая и магическая функция. При этом также следует отметить, что всевозможные украшения появились в ногойском костюме не потому что кочевники стремились к красоте, а для того, чтобы по ним можно было определить положение человека в обществе, его принадлежность к определенной социальной группе степного населения.

Древнейшими традиционными материалами для изготовления одежды у ногойцев были шкуры, кожа, шерсть домашних животных, тонкий войлок, сукно, которые они изготовляли сами. С.Ш. Гаджиева указывает на тот факт, что на рубеже XVIII – XIX вв. на территории г. Астрахани располагались большие рынки (как известно из истории, по территории Астраханской области пролегал “шёлковый путь”- К.Ф.), гостиные дворы

ряда стран Европы и Азии. На них продавали шелковые, бумажные и шерстяные товары разных видов; ногайцы выменивали свои товары на фабричные ситцы, миткаль, сарпинку, бязь и прочие ткани [1]. Более всего ногайцы покупали персидские ситцы всех цветов, шедшие на подкладки для шуб, на платья и кафтаны. Астарский холст всех сортов для женских рубах. Из грубых ситцев, женщины делали себе кальсоны (штаны), кафтаны. Льняные русские полотна, потребляли на платки. Шелк в нитках использовали для шитья и вышивания, шнуры шелковые и нитяные для обшивания одежды. Нитки фальшивого золота, употребляли для вышивания рубах, чепраков на седла и для других надобностей. Прядева бумажные использовали для подкладывания в шапки и кафтаны. Белые и цветные бумажные нитки самых грубых сортов шли на тесьмы, из которых ногайцы делали пояса для подвязывания штанов.

Комплекс одежды ногаек-карагашек состоял из повседневных и праздничных нарядов, и распадался на следующие компоненты: штаны и рубаха нательная, верхняя распашная плечевая одежда типа бешмета, халаты, шубы, головные уборы, обувь и ювелирные украшения.

Женщины носили широкие *нательные штаны* «ишки ыстан» (т.н. штаны с широким шагом), *туникообразную рубаху* «ишки койлек», которая выполняла функцию нижнего платья. Рукав повседневной рубахи доходил до кисти, в ряде случаев прикрывал ее, а рукав праздничной, в свою очередь, был очень длинным, порой до подола платья, который был более длинным, чем мужской. Качество и цвет ткани зависели от возрастных и социальных признаков. Взрослые женщины носили длинные до щиколотки рубахи из льняных тканей темных и однотонных цветов, молодые же девушки предпочитали красные или пестрые шелковые ткани. В 18 - начале 19 века в одежде преобладали красный, оранжевый и, как отмечал М. Пейсонель «более всего малиновый цвет» [3].

Девушка в красном - мечта каждого ногайского холостяка. Ведь невест, в старину, всегда одевали именно в красное: платье из красного шелка, сверху - халат из красного сукна, внизу - красные шаровары. Детей также старались одевать в красное. Откуда такая привязанность к красному цвету? Традиционно у ногайцев этот цвет символизировал животворящие силы природы, ему приписывали магические свойства оберегать человека, помогать ему в жизни. Из-за веры в благотворное воздействие красного цвета ношение такой одежды считалось прерогативой детей и молодежи.

К концу XIX века появился новый покрой платья. Оно состояло из лифа в ширину одного полотнища, сохранившего прежнюю туникообразную форму, к нему пришивали очень широкую юбку в сборку или складку по шву. Праздничные платья молодых женщин и девушек украшали вышивками, монетками и аппликацией из яркой ткани по краям подола, рукавов, ворота.

Верхняя одежда женщин отличалась от мужской лишь некоторыми деталями декоративного плана: дополнительной отделкой мехом, позументом, вышивкой, художественной строчкой и т.д. Наиболее характерным видом легкой домашней и выходной одежды для ногаек – карагашек всех возрастов были *бешметы* (кѡаптал), которые надевались поверх рубахи. Так В. Пятницкий (по материалам поездки в 1927 года) указывал, что «кѡаптал — это платье с застежками вверху и с широкими рукавами» [4]. Он шился прилегающим силуэтом, разной длины, с отрезными вставными бочками и вшивными рукавами (сукѡпа ень). Бешмет имел воротник – стойку и спереди застегивался встык. Украшения на женском костюме состоят из галуна и монет [4]. Бешметы покрывали ручной, а позже машинной узорной стежкой (сырып тигуѡв). Материалом для бешметов служили однотонные атласные и суконные ткани (шуга). Замужние женщины предпочитали носить бешметы темных цветов, а молодые – ярких. Праздничные бешметы шились из дорогих тканей, богато украшались галунами и тесьмой (таспа), отличались более декоративной стежкой.

Праздничным считался и бешмет, на подобии верхнего распашного платья, его полы расширяли книзу от пояса путем вставляемых боковых клиньев (кыйык). В XIX – начале XX века в крое бешметов появляются плотно облегающие руку длинные рукава с проймами. В нижней части рукав имел разрез, иногда обшитый монетками (акша), они же подвешиваются по рукаву, вдоль шва, идущего под мышки. Снаружи рукав декорировался тесьмой, лентами, галунами, а внутренняя часть рукава обшивалась красивой тканью.

Нагрудная часть богато украшалась *серебряными застежками* (каптырма). В. Пятницкий описывая декор каптала, упоминал о пуговицах, «которыми служат всегда мелкие серебряные монеты, у женщин монетами обшивается также разрез каптала на груди. Конечно, ценность этого украшения, называемого орта - середина, зависит от степени зажиточности. Орта может состоять из двух монет и из целого ряда их. Девушки еще больше щеголяют украшением этого рода. На груди у них висит целая броня из монет — аспа»[4].

Талия подчеркивалась *широким серебряным поясом* (кусак), а полы нарядного бешмета (этек) и все его края обшивались ажурной тесьмой (кыюв) и галунами ручной работы.

На передней части пол бешмета обычно располагался геометрический орнамент – своего рода астральный оберег, что являлось основным показателем половозрастной принадлежности.

Особенно красивым был свадебный наряд невесты - обязательная до начала 20 века часть приданого девушки. Его шили из дорогой ткани (сукна, бархата, атласа), красного цвета с очень длинными ложными рукавами, зашитыми внизу, украшали вышивкой и различными ювелирными украшениями.

Большой интерес для искусствоведческого изучения представляет комплекс свадебного костюма «карагашской ногойки. Первой трети XX века», представленный на фото из Астраханского музея этнографии (экспозиция «Культура и быт народов Астраханского края») этот костюм весьма самобытен, он изобилует украшениями, но, несмотря на разнообразие форм ювелирных изделий, составляет единый стилиевой ансамбль и целостный эстетико-поэтический образ, что было связано как с религиозно-культовыми представлениями об особой уязвимости молодой женщины (фактически все ее украшения исполняли функцию оберега), так и с особым "восточным" взглядом на женщину-дочь и женщину-мать (как показатель материального достатка и общественного положения отца и мужа).

В данном комплексе достигается психологический эффект, заставляющий разглядывать пышное убранство и украшения новой невесты. В то же время весь ее наряд магически оберегал от сглаза, выполняя функцию "завесы".

Хочется остановиться на подробном описании украшений, прекрасное *ожерелье*, состоящее из жемчуга, цепей и бус из серебряных шариков обволакивает хрупкую шею девушки. Нагрудная часть декорирована двумя видами серебряных застежек козыбасы и кускуйрык, по бокам свисают *маленькие бубенчики* (конъырав).

Талия подчеркнута двумя серебряными поясами – узким и широким, последний декорирован филигранью, зернью и сканью, к нему прикреплены в четыре ряда монетки. Края и низ рукава также были украшены лентами с нашитыми монетками. Интересно продумана и наспинная часть, украшенная *астральными оберегами* (ийынликъ). В день свадьбы невеста впервые надевала украшения в виде *кольца* (юзик) на палец и *носовое кольцо* (алка), что связано с символикой супружеской верности и обладает, согласно архаическим представлениям, способностью переводить человека в иное состояние.

Свадебные украшения ногоек-карагашек утрировано крупные, со строгим декором из крупных вставок сердолика и геометризованными черневыми элементами. Причина достаточно крупных размеров аналогичных ногойским среднеазиатских украшений в научной литературе объясняется тем, что во время свадебного шествия к жениху, невесту сажали на лошадь, и ее украшения должны были быть видны остальным участникам, стоящим на земле.

Одним из наиболее архаичных и в то же время устойчиво сохраняющихся элементов в костюме ногоек – карагашек являются *серьги*. Впервые их надевали девочки в трех-четырёхлетнем возрасте и носили до глубокой старости. Миндалевидные сканые серьги с подвесками представляют собой этноспецифический элемент костюма, хотя бытовали они практически повсеместно. Кроме своих традиционных, женщины-ногойки носили и

серьги, заимствованные у русских, народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Астраханские ногойки в прошлом использовали кольцевые, обычно трехбусинные серьги.

Браслеты карагашки носили постоянно: по одному на каждой руке, что являлось средством сохранения добрых отношений между мужем и женой. Этим объясняется огромное разнообразие их типов и приемов украшения: тончайшая золоченая филигрань, инкрустированная драгоценными камнями в высшем сословии и простенькие гравированные браслеты из низкопробного серебра у низших слоев.

Еще одно необычное магическое ювелирное украшение, бытовавшее у карагашей – это **наспинные обереги** – это многочисленные серебряные пластины, соединенные между собой и имеющие самые разнообразные геометрические формы, инкрустированные драгоценными камнями. По бокам и на концах они украшены монетками и звоночками. Обычно эти обереги носили дети, а также невесты, их магический звон и блеск, по верованиям карагашей, отгонял злых духов.

Одной из самобытных и индивидуальных деталей женской одежды карагашек являлся **свадебный нагрудник** (аспа коькрек). Он был разных форм, контрастного, обычно красного цвета. Богато декорировался вышитым разными цветами геометрическими орнаментами и был неотъемлемой частью нарядного костюма.

Нельзя оставить без внимания и головные уборы ногаек – карагашек. В старые годы все карагашки носили **высокие шапки**, обложенные фольгой снаружи, сверх фольги обшитые серебряными и даже золотыми монетами; около лба навешивались мордовки или мелкая серебряная монета, и в несколько рядов жемчуг [2]. В. Пятницкий так описывает головные уборы « в девичьи косы вплетается **шашбау** — шнур с кистью кованого серебра. Отличительной принадлежностью костюма невесты служит **саукеле** — довольно сложный головной убор и **бой тастар** - громадная шаль, покрывающая всю фигуру» [4].

Невесты надевали специальную шапочку «силауш», поверх которой надевался платок. Платки были самые разнообразные – шелковые, парчовые, всевозможных форм и расцветок. Поверх платков надевались шапки, обычно это были высокие меховые праздничные шапки или более низкие повседневные шапочки.

Особый интерес представляет **низенькая праздничная шапочка невесты** – кес боьрик, бытовавшая только у карагаш-ногойцев, она декорировалась, как и нагрудник вышитым геометрическим орнаментом, причем вышивалась не только передняя часть, но и верхушка. Очень интересна и гармонична данная шапочка и по цветовой гамме, она обычно крепилась на макушке к меховой и сверху покрывалась однотонным (обычно белым) платком (тастар).

В заключении хочется добавить, что народная одежда и украшения не только карагашей, но и других групп ногайцев – это богатейшая сокровищница материальной и духовной культуры прошлого. В тысячелетних традициях сосредоточены связи времени, племен, народов, на протяжении веков находящихся в теснейших взаимосвязях друг с другом.

Источники и литература

1. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX вв. – М., 1976.
2. Небольсин П.И. Иностранцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // Вестник Императорского русского географического общества. СПб., 1851. Часть 2. Кн.4.
3. Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско – абхазском берегу Черного моря в 1750 – 1762 годах (в изложении Е.Д. Фелицина). Краснодар, 1927.
4. Пятницкий В. Карагачи (по материалам поездки в 1927 года) – Землеведение. Географический журнал им. Д.Н. Анучина. – Т. 32. – Вып. 3-4. – М., 1930.

ФОТОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ В.И. ТРОФИМОВА 1930 ГОДА. КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ЮРТОВСКИХ НОГАЙЦЕВ

Махсутов А.К.

История, материальная культура и антропология юртовских ногайцев являются практически неизученными. При этом изучение осложняется их плавающей идентичностью. В свою очередь плавающая идентичность, замыкая круг, исходит из слабой изученности этой нижневолжской тюркской народности. Однако свою лепту в изучение юртовцев может и должна внести фотография.

О роли фотографии, как ценном этнографическом источнике полноценно написала дагестанский исследователь Зухра Залимхановна Кузеева, в то же время подчеркивая, что фотография по сути дела стала новым явлением в научных изысканиях. Она пишет: «В России интерес к изучению фотографии, как к самостоятельному источнику, возник в последние десятилетия, в связи с развитием в отечественной науке визуальной антропологии» [1, с. 182], что в свою очередь делает наше исследование ещё более актуальным.

Нами предлагается изучить и проанализировать фотографии и описания к ним, сделанные в сентябре-октябре 1930 года в четырёх сёлах Нижнего Поволжья, населенных особой субэтнической группой юртовских ногайцев. Данные фотографии были сделаны в рамках экспедиций Нижне-Волжского института краеведения, возглавляемых Василием Ивановичем Трофимовым (1899 – 1982), о чём упоминает татарстанский исследователь Сулова С.В.: «Особую научную ценность составляют фото (негативы), привезенные В.И. Трофимовым из этих экспедиций. На них изображены женщины и мужчины разных возрастных и социальных групп в будничных и праздничных нарядах» [2, с. 35]. Также, на официальном сайте Саратовского областного музея краеведения говорится о материалах экспедиций в предместьях Астрахани: «В научном архиве хранятся дневниковые записи этих экспедиций... большое число фотографий, фотоальбомов, негативов с материалами экспедиций» [3].

«Негатив. "Обычное занятие" (в праздничный день сидят у двора). с. Татарская Башимаковка (ногайцы)». 1930 г., сентябрь-октябрь. СССР, Астраханская обл. Номер по КП (ГИК): СМК 23214/32.

Рассматриваемые нами фотографии опубликованы на официальном портале «Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации» (далее Госкаталог), подведомственном Министерству культуры.

«Государственный каталог представляет собой федеральную государственную информационную систему государственного учета музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации», говорится в десятой статье Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [4]. Строгий порядок и четкий регламент внесения государственными музеями данных в реестр Госкаталога подкрепляет надёжность материалов, взятых из этого источника.

Интересующие нас фотографии опубликованы на портале Госкаталог государственным учреждением культуры "Саратовский областной музей краеведения" с указанием номера по книге поступления (главная инвентарная книга) музея (КП (ГИК)). Однако представленные материалы не сгруппированы, найти их можно введя либо номер определённой фотографии на портале, либо названия сёл, в которых они были сделаны, либо по запросу «ногайцы» [5]. Для удобства эти фотографии были сгруппированы и опубликованы мной на личной странице в социальной сети «Фейсбук». Нашему вниманию представлены 111 фотографий из юртовских сёл современного Приволжского района Астраханской области, в том числе из села Яксатово (23 фотографии) [6], из села Килинчи (6 фотографий) [7], из села Каргали (29 фотографий) [8] и из села Татарская Башмаковка (53 фотографии) [9].

Рассматриваемые нами фотографии могут поведать о многом. В частности из них мы можем узнать об идентичности, антропологии, бытовых особенностях, национальном и повседневном костюме, народных промыслах и традиционных занятиях представителей указанных селений и многом другом.

В первую очередь, внимание привлекает то, что абсолютно все фотографии подписаны словом «ногайцы». Что в условиях внутреннего и внешнего диспута об идентичности юртовцев [10], даёт основания для утверждения, что на момент экспедиции, а это осень 1930 года, жители перечисленных юртовских сёл идентифицировались именно как ногайцы. Это сходится с данными метрических книг, составленных в конце XIX – начале XX вв. в юртовских поселениях Астрахани и хранящихся в Государственном Архиве Астраханской области (ГААО). В этих метрических книгах население данных сёл идентифицирует себя, как «Юртовские ногайцы» [11], [12].

Кроме того, из исследуемых нами фотографий мы видим, что юртовские ногайцы традиционно занимаются огородничеством. Фотографии с соответствующими занятиями подписаны как «Сортировка лука», «Вспашка огорода плугом», «Перевозка свеклы на арбе», «Приемка помидор на заготовительном пункте» и т.д.

«Негатив. Разборка лука. с. Татарская Баймаковка (ногайцы)». 1930 г., сентябрь-октябрь. СССР, Астраханская обл. Номер по КП (ГИК): СМК 23214/19.

Это полностью соотносится с тем, о чём рассказывали о юртовских ногайцах в казанской газете «Кояш» ещё в 1913 году [13]. «Эти ногайцы, которые живут близ города, занимаются садоводством и огородничеством. Арбузы, дыни, картошку и многие другие плоды они выращивают на бахче. Изюм, различные сорта груш, яблок, айву, вишню, черные и желтые сливы, огурцы, капусту, морковь, репу, фасоль – вот такие растения они выращивают в большом количестве. Они, работая весь день, собирают фрукты, а с восходом солнца идут на первый базар, затем, вплоть до десяти часов (утра) полностью распродают товар, возвращаются домой, и снова подготавливают созревшие фрукты и овощи на продажу», - говорится в газете [14].

Также из традиционных занятий, запечатленных фотографом, можно выделить плетение венков женщинами, использование ручных жерновов, игру в кости «ашык», игру на саратовской гармонии «саз» и др.

Определённо, одними из самых ценных материалов среди исследуемых фотографий являются те из них, на которых изображён национальный костюм. Такие изображения с описаниями, как «Старуха в архалыке», «Женщины в праздничных костюмах», «Национальный костюм женщины» и другие, дают ценные визуальные данные, а их описания фиксируют и названия элементов женского национального костюма. Например, упо-

минаются такие части костюма, как «архалык», «березе», «таргат», «тастар». Кроме того мы видим, что для мужчин юртовских сёл свойственно ношение каракулевой шапки, аналогичной каракулевым шапкам «боьрк» и «калпак», распространенным среди других групп ногайцев.

«Негатив. Национальный костюм женщины (спереди, сбоку, сзади, с верхним халатом "березе")». с. Каргали (ногайцы). 1930 г., сентябрь-октябрь. СССР, Астраханская обл. Номера по КП (ГИК): СМК 23214/71, СМК 23214/73, СМК 23214/72, СМК 23214/76.

Аналогично традиционной одежде, мы видим и повседневную и праздничную одежду, которую носят запечатлённые юртовцы. Она соответствует распространенной для того времени и места манере одеваться и в очередной раз дает нам подтверждение описания, данного в упомянутой выше казанской газете «Кояш»: «Молодые люди из ногайцев (нугаев), из парней и девушек, любят наряжаться и носить хорошую одежду, они приобретают всю готовую пошитую одежду на базаре: штiblеты, тужурки, пальто, пиджаки и даже исподнее они покупают и носят. Вещи, вошедшие в моду у русских, немедленно перенимаются и ногайцами (нугаями). Магазины одежды пользуются большой любовью» [14].

Из представленных фотографий одна показывает очень интересные предметы быта юртовских ногайцев. На фотографии с описанием «Имба внутри. с. Каргали (ногайцы)» изображена женщина, сидящая на традиционных нарах «тактамбит», слева от неё находится традиционная печь «нугай мищ» (юрт. ног. - ногайская печь), а позади неё, на стене, висит элемент женского юртовского национального костюма «архалык».

«Негатив. Изба внутри. с. Каргали (ногайцы)». 1930 г., сентябрь-октябрь. СССР, Астраханская обл. Номер по КП (ГИК): СМК 23214/81.

Безусловно не менее интересными являются запечатленные дома и мечети, по которым мы можем судить о традиционных для этих типов зданий архитектурных стилях. По описаниям мы определяем, что в упомянутых сёлах были дома старого и нового типов, они различались и по уровню достатка хозяев. Так же даны общие виды сёл.

Определенную ценность представляют указанные в описаниях к данным фотографиям фамилии. Упоминаются такие люди и фамилии, как Ахмедов Урузали, Бердеев Губайдулла, Максудов, Усманов, Уразаев, Абдриязов, Асанова, Зулкарниев, Аккалиев, Мулламинов, Юнусов, Туктагулов, Исаев и другие. При этом, в некоторых случаях отмечено их общественно-имущественное положение. Так, Туктагулов упомянут как «бедняк», Исаев как «кулак» и т.д.

Фотографические портреты в общем, и исследуемые нами фотографии в частности, являются очевидным источником и для изучения антропологии юртовских ногайцев.

В заключении отметим, что данная работа не претендует на роль полноценного исследования представленного материала. Автор лишь надеется, что рассмотренные фотографии послужат прочным подспорьем и цен-

ным источником для исследователей, изучающих историю Астраханской области и ногаеведов.

«Негатив. Улица. с. Яксатово (ногайцы)». 1930 г., сентябрь-октябрь. СССР, Астраханская обл. Номер по КП (ГИК): СМК 23214/104.

Источники и литература

1. Кузеева З.З. Фотография как этнографический источник в изучении традиционного костюма ногайцев // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к будущему. — Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ. — 2019. — 444 с.
2. Сулова С. История костюма тюркских народов (этнографическое исследование татарской народной одежды). — Астана: Издательство «Сарыарка». 2011. — 286 с.
3. История музея // Саратовский областной музей краеведения, 2017. URL: <http://www.comk.ru/history/>
4. Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации // Министерство культуры Российской Федерации (Минкультуры России). URL: <http://www.mkrf.ru/documents/ob->

utverzhdanii-polozheniya-o-gosudarstvennom-kataloge-muzeynogo-fonda-rossiyskoy-federatsii/

5. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (Госкаталог) // URL: <https://goskatalog.ru/>
6. Фотографии юртовских нугаев из села Яксатово // Алим Махсутов, «Фейсбук». URL: <https://www.facebook.com/makhsutovalim/posts/2794098260668996>
7. Фотографии юртовских нугаев из села Килинчи // Алим Махсутов, «Фейсбук». URL: <https://www.facebook.com/makhsutovalim/posts/2795675033844652>
8. Фотографии юртовских нугаев из села Каргали // Алим Махсутов, «Фейсбук». URL: <https://www.facebook.com/makhsutovalim/posts/2797770793635076>
9. Фотографии юртовских нугаев из села Башмаковка (Кызан) // Алим Махсутов, «Фейсбук». URL: <https://www.facebook.com/makhsutovalim/posts/2799204376825051>
10. Астраханские ногайцы или татары. Кто есть кто // Региональный проект "Idel.Реалии". URL: <https://www.idelreal.org/a/30466634.html>
11. ГААО.Ф.1117.Оп.1.Д.179.
12. ГААО.Ф.1117.Оп.1.Д.378.
13. Газета «Кояш» № 64 от 6 марта 1913 г. Издательство «Торговый дом братья Каримовы», г. Казань.
14. «Студент из Стамбула рассказал, как сто лет назад жили астраханские ногайцы» // Краеведческо-новостной портал «Астраханский листок». URL: <https://astralist.info/archives/11103>

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОДОПЛЕМЕННОГО СООБЩЕСТВА ЮРТОВЦЕВ (КАРАЙЙЛЕ) В СЕМЕЙНО-КЛАНОВЫЕ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННОСТИ

Мусаев А.Д.

У ряда тюркоязычных народов России наблюдается такое явление, именуемое как «кушамат». В дословном переводе на русский язык это означает «добавленное имя». Эта традиция замечена у башкир, казахов, средневожских татар. Не является исключением и наша область. Рассмотрим ее на примере жителей с. Татарская Башмаковка. Селение расположено на западном берегу реки Кизань, по обе стороны от моста по трассе Астрахань - Травино. Возраст поселения насчитывает около четырех столетий. Основан представителями этнической группы нижевожских

тюрок, известных науке под названием «юртовские татары». До второй половины XX века бытовало самоназвание «нугай». Вплоть до начала 80-х годов прошлого века, село было в относительной изоляции от ближайших крупных центров. Только открытие моста через реку Кизань позволило жителям села активно вступать во внешние социально-экономические и культурные контакты. Благодаря этой изоляции в селе долго сохранялись культурные традиции, присущие юртовцам. Одной из таких является «кушамат». В Башмаковке для обозначения этого понятия используют свой термин – «атак». В дословном переводе оно означает «знаковое имя, прозвание». Он давался как отдельным лицам, так и целым семьям и бывшим родам, и служил своеобразным клановым маркером.

В дореволюционной России у башмаковцев не было фамилий в современном понимании этого термина. «Атак» являлся своего рода заменителем фамилии. Эта традиция укоренилась в среде башмаковцев, и даже после присуждения Советами их семьям фамилий, практика использования «атак» по сей день не исчезла. Причины присвоения «атак» различны: древние родоплеменные этнонимы, этнические, антропологические особенности, профессиональные, бытовые черты характера. В работе попробуем сделать систематизацию «клановых имен» по этим характерным чертам принадлежности их носителей.

«Саксен» – в названии «атак» прослеживается созвучие с этнонимом саксин-народа, населявшего наш край в XI-XIII веках.

«Башалак» – созвучен с самоназванием печенегов – «бажанак».

«Алаш»- происходит либо от этнонима «алшин», либо от мангытского урана (боевого клича) – «алаш». В обоих случаях просматривается этнический след.

«Утар» – связан с этнонимом группы юртовских татар, раньше всех остальных перешедших на оседлость.

«Кундрау» – связан со следующим событием. Один из представителей этого клана взял в жены девушку из с. Тулугановка Володарского района. За ее потомками в Башмаковке закрепился этот «атак».

«Черкеш» – причина зарождения «атак» сходна с предыдущим случаем. Один из предков данной фамилии имел жену из лезгинок. Юртовцы всех выходцев с Кавказа обобщенно называли черкесами. Поэтому потомки этой женщины получили «атак» «черкешлар».

«Угуз» – созвучен с древнетюрским этнонимом «токуз-угуз». В пользу этой версии говорит и родовой знак Σ тамга уйгур.

«Манже» – предок этой семьи имел друга из калмыков. Тот, в свою очередь, называл его «манжи».

«Шанышке» – «атак» связан с формой родовой тамги в виде буквы ш. дословно переводится как трезубец.

«Кыркасын» – сорок поколений. Также является этнического происхождения.

Перечисленные «атаки» объединяет природа их этнического происхождения. В них закодирована информация, которую предстоит еще раскрыть.

С одним из «атак» связана семейная легенда. «Кукшебарак» дословно переводится как «синяя ткань». Именно в такую ткань был завернут младенец, когда его нашли приемные родители. За ним и его потомками закрепилось это прозвание.

«Куканай» – этот «атак» связан с мужским именем. В работе Марии Амербиевны Булгаровой «Ногайская топонимика» описано название бывшего селения в Ногайском р- не респ. Дагестан «Кёкеней аул». Этот ойконим она связывает с мужским именем Кёкеней.

«Ашантау» – связан с местом жительства носителей данного «атака». Их родовой дом стоит на бугре «Ашантау- тьюбя». По истории Башмаковки, именно с этого бугра началось основание села.

«Тездаге» – носитель этого прозвания жил на окраине села.

«Атаки» – подчеркивающие антропологические особенности их носителей.

«Куккуз» – «синеокий, голубоглазый», «сарка»- «светлый, белокожий».

«Сарбука» – «атак» состоит из двух слов: сары-светлый, бука-крепьш, силач. Был дан в качестве ласкательного детского имени Исаеву Садвакасу его матерью. После перешло на его потомков.

Прозвания, связанные с профессией его носителя.

«Кабак» – «атак» закрепился за человеком, работавшем в учреждении общепита- кабаке.

«Асёкин» – был дан сельчанину, работавшему до революции у управляющего Башмаковской рыболовецкой ватаги Осокина

«Шапай»(Чапай) – носитель этого «атак» работал в довоенное время в колхозе «12 лет Октября». Возглавлял бригаду №6 имени героя Гражданской войны В.И. Чапаева.

«Майор» – «атак» закрепился за башмаковцем, одним из первых дослужившегося до этого воинского звания.

Следующая группа «атак» характеризуется хозяйственными и бытовыми чертами их наречения.

«Кыек» (наклонный, скошенный) – закрепился за человеком, который первым в селе построил дом с двускатной крышей. До этого случая все дома строили с односкатной плоской крышей. «Атак» первоначально звучал «кыек шарлак». За прошедшие столетия трансформировался и в сокращенном виде дошел до наших дней.

«Алабай» (пестрый, пятнистый) – в хозяйстве носителя этого прозвания была лошадь, выделявшаяся своей мастью – «алабай ат» (пятнистая лошадь). Позже «атак» сократился до формы «алабай».

«Алаугуз» (пестрый вол) – также связан с мастью животного, бывшего в хозяйстве, носителя этого «атак» дошел до наших дней без изменений.

«Куян» – заяц. Первоначальная форма была «куян ятак»- кроличья шапка. Была дана человеку первым в селе одевшему шапку из меха кролика. Позже сократилась и используется в этой форме.

Существует группа клановых «имен», связанных с чертами характера их носителей.

«Ташкукрак» (букв. «каменная грудь») – означал гордый, независимый характер.

«Буран» – дано сельчанами человеку за буйный характер.

«Яркымбай» (тщеславный, хвастливый) – носитель этого «атак» любил преувеличивать свои достижения.

Сельчане также выделяли «атаками» татар-переселенцев из Среднего Поволжья. Общее для них прозвание было «жюкааяк»- обувь из лыка. Происходит оно от вида обуви: лаптей, плетенных из лыка. Этот вид обуви был необычен для юртовцев, одевавших в повседневности кожаную обувь. Для отдельных семей переселенцев давали прозвания, связанные с их родными деревнями. «Щирман» – предки этой семьи переехали в Башмаковку из деревни Щирман со Среднего Поволжья. «Канди» – переселенцы из д. Кандеевка, Пензенской губернии.

На основании приведенных примеров можно прийти к следующим выводам. «Атак» является родовым, семейным и личным прозвищем. В последнем случае не редко переходит и на других членов семьи.

Традиция присвоения и ношения «атак» ведет свое начало еще со времен родоплеменных названий предков башмаковцев. Родоплеменные названия были забыты в процессе перехода на оседлость групп юртовцев в XVI- XVIII веках. Этому способствовал также переход от кровнородственной общины (махалля) к аульной системе проживания, приписание юртовцев в сословие государственных крестьян.

Несмотря на все эти исторические перипетии в памяти народа сохранился своеобразный идентификационный код: не имея социальной среды, как казахи и ногайцы – карагашы для сохранения родов и тамг, народом изобретены «атак» – семейно-клановые сообщества.

Эта тема интересна и требует дальнейшего глубокого изучения и анализа.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЮРТОВСКИХ НОГАЕВ

Мусаев А.Д.

Нижняя Волга является регионом с различным неоднородным ландшафтом. Пойменные луга, бэровские бугры, протоки и подходящая с запада и востока полупустыня и степь, издревле обуславливают развитие для проживающих на ее территории людей, ведение комплексного хозяйства. Таковой она была у хазар, половецких и печенежских племен, жителей Улуса Джучи и Астраханского юрта. Не являются исключением и юртовские ногаи. Проживая на территории Нижнего Поволжья и приспосабливаясь к меняющимся природным, экономическим и политическим условиям, они выработали свою оригинальную земледельческую культуру.

Хозяйство юртовцев было комплексным: т.е. скотоводство сочеталось с рыболовством и земледелием. Это ещё отметил в своих записях Адам Олеарии, посетивший наш регион в 1636 г. Именно юртовцев голштинцев называет основным поставщиком на рынки Астрахани скота, фруктов и бахчевых культур.

За следующие сто с небольшим лет изменяется политическая и экономическая обстановка в регионе. Нашествие калмыков в 40-х гг. XVII века прервали привычные, меридианные маршруты летовок (джайляу) юртовцев, а последовавший в 1704 году указ Петра I об государственной монополии на рыбную ловлю, лишил юртовцев привычных источников дохода. Так постепенно земледелие становится порой главным источником существования у совсем обедневших слоев юртовских ногаев.

Побывавший в Астрахани 1770-х гг Самуил Гмелин отмечает то, что юртовцы возделывают не только хлеб, но и занимаются огородничеством.

В земледельческой культуре юртовцев много общих черт с древними земледельческими районами Хорезма, Волго-Уральского междуречья, Северного Кавказа и Крыма.

Приемов ведения земледелия было два: лиманное и поливное.

Пахота

Первый способ практиковался в нашем регионе ещё со времён хазар. Под посев шла земля, освободившаяся после весеннего паводка. Ее взрыхляли и производили посев. Такие места на языке юртовцев называются «куль» и встречаются в местной топонимике: Аккуль (Белый Ильмень), Майлекуль (Яксатово), Бусдамкуль (Кулаковка).

Чигирь

Второй способ – поливной, активно используется и в современных условиях. Для него строилась ирригационная система, состоящая из сети водогонов (кусэм), канавок (арык), по которым вода, подаваемая с водоёмов с помощью примитивных черпаков (туккеш) или более сложных водяных подъемников (чигирь), растекалась по участкам. Сами участки делились на грядки (чиль), приспособленные к поливу. Поливщики, с помощью мотыг (кирпан), делали запруды (бугат) между грядками, заливая растения. Подготовленный таким образом к посадке и поливу участок назывался «такталанган жер» (укатанная земля).

Полив бахчи

В XX веке юртовцы, вместе со всеми народами СССР прошли через годы революций, НЭПа, коллективизации, испытали лишения военных лет

и послевоенного периода. В 70-х гг прошлого столетия в юртовских селах начинается активно осваиваться тепличное огородничество.

Теплицы в юртовском с. Кызан (Башмаковка

Это было обусловлено тем, что Астрахань стала открытым для посещения туристами городом. Ранняя овощная продукция поставлялась на рынки города, а так же других регионов Советского Союза. При этом со стороны властей осуществлялись акции противодействия. Так в 1983-84 гг., активисты местных сельских Советов ходили по дворам и всячески препятствовали ведению личных подсобных хозяйств.

Распад Союза и последовавшие после него экономические неурядицы сказались на жизни юртовцев: многие, потеряв рабочие места из-за ликвидации колхозов и других предприятий, видели в земледелии единственный источник существования. Нестабильность в этот процесс вносила инфляция, миграционные процессы, затронувшие и наш регион. Как следствие, цены в регионе на все росли (за исключением цен на сельхозпродукцию в весенне-осенний период). На городских рынках оказались выкуплены места выходцами с других регионов России и стран СНГ.

В последние годы на первое место из проблем, стоящих перед владельцами ЛПХ юртовских сёл, вышли следующие : отсутствие рынков сбыта продукции, выросшие почти в 2-3 раза, по сравнению с докризисными 2013-2014 годами, цены на семенной материал (он у нас в России в основном из-за границы), тепличную плёнку (для сравнения в 2013г -1 кг стоил 70 руб., с 2015г. – 160 р. за 1 кг.), удобрения и средства защиты растений. Цены на все это выросли в разы, а стоимость выращиваемой продукции осталась на прежнем уровне. На это есть свои причины: 1) Завоз овощной продукции из стран Ближнего и Дальнего зарубежья; 2) Наличие арендаторов на территории РФ из числа граждан КНР.

Последние, выращивая свою продукцию на территории нашего с вами региона, имеют возможность сбывать её по демпинговым ценам. Это становится возможным благодаря мощной финансовой поддержке китайских арендаторов со стороны их государства. У нас же реальной поддержки в виде дешёвых кредитов, организации сбыта продукции по взаимовыгодным ценам со стороны властей всех уровней нет. Юртовцы, как и их пред-

ки, остаются со своими проблемами один на один. Это в современных меняющихся условиях грозит так же потерей экономической и продуктовой безопасности в целом, и потерей ногаев в частности. Этого допускать нельзя.

БАБА ТУКЛЕС

Сызранов А.В.

На территории Астраханской области на сегодняшний день известно несколько десятков захоронений (ауля, авлия, эвлия) мусульманских святых. Пожалуй, одной из наиболее древних является могила святого Абдрахмана Тукли-баба на мусульманском кладбище пригородного поселка Мошаик г. Астрахань, объединенная в едином культовом комплексе с захоронениями других святых. Задача нашей статьи - проанализировать образ данного святого на основе данных письменных, фольклорных и этнографических материалов, а также с учётом историографического опыта.

Интересны составляющие имени святого (в астраханском варианте, по сведениям информантов и имеющимся в нашем распоряжении рукописным спискам святых мест) - Абдрахман Тукли-баба Шашлы-адже. Абдрахман - типичное арабо-мусульманское имя Абд ар-Рахман. Тукли в тюркских языках - «шерстяной», «косматый», шашлы - «волосатый», баба - «дед, старец, предок» (в суфийской традиции - почетное звание духовного авторитета, проповедника ислама). Турецкая исследовательница И. Тоган обращает внимание, что слово *tüklü, tükles* в тюркской языковой традиции означает не только «шерсть», но и «перо», «оперение» [27, с. 45]. Исследователь Н.К. Хазов, анализируя «странное имя святого ("төкле" - волосатый, "баба" - отец)», отмечает, что оно напоминает традиционную этимологию слова ат-тасаввуф, от которого происходит русское слово суфизм, возводят к арабскому слову суф - шерсть; как считается, первые суфии облачались в одежду из грубой шерсти, что и стало причиной появления такого названия [31, с. 8-9].

Не совсем ясно в имени святого слово адже. Астраханский историк-этнограф В.М. Викторин считает, что оно образовалось вследствие контаминации арабского хаджи и древнетюркского эйе, эе, эзи - дух-хозяин местности [10, с. 54]. На наш взгляд, адже является производным от арабского хадджи, или хаджи - «паломник, совершивший хадж». Возможно, это искаженное Азиз - мужское имя, в переводе с арабского означает «могущественный», «сильный»; в эпосах одно из имен Баба Тукласа. Таким образом, буквально имя святого можно перевести как Абдрахман «Волосатый старец».

Этот святой достаточно хорошо известен в тюркской этнокультурной среде. В героическом эпосе ногайцев, казахов, каракалпаков, татар,

башкир под схожими именами (Баба Туклас, Тукляс, Баба Тукты Чачты Азиз, наиболее полное - Хаджи Ахмед Баба Туклас Шашлы Азиз Баркая, или Баркана) он известен как предок (дед, прадед, отец) золотоордынского беклербека Эдиге (родоначальника правящего дома Ногайской Орды; ум. в 1419 г.), и дух-предок-покровитель (арвах, аруах) ногайских князей-мирз - потомков Эдиге [7, с. 12; 15, с. 17; 13, с. 229, 355, 383; 23, с. 88].

Упоминания о Баба Тукласе содержатся в различных ногайских вариантах эпоса «Эдиге». В одном из таких вариантов, переведенном на русский язык казахским ученым-востоковедом Ч.Ч. Валихановым (1835-1865), в частности, говорится: «Эдиге происходил от Баба Туклас (Чачлы-азиза) в девятом колене»; «Происхождение бледнолицего юноши (Эдиге. - А.С.) - Баба-Тукты-Чачли-азиз; от Чачли азия происходит бледнолицый юноша» [8, с. 265, 267; 32, с. 65, 67-68]. Также Ч.Ч. Валиханов приводит предание ногайцев о происхождении Баба-Тукласа: «Некто увидел в пути череп с надписью на лбу: "я живой убил несметное число людей, мертвый могу убить 40". Нашедший человек сжег череп, и пепел взял в узелок и привез домой, отдал дочери на хранение. Дочь из любопытства развернула тряпку и, увидевши белый порошок, взяла на палец и попробовала вкус, отчего сделалась беременна и родила сына, который и был Баба Туклас. Мальчик, будучи еще учеником, обнаруживал необыкновенную проницательность ума. Хан той страны видел сон: во сне он сидел на мосту через большую реку и из реки высунулись драконы, двадцать с одной стороны моста и двадцать с другой, которые хотели его пожрать. Хан зовет своих ученых и требует, чтобы они объяснили его сон. Ученые пришли в тупик, тогда Баба Туклас предложил им, что он бы разрешил сон ханский. Ученые его привели к хану. Стал он просить хана, что смущается присутствием своих учителей, и, когда они вышли, он сказал хану, что драконы суть его сорок ученых, которые находятся в связи с его женой и ходят к ней по очереди в виде черных старух. Хан велел наблюдать. Оказалось, что так. Ученых убили, и тем исполнились слова, написанные на черепе относительно сорока жертв. От этого черепа и называются потомки Эдиге бия аксуяками - белою костью» [8, с. 272-273; 32, с. 71].

В 1958 г. советский фольклорист А.И.-М. Сикалиев записал живое исполнение поэмы «Эдиге» у ногайцев Карачаево-Черкесской автономной области РСФСР. В нем, в частности, повествуется о происхождении Эдиге и его деде по имени Баркая. Один чабан нашел в степи череп с надписью, которая гласила: «До смерти я убил десять тысяч человек, после смерти убью только сорок». Он принес череп домой, разбил череп на мелкие кусочки, истолок в муку и спрятал в сундук. Дочь чабана тайно попробовала муку на вкус и забеременела. Вскоре она родила мальчика, которому дали имя Баркая. Мальчик быстро рос и скоро стал умнее и сильнее всех своих сверстников. Прошли годы. Хану - правителю здешних мест однажды приснился сон: будто он едет на любимом скакуне, вдруг сорок злых собак

околожили его, кинулись на хана с двух сторон, намереваясь разорвать на части. Проснувшись, хан рассказал свой сон везирам и потребовал разгадать его смысл. Но везиры были бессильны. Хан отправил глашатаев по всему ханству: кто разгадает тайну сна, тот получит от правителя все, что захочет. Но ни один человек не смог справиться с этой задачей. Тогда явился к хану Баркай и сказал: «Есть у тебя сорок везирей. И разбились они пополам на две партии. Каждая из них договаривается с твоей женой, чтобы умертвить тебя и посадить на трон другого. Каждой партии хочется иметь правителем своего человека». После того, как хан убедился в сказанном, везиры были схвачены и повешены. Правитель предложил Баркае стать его главным везиром, но тот отказался и «ушел он к берегам матушки Эдиль-реки. Стал могучим человеком, жил один, охотился в лесу, рыбачил. Все его тело покрылось волосами, и на голове выросли длинные волосы. Борода его покрыла всю грудь. И дал народ ему за это кличку Баба-туьклес Шашлы Азиз, что значит "Дед лохматый, волосатый Азиз"» [23, с. 98-99, 282-283].

О Баба Тукласе упоминается в татарском варианте эпоса «Идегей»:

*Один из предков его (Эдиге. - А.С.) был раб,
Другой - правителем был,
А старший дед - Туклас Ходжахмет -
Пиром¹-святителем был [15, с. 17].*

В башкирском варианте эпоса под названием «Идукай и Мурадым» также говорится о Баба Тукласе:

*Седьмое колено нам Умар.
Сын его - Газиз-баба -
В девять лет прослыл мудрецом;
Младший его сын Тукляс
Подчинил себе исподволь
Яик, Тукмар, Туяляс... [7, с. 12, 54].*

Комментаторами отмечается, что Тукляс - отец Идиге (Идукай), святой старец, фигурирующий в эпическом творчестве многих тюркских народов под именем Баба-Тукты-Чачты-Азиз [7, с. 335-336]. Интересно также, что некий Чачли Дэрвиш («Волосатый Дервиш») упоминается в башкирских родословных-шежере [5, с. 28, 32].

Предание о Баба Тукласе, как о предке Эдиге, бытовало у астраханских юртовских ногайских татар в XIX в. Так, по сообщению российского

¹ Пир (перс. «старец») - в суфизме наставник, учитель, руководитель суфийского братства; также иногда обозначение могилы, где похоронен пир; в «народном» исламе - святой дух-покровитель определенных занятий (например, ремесел), природных явлений (например, дождя).

этнографа П.И. Небольсина (1817-1893): «нынешний юртовский голова из Царева¹, Абубекр Джан-Алиев, и келечинский² житель Исхак Дюсеев, по преданиям предков, рассказывают, что родоначальником той отрасли ногаев, от которой произошли юртовские татары, был некто Ислам, по званию "Кайя", нечто среднее между "Хаджи" и "Сеидом". У Ислам-Кайи был сын Каранки, у него сын Баба-Туклес, а у этого Кыдыр-Кайя. Праправнук Кыды-Кайи ... Эдигей провозгласил себя "бием" над ногаями» [19, с. 54].

В тюркской эпической традиции родословная святого Баба Тукласа возводится к первому праведному халифу Абу Бакру (правил в 632-634 гг.). Баба Туклас считается исламизатором Золотой Орды и лично самого хана Узбека - правителя Золотой Орды в 1312-1342 гг., при котором ислам стал государственной религией джучидского государства [28, с. 56, 64, 86, 572; 33, р. 13, 14, 381, 386-387].

Хорезмийский историк Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дости в своем сочинении, написанном в середине XVI в. в Хорезмском ханстве (Хива) на тюркском языке (известно как «Тарих-и Дост-султан» («История Дост-султана») и переведено на русский язык как «Чингиз-намэ»), приводит предание о четырех мусульманских святых, пришедших в ставку Узбека с целью обращения его в ислам. Позволю себе привести фрагмент его труда с некоторыми сокращениями: «На четырех святых, которые были из святых того времени, снизошло от Аллаха Всевышнего [такое] откровение: “Подите и призовите Узбека к исламу!”». При дворе хана были некие жрецы и колдуны, которых «почитал хан за своих шейхов, сажал [их] рядом с собой и воздавал [им] большой почет и уважение». Однажды, «когда пришли те [святые мусульмане]», между святыми и колдунами возник спор перед лицом хана. Узбек решил: «Буду с теми из вас я, чья вера правая ... Устройте же спор. Тому из вас подчинюсь я, чья вера окажется правой». [И] затеяли спор друг с другом эти два общества. Долго галдели и ссорились они. Наконец порешили на том, что следует им выкопать два танура (печь с круглым устьем для выпечки лепёшки), раскалить каждый из них, [спалив] десять арб саксаула, войти в один танур кому-то из колдунов, в другой - одному из этих [святых], и быть правой вере того, кто не сгорит и выйдет [целым и невредимым]. На том и порешили. Наутро выкопали два громадных танура и раскалили [их], собрав на дрова саксаул. Один предназначили для колдунов, другой - для мусульман. Святые эти почтительно уступали друг другу: “Кто же из нас войдет [в танур]?”. Одного из них звали Баба Тукласом: тело у него сплошь было заросшим волосами. Сказал он: “Мне позвольте, я войду, [а]

¹ Царёв (или Царёвская слобода, Зацарёво, Тяк - на р. Царёв) - предместье г. Астрахань, населённое преимущественно юртовскими ногайскими татарами. С середины XIX в. вошла в состав города как 6-ой полицейский участок. Сегодня - микрорайон Нариманово в Советском районе г. Астрахань.

² Юртовское селение (аул) Келечи - совр. с. Килинчи в Приволжском районе Астраханской области.

вы радейте обо мне”. Благословили его святые эти. [Еще] сказал тот баба: “Принесите кольчугу мне”. Когда принесли кольчугу, надел он ее на тело нагое и направился к тануру, возглашая память Аллаху Всевышнему. Рассказывают, [что] волоски [на теле] бабы стояли дыбом и высывались из колечек кольчуги. Все видели это! [Так] шел он и вошел в танур. Принесли [тогда] баранью тушу и повесили над тануром, а устье плотно закрыли ... Жрецы приневолили одного [из их числа и] посадили в танур. Лишь спустился он, как засверкал в тот же миг всеми цветами радуги пепел его, и стало рваться пламя из устья танура. Как увидели это все люди с [Узбек-] ханом во главе, так отвернулись их сердца от веры неверной и склонились они к мусульманству. А из танура все доносился непрерывно глас бабы, поминавшего [Аллаха]. Лишь поспела туша баранья, так и открыли устье танура. Утер баба пот с благословенного своего лица и вышел из танура, вопрошая: “Что заторопились?! Завершилось бы дело мое [поминания Аллаха], обожди вы немного”. Увидели [все], что как пламенеющий уголь накалилась кольчуга докрасна, но могуществу Господа Всевышнего благодаря ни один волосок не сгорел [на теле] бабы и вышел [он невредим]. Как увидели это все люди с ханом во главе, так вцепились тут же в подола шейхов и стали [все] мусульманами. Хвала Аллаху за веру ислама!» [30, с. 105-107]. Таким образом, Баба Туклас, совершил чудо и, высидев внутри раскаленной печи-танура, убедил хана в истинности ислама и заставил его вместе с приближенными отвернуться от идолопоклонства.

Известно два списка сочинения Утемиша-хаджи: один - неполная ташкентская рукопись, которая условно носит название «Чингиз-наме»; второй (недавно переведенный на русский язык) - «Кара таварих» («Черная история»; т.е. в значении древней или неизведанной истории) [29, с. 6]. В данном списке также приводится в целом идентичный рассказ о Баба Туклесе (так в переводе) и принятии ханом Узбеком ислама [29, с. 44-46].

Эта история, с некоторыми дополнениями, сохранилась в виде предания у юртовцев Астраханской области по сей день. Согласно нашим полевым материалам, записанным в пос. Мошаик, святой Тукли-баба распространял ислам в Нижнем Поволжье и вызвал на своеобразное «испытание вер» языческих жрецов. Были устроены ямы с огнем, в одну из них вошли жрецы, в другую святой. Первые сгорели, а тело Тукли-баба обросло «защитной шерстью», которая опала вместе с огнём, и святой вышел из ямы невредимым. Тогда большая часть людей приняла ислам, а другая часть отшатнулась от святого как от «шайтана» [20].

Вариант этой легенды приводит советский этнограф Н.М. Маторин (1898-1936): «Святой Тукли-баба (мохнатый дед) называется так потому, что тело его чудесно обросло защитительной шерстью, когда враги бросили его в огонь» [17, с. 88].

Таким образом, в этих преданиях Тукли-баба предстает как суфийской святой - один из первых адептов и проповедников ислама в Золотой Орде. По сообщению советского лингвиста и фольклориста В.М. Жирмунского (1891-1971), в некоторых вариантах эпоса «Идиге» Баба Туклас отождествляется со знаменитым основоположником тюркского направления суфизма Ахмадом ал-Йасави (1103-1166) [13, с. 383¹], что позволяет сделать предположение о принадлежности «волосатого старца» к суфийскому братству (араб. «тарика») йасавийа.

Интересно мнение американского исследователя Д. ДиУиса, который отождествляет Баба-Тукласа с суфийским шейхом Саид-ата [33, р. 486-487]. Известно, что Саид-ата (Саййид-ата, или Сеййид-ата; ум. в 1291/1292 или 1310/1311 г.) был шейхом тарика йасавийа, одним из учеников среднеазиатского шейха Занги-ата (ум. предположительно в 1258 г.) [1, с. 152]. Анонимное сочинение XV в. «Шаджрат ал-атрак» («Родословное древо тюрков») сообщает, что Узбек (хан Золотой Орды в 1312-1342 гг.) принял ислам именно под его руководством [22, с. 206]. Об этом же повествуют и легенды хорезмских узбеков [26, с. 167].

Казахстанский исследователь З.З. Жандарбек считает, что «Баба-Туклас» - прозвище другого йасавийского шейха Садр-ата (Садр ад-Дина), также ученика Занги-ата [12, с. 333]. Российский востоковед П.М. Мелиоранский (1868-1906) трактовал прозвище Баба Тукласа - Шашлы - как «шашский святой», т.е. «из города или области Шаш» (одно из названий Ташкента) [24, с. 10]. Однако, В.М. Жирмунский сомневался в данной версии и считал, что это является позднейшей этимологизацией [13, с. 383].

По мнению Н.К. Хазова, невозможно с уверенностью утверждать, какой конкретный исторический персонаж стал первоосновой образа Баба Тукласа. Он подчеркивает собирательный характер фигуры святого [31, с. 9].

В тюркских эпосах Баба Туклас выступает как святой-батыр, покровитель и защитник батыров, родовспомогатель, дарующий бездетным родителям чудесных детей, наделенных его особой благодатью, святой-оборотень.

Так, в башкирском эпосе «Акбузат» этот персонаж упомянут как великий батыр горных башкир [6, с. 170, 503, 539]. В ногайском эпосе «Эдиге» подчеркивается физическая сила, нелюдность, чрезвычайная волосатость Баба-Туьклеса Шашлы Азиза [23, с. 283]. С другой стороны, в казахских версиях так называемого ногайского эпического цикла - свода сказаний-дастанов о сорока мангытских (ногайских) батырах Баба-Туклас Шашты-Азиз предстаёт в качестве покровителя героев-батыров и родовспомогателя. В таких дастанах, как «Кобланды-батыр», «Алпамыс-батыр»,

¹ См. об этом также указание П.М. Мелиоранского [24, с. 10].

«Алеуко-батыр», «Шора-батыр», «Орак и Мамай» сюжет примерно схож: бездетные супруги - потомки святого Шашты-Азиза - совершают паломничество на его могилу в надежде на то, что святой дарует им детей. Вскоре после этого им является Шашты-Азиз и предрекает рождение чудесного сына, который в будущем станет батыром. При рождении героя святой сам дает ему имя. В дальнейшем Шашты-Азиз становится личным покровителем батыра - своего потомка [11, с. 138; 16, с. 224-226; 13, с. 185, 240, 241, 229. 185, 240, 241, 229].

Святой помогает батырам в битвах с врагами, спасает их от многочисленных опасностей, при этом оборачиваясь то гигантской птицей Кара-Гус [, с.]¹, то драконом-аждахаром [13, с. 186, 404]². Реже дети, рожденные благодаря помощи Баба Тукласа, становятся святыми. Казахская исследовательница Р.М. Мустафина приводит интересную казахскую легенду о святом Жилаган-ата (казах. «Плачущий старик»). Родители Жилаган-ата (отец - святой Курушкап, мать - святая Шаш-ана), прожив долгую жизнь, оставались бездетными. Отказавшись от всех благ, они стали странниками и отправились к могиле Баба-Тукты-Шашты-Азиза с целью выпросить у него рождение детей. Спустя девять месяцев Шаш-ана родила нечто круглое как шар. Вскоре шар случайно разбился, из него выбежал ребенок и убежал от родителей. Взобравшись на гору, он прокричал: «Мой отец, моя мать! Я ребенок не из этого мира, встретимся в другом мире!», после чего исчез в расщелине скалы [18, с. 98].

В некоторых версиях тюркского эпического сказания о Эдиге сохранился сюжет о женитьбе Баба Тукласа на сказочной «деве-лебеди». Согласно одной из версий, святой однажды совершал омовение у источника и увидел трех лебедей (или голубей), которые, опустившись на берегу, сбросили с себя лебединые одежды («кеб») и стали купаться. Святой похитил их одежды и потребовал, чтобы одна из них стала его женой. Младшая согласилась, но при условии, что он не будет смотреть ей на голову, когда она чешет волосы, под мышку, когда она снимает рубаху, и на ноги, когда она разувается. По истечении некоторого времени Баба Туклас эти запреты нарушает и обнаруживает, что череп у жены прозрачный, под мышкой просвечивают лёгкие, а ноги птичьи (или с копытами). Жена покидает мужа, но перед уходом сообщает, что носит во чреве сына. Когда он родится, она оставит его в условленном месте, где его найдет отец. Святой следует указаниям «девы-лебеди» и вскоре находит ребенка. По другой версии, Баба Туклас вместо лебедей встречает на берегу красавицу, которая золотым гребнем расчёсывает свои золотые волосы. Она ныряет в воду, он следует за ней, находит её в подводном царстве, где она становится его женой на тех же условиях. Далее повествования совпадают [13,

¹ Интересно, что и по материалам И. Тоган, Баба Туклас часто предстает в фольклоре в образе священной птицы [27, с. 45].

² Дракон аждаха хорошо известен в народной демонологии тюрков нижней Волги.

с. 355]. В одной ногайской версии сказания Баба-Туклас женится на дочери албаслы, в казахской версии - на самой албасты [13, с. 383, 382], в башкирской - на водяной девушке (или дочери духа пери)¹ [7, с. 12].

В одном из ногайских вариантов эпоса «Эдиге» (запись А.И.-М. Сикалиева) Баба-туьклес Шашлы Азиз был женат на лебединой деве, которая, родив ему сына Кутлы-Кая, улетела от него. Когда Кутлы-Кая подрос, он стал сокольничим хана Тохтамыша. Навлекши на себя гнев хана, Кутлы-Кая бежал в лес. Там он женился на дочери лесной женщины (албаслы), которая запретила ему смотреть ей под мышку и на ноги. Герой нарушил запрет, и обнаружил, что под мышкой у жены отверстие, через которое были видны внутренности, а ноги - птичьи. Албаслы покинула супруга и вскоре подбросила ему новорожденного младенца - Эдиге, которого выкормила собака. Некоторые варианты поэмы «Эдиге» сообщают, что имя ребенку дала сама албаслы, отдавая младенца отцу [23, с. 98-99, 283-286].

В варианте эпоса «Эдиге», записанном турецкой исследовательницей С.И. Чагатай (1907-1989) и опубликованном под названием «Эдиге эфсанеси», «визирь хана Тохтамыса Кутлы Кая бай» был женат на албаслы, от которой «у него родился сын, он дал ему имя Эдиге» [32, с. 198].

Образ сказочной «девы-лебеди», на которой был женат Баба Туклас, также, на наш взгляд, восходит к албасты (ног. албаслы, туркм. албассы и т.п.). В мифологии многих тюркоязычных народов это злой демон, связанный с водной стихией. Албасты обычно представляется в облике уродливой женщины с длинными распущенными светлыми волосами и такими длинными грудями, что она закидывает их за спину. Азербайджанцы иногда представляли албасты с птичьей стопой, в некоторых казахских мифах, у неё вывороченные ступни или копыта на ногах. Согласно тувинским мифам, у албасты на спине нет плоти и видны внутренности (это представление встречается и у казанских татар). Один из атрибутов духа - гребень. По представлениям большинства тюркских народов, албасты обитает вблизи рек или других водных источников и обычно является людям на берегу, расчёсывая волосы гребнем. Она может превращаться в животных и птиц, вступать в любовную связь с людьми [4]. Представления об албасты до сих пор встречаются у тюркских народов, в том числе и Нижнего Поволжья.

Возвращаясь вновь непосредственно к образу Баба Тукласа - Тукли-баба, следует отметить, что он встречает возможную аналогию в преданиях хорезмских узбеков о святом Сочли-ата (узбек. «волосатый

¹ Образ духов пери восходит к иранской мифологии и находит аналогии в верованиях народов Малой и Центральной Азии, Кавказа и Поволжья, испытавших влияние иранской традиции. У народов Центральной Азии пари - одни из главных духов-помощников шаманов. Существуют поверья о том, что духи пари могут вступать в сексуальную связь с людьми.

отец» - ср. Тукли-баба - «волосатый дед») - пире-покровителе рыболовства, который пасёт отары рыб в глубинах вод [25, с. 172-173].

Исследователь В.М. Жирмунский, анализируя эпический образ Баба Тукласа Шашлы Азиза, считает его древним шаманом домусульманской эпохи и предком-покровителем (арвахом) рода ногайских князей-мирз - потомков Эдиге [13, с. 229]. В.М. Викторин также утверждает, что Тукли-баба был «сильным шаманом кочевых кыпчаков и покровителем других шаманов» и относит время его жизни к XII-XIII вв. [9, с. 87; 10]. В связи с этим интересно отметить, что, по крайней мере, до конца XX в. казахские шаманки-баксы Джамбульской (совр. Жамбылской) области Казахстана молились святому-эулие Баба-Тукты-Шашты-Азизу как своему предку-покровителю [2, с. 74].

Сочинение Утемиша-хаджи относит время жизни святого ко второй половине XIII - первой трети XIV вв. Казахстанский историк Ж.М. Сабитов называет мусульманского святого Баба Тукти Шашты Азиза (Баба Тукласа) дедом Эдиге из рода Ак Мангыт, жившем в эпоху Узбек-хана [21, с. 22].

Таким образом, Тукли-баба предстает как полуполюгендарный суфийский святой, герой-исламизатор - один из первых проповедников ислама в Золотой Орде, возможно, исламизированный кыпчакский шаман (или шаманский дух-покровитель, «превратившийся» в мусульманского святого). Некоторые исследователи считают, что это был реальный человек другие - собирательный образ. Нам представляется, что у Баба-Тукласа вполне мог быть реальный прототип, несомненно, выдающийся для своей эпохи религиозный деятель, вполне вероятно, исламизатор Орды, образ которого позднее «оброс» легендарными и мифологическими деталями.

Еще В.М. Жирмунский выделил два основных центра почитания Баба Тукласа - Тукли-баба: «район древнего города Кумкента на северном склоне Каратау» в южном Казахстане, где есть священный источник этого святого, и Астраханскую область России, где находится его могила [13, с. 383]. Известен мавзолей-мазар Баба Тукти Шашты Азиза около с. Кумкент в Созакском районе Туркестанской области южного Казахстана. Ранее данный объект представлял собой однокамерный мавзолей фасадной композиции со сферическим куполом. В центре помещения находилось кирпичное надгробие. Сегодня это современное строение из мрамора. Рядом с мавзолеем - горячие целебные источники и озеро, образованное родниками. Один из родников протекает у самого мавзолея. Согласно преданию, вода из него появляется прямо из чрева Баба Тукти Шашты Азиза. С образом Баба Тукти связан корпус казахских легенд, в которых он предстает как помощник главного героя, защитник людей от сверхъестественных сил [14].

Могила святого (ауляя, авлия) Тукли-баба Шашлы-адже расположена на мусульманском кладбище у пос. Мошаик в Ленинском районе

г. Астрахань. Ранее захоронение этого святого располагалось на кладбище в районе современной городской судоверфи. По сведениям информантов, дух святого якобы явился во сне одному из стариков и попросил перенести его прах подальше от гяуров (неверных)¹. Ночью могила Тукли-баба была тайно перенесена на мошаикское кладбище, где была объединена в одном культовом комплексе с могилами-ауля других святых: Шейха Маслетдина Замана ал-Бухари, Абдрахмана Сайхаджи, Яхмарджи, или Ямгурши-ишана и Махмуд-афанди ал-Алмали ад-Дагистани [20].

Известно, что в прошлом (по крайней мере, вплоть до конца 1920-х гг.) в Астраханском крае, на наиболее известных ауля устраивался ежегодный «паломнический праздник» Зийарат, или Зийарат-байрам. Н.М. Маторин описал Зийарат на ауля Тукли-баба и Шейха Маслетдина Замана ал-Бухари на мошаикском кладбище: «Глинобитные (т.е. саманные. - А.С.) гробницы "святых" Тукли-баба и Шейха-Замана расположены вблизи Астрахани (как следует из дальнейшего текста - у пос. Мошаик. - А.С.). Обычно раз в год гробницы посещаются богомольцами, при чём приносятся в жертву куры, бараны. Тут же устраиваются торговые балаганы. Постоянно присутствуют паломники из более отдалённых мест» [17, с. 88].

Со временем, после переноса, почитание захоронения Тукли-баба заметно ослабело. Тем не менее, могила святого сохраняется под своим именем и остается действующим культовым объектом.

Источники и литература

1. Абашин С.А. Занги-ата // Ислам на территории бывшей Российской империи. Т. I / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. - М., 2006. - С. 150-153.
2. Байбосынов К., Мустафина Р. Новые сведения о казахских шаманках // Новое в этнографии (Полевые исследования). - М., 1989. - Вып. 1. - С. 70-79.
3. Башилов В.Н. Аждарха // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. - М., 1991. - С. 24.
4. Башилов В.Н. Албасты // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. - М., 1991. - С. 29.
5. Башкирские шежере / Сост., пер. текстов, введение и коммент. Р.Г. Кузеева. - Уфа, 1960.
6. Башкирское народное творчество. - Т. 1. Эпос. - Уфа, 1987.
7. Башкирское народное творчество. - Т. 10. Исторический эпос. - Уфа, 1999.
8. Валиханов Ч.Ч. Эдигей // Валиханов Ч.Ч. Сочинения / Под ред.

¹ Презрительное название иноверцев у мусульман. Происходит от турецкого гяур, персидского гебр (огнепоклонник) и восходит к арабскому кафир - неверный.

Н.И. Веселовского // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. - СПб., 1904. - Т. XXIX. - С. 265-273.

9. Викторин В. М. Ауля и мужавират (следы доисламских верований у ногайцев окрестностей Астрахани) // Половецкая луна (публицистический и литературно-художественный журнал). - Черкесск, 1993. - № 3 (7). - С. 85-92.

10. Викторин В.М. Тукли-баба Шашлы-адже - святое место астраханских мусульман // Этнографическое обозрение. - 2003. - № 2. - С. 50-61.

11. Героический эпос народов СССР. - М., 1975. - Т. 2.

12. Жандарбек З.З. Йасавийа и этническая история населения Дашт-и Кипчака (по материалам казахских шеджере) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. - М., 2003. - С. 326-335.

13. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. - М., 1974.

14. Зорина О. Почти мираж // Ветер Странствий (<http://veters.kz/pochti-mirazh/>).

15. Идегей: Татарский народный эпос. - Казань, 1990.

16. Казахский эпос / Переводы С. Липкина и др. Под ред. И. Сельвинского. - Алма-Ата, 1958.

17. Маторин Н.М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество - ислам - православие - сектантство. - М., 1929.

18. Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX - XX вв.). - Алма-Ата, 1992.

19. Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. - СПб., 1852.

20. Полевые материала автора.

21. Сабитов Ж.М. Откуда появился этноним Ногай // Уроки истории - Тарих тагылымы. - Астана, 2018. - № 2. - С. 19-26.

22. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений / Сост. В.Г. Тизенгаузен, обраб. А.А. Ромаскевича и С.Л. Волина. - М.-Л., 1941.

23. Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. - Черкесск, 1994.

24. Сказание об Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову / Изд. П.М. Мелиоранский. - СПб., 1905.

25. Снесарев Г.П. Люди и звери (этнографические поиски в области культа животных) // Советская этнография. - 1972. - № 1. - С. 170-178.

26. Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. - М., 1983.

27. Тоган И. Вездесущий святой из степи - торе Баба Тюкляс // Панорама Евразии. Научный, общественно-политический журнал. - Уфа,

2008. - № 1 (1). - С. 43-47.

28. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. - М., 2002.

29. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. - Казань, 2017.

30. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Комментарии и указатели М.Х. Абусейтовой. - Алма-Ата, 1992.

31. Хазов Н.К. Суфийская традиция в Нижнем Поволжье // Мусульманский мир. Научный журнал. - Казань, 2016. - № 4. - С. 6-22.

32. Эдиге: Ногайская эпическая поэма / Под ред. Н.Х. Суюновой. - М., 2016.

33. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. - Pennsylvania, 1994.

КУЛИНАРНЫЕ ТРАДИЦИИ НОГАЙЦЕВ-КАРАГАШЕЙ

Таналиева (Байрамалиева) А.Д.

Ногайцы-карагаши, этническая общность, имеющая расселение в селах Красноярского района, с.Лапас Харабалинского района, с. Растопуловка Приволжского района Астраханской области и в городе Астрахани. Вопросы изучения этнической истории ногайцев-карагашей занимались многие ученые, а вот что касается традиционной кухни и кулинарных традиций, то эти вопросы не были объектами специального исследования.

Из дореволюционных авторов, интересные материалы о традиционной кухне ногайцев-карагашей представлены у П.И.Небольсина, В.А.Мошкова, В.Д.Пятницкого и др. Изучая их материалы, а также используя данные собственных полевых исследований, нам удалось составить представление об этой важной составной части материальной культуры.

Традиционная пища ногайцев-карагашей складывалась из мясомолочного рациона. В период кочевой и полукочевой жизни, в рационе ногайцев преобладала конина. Даже баранина тогда считалась в большей мере праздничной пищей и раздавалась на пиру, согласно сложному ритуалу.

Рыба, овощи и соль в пище ногайцев раньше употреблялись редко. Только в советское время в пищу активно входит рыба, в связи с наличием рыболовецких колхозов.

Среди традиционных блюд карагашей можно выделить баурсак и ка-лакай (жареное на масле тесто); кыздырмыш (обжаренная лепешка с оформленной по краям лепкой); май боьрек или кызыл боьрек (удлиненные пирожки, защипанные мастерски специфическим узором с начинкой из изюма или густого повидла); турамша с алпамой (мелко нарубленные кусочки вареного мяса с ломтиками отварного теста); кувырдак (обжаренные внутренности животных с луком и картошкой); казы, толтырма (разновидности колбас); касык или ак боьрек (пельмени); балык сорпа (уха); «талкан» (кашеобразная пища из проса); различные виды изделий из молока: «ак» (кислое молоко), «псляк» (брынза), творог (сезбе).

В среде карагашей употребляются напитки: ногъай шаьй (ногайский чай), кумыс, шуват, айран, бал буза, сербет сув и др.

Особое внимание в национальной кухне уделялось ногайскому чаю. По свидетельству старожиллов, приготавливали семь разновидностей ногайского чая. На сегодняшний день нам удалось зафиксировать пять видов: «боьртенке», «шама шай», «зынькыйтпа шай», «къара шай», «йолга барсын шай». Лучшим считался «боьртенке шай», сваренный из кирпичного чая (шабар шай) с добавлением сливок и сливочного масла. Шама шай – это чай бедняков, который вновь варили из спитого чая. Кара шай – это черный чай, чай без молока. Беднота заваривала чай листьями растения «куврай», груши (кертпе), жареного ячменя.

Особенно полезен кумыс. Кумыс, по признанию многих медицинских светил, хорошее средство для лечения болезней желудка, а также он благотворно влияет на нервную систему. Но особо отмечают целебные свойства кумыса в лечении и профилактике туберкулеза. Также, в прошлом, из верблюжьего молока делался шуват.

Интересно употребление в прошлом бал бузы, это алкогольный напиток из проса и меда. Была целая традиция распития бал бузы в долгие зимние вечера. Мужчины специально собирались в юртах, пили бал бузу и пели героические песни, восславляя героическое прошлое.

Пищу принимают за тастарханом. Тастархан – это скатерть, постеленная на шерстяной ковер кийз.

В тяжелые времена, когда мясо иногда было роскошью, почетным гостям подавали «салма». Вареное тесто, политое поджаренным на огне сливочным маслом с луком. Вода, в которой варилась «салма» не выливалась, ее называли «блამыкъ» - подавали его потом как бульон.

В военные годы, когда еды было мало, ногайцы употребляли в пищу «тамр» - корни растений. Их сушили на сухой сковороде или в котле, перетирали многократно через «китен» (что-то вроде брезента) до образования однородной белой массы. По очертаниям «тамр» - корни - были похожи на детские тела. По берегам ильменя собирали «бутлашен» - корнеплод, похожий на картошку, правда жестче и на вкус слаще. Его варили в воде.

Большинство блюд карагаша готовили на костре, в золе. Так, например для приготовления калакая, брали две сковороды – тава, закапывали в золу. Особенно хорошо подходила зола после тизеков (сено с коровьим пометом, засушенное в специальной форме).

Также блюда варились в специальных казанах, в наше время его тоже продолжают использовать.

Для длительного сохранения пищи в период, когда вообще отсутствовали холодильники, мясо солили и сушили на солнце, после этого еще долго использовали для приготовления блюд.

Особенно было специфично приготовление творога и молочных изделий. В качестве закваски использовали «лтабар». Желудок коровы или барана высушивали на солнце, солили и добавляли в свежее молоко кусок желудка – «лтабар».

При процеживании творога оставалась сыворотка («сар сув»). Сыворотку кипятили, оставался осадок. Его выжимали в ладонях для удаления лишней жидкости, получались специфичные комки желтого цвета – «кырт». Часто такой «кырт» использовался вместо сахара. Также в «кырт» можно было добавить соль, получалось очень вкусное солоноватое лакомство для детей.

В качестве сладости делали «кайнагъкан сикер» (вареный сахар). Раскаляли сковороду, затем добавляли в строгой последовательности следующие ингредиенты: масло, сахар, молоко. Обязательное условие – медленный огонь и постоянное помешивание.

На сегодня, устойчивыми традициями кочевого характера в среде ногайцев-карагашей, являются половозрастная субординация и почитание старших. Это проявляется и в отношении еды. Так, например за столом первым еду подают представителям старшего поколения. Во время национальных праздников и мероприятий семейного характера, мужчины и женщины садятся отдельно. Во время сватовства особо ценится представитель сватов - "бас кода", ему первому дают право отведать голову коровы или барана, также верхнюю часть головы (бас) дают старшему поколению мужчин, нижнюю часть – женщинам. Особая традиция после принятия пищи – подача бульона (мучного или мясного).

Происходит обмен подарками (киит). Самый ценный "киит" получает отец жениха, даже в том случае, если его нет в числе сватов. Другие сваты получают "киит" по степени родства. Также сваты приносят «чимис». Большой чимис представляет собой мешок со сладостями (конфеты, орехи, печенье). После сватовства невеста угощает им своих подружек и родственников, со словами «чос болсын», т.е. «и вам такого же счастья».

Когда новорожденному давали имя, пекли калакай (жареное на масле тесто) в виде кольца. Сквозь него продевали лоскут первой рубашки новорожденного и повязывали на шею собаки, которая впоследствии должна

была его съесть. Раньше говорили «ит акле китсын» - все плохие разговоры уходили с собакой.

Для почитания умерших родственников каждый четверг, в течение года жарили на масле мучные изделия («ис шыгарад»), тем самым отдавая дань уважения предкам.

В день свадьбы, когда невесту с женихом провожают из дома, обязательно угощают молоком. «Ак чол болсын», т.е. пожелания белой и светлой дороги молодым.

Кухня ногайцев-карагашей – наиболее консервативный элемент традиционной культуры. Изучая ее элементы можно составить представление об этнической специфике данной этнической общности и этнокультурных контактах. В целом хочется отметить, что сегодня, в период общего интереса к национальным традициям, необходимо искать различные формы более яркого представления богатства культур народов нашего многонационального края.

ТРАДИЦИОННАЯ СВАДЬБА ЮРТОВЦЕВ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Шугаипов Р.А.

Свадьба юртовцев Астраханской области – яркое и сложное по драматургии, насыщенное обрядами и церемониями действо, отличающееся уникальной сохранностью. Веками устоявшиеся нормы поведения, сформировавшийся уклад быта, богатый музыкально-поэтический фольклор нашли свое отражение в свадебной культуре.

Свадьбы обычно играли осенью, по завершении основных сельскохозяйственных работ. Эта традиция сохранилась до сих пор. Брачный церемониал юртовцев состоит из нескольких этапов: предсвадебные обряды (сватовство (ярашу, сорау); сговор (суз кую), приглашение на свадьбу (эндэу); свадебные торжества на стороне невесты и жениха кыз ягында (кияусый) и егет ягында, религиозное бракосочетание (никах) и послесвадебный обряд (килен чай).

Сватовство могло проходить в один или в два этапа: (эйттеру) и (сырау). В свахи выбирали женщин, близких родственниц, кроме матери жениха. Согласие невесты скреплялось молитвой и демонстрацией привезенных подарков: украшений (куремнек), подносов со сладостями (булэг) и отрезов ткани (киит) для матери девушки, уложенных в большую шаль и завязанную узлом.

Пришедших гостей угощали чаем со стороны невесты. При этом на один край стола ставили блюдечко с маслом, а на другой – с медом, что символизировало мягкую, как масло, и сладкую, как мед супружескую

жизнь. На сговоре обговаривали сроки свадьбы, последовательность ее проведения и размеры калыма.

Традиционно у юртовцев свадебная церемония состояла из двух частей: женская свадьба «хатыннар туе» и вечер угощения жениха «кияусый».

Кияусый проходит в доме невесты, на которую созываются все родственники, друзья и соседи родителей невесты, а также родственники со стороны жениха. Особенностью данного обряда является то, что девушка после этой свадьбы все еще остается в доме своих родителей.

Хатыннар туе, что в переводе означает «свадьба для женщин» подчеркивает роль женского начала в свадебной культуре. Здесь в дом, где проживает невеста, приходят пожилые женщины, которые приносят подарки и деньги. На стол ставятся разные пироги и сладости и пришедших угощают чаем. Невеста одаривает каждую гостью отрезом на платье, а те в честь молодых рассыпают на невесту мелкие монеты. Со стороны жениха на дневную свадьбу приходят сваты, также пожилые женщины, родственницы жениха и мать жениха. Все вместе они несут с собой (тугыз), то есть каждая родственница кладет подарок невесте, мать жениха, так же, как и на сватовстве, дарит украшения из золота, одежду и обувь невесте. В эти дары входит и свадебный наряд невесты.

Следующим этапом в проведении свадебных обрядов считается сама свадьба.

Перед официальной регистрацией проводят религиозный обряд «никах», на котором мулла, приглашенный родителями невесты, совершает мусульманский обряд венчания. В день религиозного бракосочетания в дом жениха отправляют приданное невесты. Особое внимание уделялось увозу приданого. У дома жениха наряжали лошадей: на гриву повязывали яркие ленты, вешали колокольчики, голени лошадей обматывали белыми лентами. Готовили и украшали повозки, на которые усаживались свахи. Под веселые наигрыши процессия направлялась в дом невесты. В наши дни повозки уступили место машинам, но увоз приданого продолжает оставаться одним из самых веселых моментов свадебного действия. В дверях дома невесты возникают шутки: «узкие двери - не входит мебель!» Ритуал убранства получил название - ой киендеру - «одевание дома».

Свадьба на стороне жениха проходила также в два этапа: женская свадьба (хатыннар туе) с обрядом «открытия лица» (бит кюрем) и вечерняя, парная (парлы).

В назначенный свадебный день жених увозил невесту к себе в дом. В наши дни при проходах невесты сохранилась традиция осыпания молодых монетами, либо просом, рисом, мукой, имеющая аналоги у других групп татар, занимающихся земледелием, как проявление магии плодородия. Современная обрядность сопровождается выкупом, которого требуют односельчане, загораживая проезд жениха к дому невесты.

Женская свадьба начиналась с обряда «вставание на платок». Мать жениха приглашала молодых на постеленный платок, при этом будущая свекровь слегка наступала на ногу невестки, чтобы та во всем подчинялась мужу и свекрови.

Далее проводился обряд «открытие лица», где сестра жениха вместе с невестой обходила всех женщин, подавая каждой из них обе руки. Свекровь в свою очередь зажигала лампу - огонь символизирующий свет, а значит мир в супружеской жизни.

Большое внимание уделялось показу приданного (бирнэ). Его пронесли по шатру, осыпая мелкими монетами.

Последним этапом в проведении свадебного обряда является (килен чай), что в переводе означает «чай от невесты». Невестка поила чаем и угощала присланными из отчего дома мясными беляшами (пэрэмэчэ) новую родню.

Музыка в традиционной свадьбе юртовцев сопровождает все узловые моменты действия. В музыкальный свадебный комплекс входят плачи, причеты, песни, частушки, танцевальные наигрыши. Народные музыканты, сазчелар и кабалчелар (исполнители на саратовской гармонике и ударном инструменте кабале) сопровождали весь свадебный процесс.

Раздел 3. ЧТОБЫ ПОМНИЛИ. ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕЯТЕЛЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ НОГАЙЦЕВ

Знарок языка и культуры ногайцев Поволжья

Викторин В.М., Идрисов Э.Ш., Сызранов А.В.

Заслуженный деятель науки России и Татарстана, доктор филологических наук, автор четырѐхсот с лишним научных работ, неутомимый этнодиалектолог тюркских и финно-угорских народов, опытный топонимист и переводчик, педагог и наставник молодѐжи профессор Леонид Шайсултанович Арсланов родился (третьим ребёнком в большой, прочной семье) и провѐл своё детство в дальней деревне на крайнем востоке Татарии, при её границе с Удмуртии и Башкирией, вблизи разливов р. Белая (Агидель).

Предки местных марийцев (особого, «восточного» субэтноса), храня свою древнюю веру, переезжали с XIV в. в эти глухие места. Переходя на татарский язык как свой родной, сохраняли они, остаточное, бытовавший ещё недавно, в сер. XX в., свой родной диалект. Превосходно ощущая здешнюю, близкую ему традицию, блестяще зная и обобщая в публикациях топонимию этих мест, Л.Ш. Арсланов полностью понимал марийскую речь и, когда требовали его исследования, без труда читал по-марийски.

На долю его поколения выпали нелѐгкие времена. Профессор никогда не рассказывал нам о своём детстве в годы войны. Но именно в тот большой период, талантливый юноша из почти что затерянного поселения, в стороне от больших дорог, получил возможность снискать огромное общественное признание, большие и уважаемые высоты в науке, крупные успехи в обучении и воспитании своих многочисленных студентов и аспирантов, будучи надёжным примером для них буквально во всѐм.

Успев поработать на шахте, Леонид Арсланов завершил с отличием учёбу в Мензелинском педагогическом училище по специальности «Та-

тарский и русский языки» и был учителем в сельской школе, отслужил в рядах Советской Армии (в Закавказье, Нагорном Карабахе). А затем, в 1960 г., окончил Елабужский государственный педагогический институт и стал на долгие годы его ассистентом, доцентом, профессором по кафедре татарского языка и литературы, а с 1987 по 1991 гг. - заведующим данной кафедрой.

С молодых лет определился талант Л.Ш. Арсланова как педагога, любимого целыми поколениями студенчества и помнившего выпускников поимённо, а в науке – как диалектолога тюркских и финно-угорских языков, притом редкостно увлечённого учёного-полевика завидной судьбы, объездившего во время всегда непростых экспедициях обширные пространства Поволжья, Приуралья и Предкавказья, сделавшего очень важные, с перспективой на много лет вперёд, научные открытия.

В Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина защитил он в 1966 г. кандидатскую диссертацию «Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР».

Вскоре опытный 35-летний учёный был приглашён для участия в академической Программе «Диалектологический атлас тюркских языков» с данным ему уникальным поручением – изучить и описать ранее совершенно не изведанные языки и диалекты тюрков Нижнего Поволжья и далее на запад, до Причерноморья.

Так, летом 1968 г., Л.Ш. Арсланов посетил татарское с. Малые Чапурники за южной границей г. Волгограда (здесь поселились в 1787 г. выходцы - татары из сев. Закавказья и чуть позже - мишари из-под г. Пензы), а ровно через год - с. Каменный Яр в Астраханской обл. (возникло тогда же, переселенцы из тетюшско-буинской зоны правобережья совр. Татарстана и Ульяновской обл.).

После чего началась его долгая, на четверть века, работа в Астрахани, в областном государственном архиве (где сразу же нашлись подтверждения языковым фактам миграций), в районах области.

На основе обобщения основных собранных материалов, в июле 1983 г. в г. Алма-Ата, Академии наук Казахской ССР, Л.Ш. Арслановым была защищена докторская диссертация «Формирование и развитие островных языков и диалектов на материале тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР».

Звание профессора он получил через два года после защиты. Также был удостоен почётных званий «Заслуженный деятель науки» – сначала РТ, а затем и РФ, награждён Нагрудным значком «За отличные успехи в работе», Почётными грамотами Республики и её сферы образования.

Леонид Шайсултанович старательно и досконально изучал языки и этнографию сельских татар и ногайцев разных субэтнических групп, ниж-

невожских и ставропольских туркмен, казачьих и др. служилых общностей (вплоть до донских казаков-мусульман и приведённых имп. Петром I, для службы на предгорьях, кумыкоязычных «гребенских» татар казанского происхождения в нынешней Чечне), отчасти волго-уральских казахов-«букеевцев».

Благодаря научной деятельности Л.Ш. Арсланова была создана информационная база, на основе которой проводилась этнокультурная работа по воссозданию этнической идентичности астраханских ногайцев. Выход его книг по языкознанию тюркских групп Нижнего Поволжья способствовал процессам этнического самоопределения среди ногайского населения в период Всесоюзной переписи 1989 года и последующих Всероссийских переписей 2002 и 2010 годов.

Именно Л.Ш. Арслановым, к концу 80-х гг. XX в., были предложены термины «карагашский язык», «язык кундровцев с. Тулугановки», «алабугатский (утаров) язык», «тюркское межъязыковое состояние юртовцев». Так они прозвучали в его публикациях, учтены в мировой тюркологии и используются в рекомендательных списках РАН ко Всероссийским переписям населения. Хотя, согласно итогам переписи 1989 г. и далее, Л.Ш. Арсланов предпочёл считать (что, наверное, ещё более научно - точно) основные из перечисленных «диалектами ногайского языка в Нижнем Поволжье».

В жизни и трудах каждого из нас, Леонид Шайсултанович сыграл определённую, притом очень большую и поистине незабываемую роль. Поэтому понесли все мы неисчислимую, неопределимую утрату, потеряв старшего товарища, возможность его помощи, всегда тонких и добрых советов. Но остались его наследие и поручения, данные им для нас на будущее. Эту работу продолжают, вне всяких сомнений, и дальнейшие поколения исследователей.

Выражаем свои искренние соболезнования родным и близким выдающегося и редкостного профессионала, учёного и педагога советской и российской школы, доброго, порядочного и увлечённого своим делом человека! И будем всегда и неизменно помнить его, продолжать далее нашу совместную творческую деятельность.

О Равиле Джуманове

Джальмуханбетова Т.Х.

Пара Джумановых Утемухамед и Гульжамал (Екшембиева, кугыс) была и красива, и дружна, и состоятельна. Он, высокий, очень грамотный и видный, и она, тоненькая, миниатюрная, звонкая, голосистая. Одно омрачало их счастье - у них не было детей. В те времена действовал обычай отдавать в бездетные семьи родственников своих детей. Кстати, обычай этот существовал долго и у нас, есть семьи, воспитывающие детей родственников.

Так брат Утемухамбета отдал старшую дочь Газизу в бездетную семью брата.

Осиротевшие Равиль с сестрой Майрой были детьми родственников Гульжамал. Младшего, Равиля, отдали в семью Утемухамеда.

Гульжамал была прекрасной матерью. Всю свою любящую душу отдала детям. Как всегда, младшему доставалась большая любовь. До самых последних дней она называла его Равильтай и никак иначе, никогда не говорила плохо о детях, ее ранило, если о ней говорили приемная мать.

Она была удивительной рассказчицей, знала много старинных ногайских песен, историй, пословиц и поговорок. Именно от неё дети и полюбили историю ногайцев. Все песни, которые записал Равиль (это наши «Яр- яр... от матери) легли в основу фольклорного ансамбля «Дослык», все обряды ими инсценированные, первые эскизы одежды - всё от Равиля.

Семья Джумановых поддерживала тягу детей к знаниям. И дочь, и сын получили высшее образование. В те времена еще не все ногайцы общались к высшей школе. Газиза апай, так звали на селе старшую дочь, учитывая преподавание в школе татарского языка, стала директором школы, преподавала историю и изучала ногайскую историю, много писала, к сожалению, родственники не сохранили ее записи. Она очень много рабо-

тала над собой, но семьи у нее не было. Впоследствии, она стала зав. кафедрой Марсизма – Ленинизма в Астраханском пединституте.

Когда мы переехали в Сеитовку, в 1968 году, мама Равиля часто приходила к нам, она дружила с нашей мамой. Я только закончила школу и поэтому с Равилем не была еще знакома. В это время, закончив институт, он преподавал историю в Татаро – Башмаковской школе Приволжского района. Там он и прожил всю свою жизнь. Равиль не сделал карьеру на педагогическом поприще, он, как навозный жук, тащил свой удел, ни на что не обращая внимание. Так он жил идеей возрождения самосознания своего народа. Он очень страдал, что юртовские татары, как их называли, не воспринимали его идей. Они называли, в отличии от нас, себя татарами. Татары (или болгары, они осознают это) есть у нас в Астрахани, даже родственники есть у меня. Но весь их внешний облик отличается от нашего. Они скорее европейской расы. А юртовские, с черными загорелыми лицами и раскосыми глазами, какие они татары? Да, в те времена можно сказать, Равиль был одиозной личностью. Непонятый и не признанный. Правильно сказано, нет пророка в собственном отечестве!

В этом году проснулось самосознание и юртовских. Директор Татаро – Башмаковской школы возглавил движение в рамках общества «Ногай Юрт» и понесло их. А я говорю, Равиль, душа твоя плачет и радуется! Рухе шат болсын! Хотя бы после смерти его дело движется. О движении юртовских можно много прочесть в Интернете. Мне кажется, может я не права, находясь вблизи города, где действительно много татар, и изучая в школе татарский язык, они ломали свой. У наших карагашей не получилось сломать язык, пели по татарски, говорили по ногайски. У наших карагашей больше тяги к знаниям, не было коммерсантов, работали в колхозе, а у юртовских большая тяга к коммерции, видимо связанная с близостью городского рынка, с большими запросами сельскохозяйственных продуктов, они развивали личное хозяйство, торговали на Астраханских рынках. А наши дети работали летом в колхозе, затем колхоз покупал им путевки в разные регионы Союза, таким образом, и мы и наши дети, путешествовали. У нас большое количество людей с высшим образованием, выпускники наши работают во всех регионах и на нашем промышленном комплексе много, именно специалистов (Вы, наверное, думаете, опять она своих!!! Ничего не могу с собой поделывать, есть такой грех!).

Но жизнь ставит свои акценты, как я могу рассуждать о жизни народа, не зная условий их существования на данном этапе. В войну десятки карагашей бежали от голода, Хожетай, Падчалык – исконные ногайские аулы. Люди селились вокруг города, как и юртовские с незапамятных времен. Тогда-то и образовались села наших родственников: Кири – Кили, мы называем Кърк иле (40 домов) и п. Свободный (Кутур аул). Видимо, другой работы и не было, они тоже занимались развитием личного хозяйства, в Советское время, потребность во внутреннем рынке была велика.

А Равиль был дервишем в прямом смысле этого слова, учитель бессребренник, он обошел все исконно ногайские аулы, собирая песни, диалекты. Вытаскивая из сундуков старую национальную одежду, утварь. Все, что мог. Иногда действительно шел пешком.

Люди этого не осознавали. Приезжая в село, он думал, в какой дом пойду, ведь нет гостиниц, да и денег нет на гостиницу, а в селе не каждый рад гостю. Когда приезжал в Сеитовку, сразу заявлял, Тахира, иду к тебе. Его мамы уже не было. Мой муж тоже был историк, поэтому у них всегда был общий разговор.

Почему я пишу об этом? Потому что хочу рассказать, как было тяжело одиночке тянуть свою ношу, свою веру. Спящий народ не сопереживает горящему сердцу. Когда сейчас вспоминают на Джанибековских чтениях или других мероприятиях, говоря, что вот начинал ногайское движение и мы, благополучно продолжаем, я вспоминаю его боль.

Свои статьи он подписывал, историк – этнограф.

Человек, собравший по крупицам все обычаи, конечно, слава Всевышнему, обычаи не все у нас забыты, собравший весь материал, которым пользуются нынешние девочки, выступая на различных мероприятиях и называющих себя при этом историками - этнографами.

Я не пишу о том, какое он оставил теперешнему обществу «Бирлик» наследие, я пишу о человеке...

Кстати, сына он назвал Рамай, это от перестановки слогов в имени единоутробной сестры Майры, май ра, ра май. Ведь это тоже говорит о чувствах, которые он пронес через всю жизнь. Дочь Саня.

Понимаете, в то время, человек, занимающийся делом, не приносящим материальный доход, когда жители Татаро – Башмаковки занимались сельскохозяйственным бизнесом и жившие в большом достатке, по тогдашним нашим меркам (они просто были богаты материально, не хочу умалять их изнуряющий труд), в этой обстановке Равиль был человеком не популярным и глупым.

Да, одиночество было его спутником. Сейчас я это понимаю. Но он никогда не показывал своих чувств, всегда тактичный и улыбчивый, он все терпел, лишь бы люди что-то, самую малость, делали для ногайского движения.

В наше время ногайская тема стала популярной, встала целая кагорта собственных ученых и наш голос будет звучать увереннее.

Если раньше общение было ограничено, то теперь, благодаря сети, мы стали слышать голос наших видных ученых, и наш молодой ученый более уверен в себе, высказывает собственное мнение, потому что за ним стена, хочется сказать Степь!

Итак, я заканчиваю немного печальную, но и оптимистическую историю о Равиле. Путь его продолжается. Думаю, еще не раз наша молодежь вспомнит о нем. Как-то, смеясь, он сказал - я отец народа. Я думаю,

пророчески. Отец астраханских карагашногайцев, а может и более, ведь пошла волна пробуждения.

Джанибековские чтения

Ильясов З.Х.

С 5-7 марта 1993 г. в Астраханской области прошли Джанибековские чтения. Инициатива и практическое выполнение задуманного осуществили областное общество ногойской культуры "Бирлик" совместно с областным департаментом образования и областным научно-методическим центром (ОМНЦ).

Председатель общества "Бирлик" Джуманов Р. У. начал подготовку к чтениям в феврале, были разосланы письма с приглашениями в Дагестан, в Карачаево-Черкесию; приглашались лично кандидаты наук Сикалиев А. И., Калмыкова С. А., преподаватели вузов и школ, изучавшие наследие Джанибекова.

Абдулхамид Шаршимбеевич Джанибеков (1878-1956 г.г.) родился в селе Тиек Астраханского уезда, карагаш-ногаец. В 1901-1917 годы работал учителем в Хожетае, Ясын-Сокане, открывал ногойские школы в Красноярском уезде. В 1918-1956 гг. жил и работал в Дагестане, Карачаево-Черкесии.

Как сказал председатель Всероссийского общества ногойской культуры «Бирлик» Б. Кельдасов: "Благодаря Джанибекову А. Ш. сохранился ногойский язык, это он научно обосновал отличие ногойского от других языков. Это он научно обосновал отстоять его, когда ногойский язык хотели приравнять к кумыкскому языку».

Речь идет о выборе Первого Всесоюзного тюркологического съезда 1926 г. в Баку. На это время приходится тот печальный факт, когда язык астраханских ногойцев, ввиду схожести, приравнен к татарскому языку, а их самих записали татарами. И в ногойских аулах стали преподавать татарский язык до 1961 года. Далее и это отменили, оставив учителей татарского языка без работы, поэтому одни переквалифицировались на другие предметы, другие, как это произошло в с. Лапас Харабалинского района, выехали к себе на родину в Татарстан.

Сколько пришлось сделать Абдулхамиту Шаршимбеевичу. Об его оперативности и работоспособности можно судить по тому, что уже 1928 году основан ногойский алфавит и литературный язык на латинской осно-

ве, в 1929 году издается 1-ый учебник и учебное пособие для ликбеза - ликвидация неграмотности.

Своим ученикам - последователям М. Курманалиеву, К. Кайбалиеву внушает: "Знания, не отданные народу - бесполезные знания".

В 1937 году, с переходом народов Дагестана и Средней Азии на русскую графическую основу, Джанибеков А.Ш. уже создает ногайский алфавит на кириллице.

С чего же началась научная просветительная деятельность Абдулхамида Шаршимбеевича, что предшествовало тому, что его фамилия стала известной всему ногайскому народу, когда она взметнулась, став космической, стала известна всей стране, всему миру? (Космонавт Владимир Джанибеков - муж внучки просветителя).

Постановлением Сырнаульского училищного Совета от 05.06.1907 г. Джанибекова А.Ш. удостоили звания учитель-мугалим татарского начального училища и была приложена печать Ишбобинского "медресе".

Весна 1993 года. Где-то перекрывают границы, рвутся снаряды, рушатся от взрывов города, автоматная очередь обрывает человеческие жизни, а в Астрахани, в департаменте Советского района г. Астрахани, друг за другом подходят к микрофону С.А. Калмыкова, Б. Карданова, Т. Джанибекова, Н. Абдулхамитова, Р. Тельмамбетова.

Идет научная работа по исследованию творческого наследия просветителя и продолжения его дела в наше время.

Председатель общества "Бирлик" Джуманов Р.У. обращается к выступающим, чтобы обзором научно-просветительной деятельности Джанибекова не заслонили человеческие качества просветителя.

От теплоты ли встречи, или от доброй обстановки, С.А. Калмыкова обращается в зал и вспоминает. В Карачаево-Черкесии, в сельском клубе, идет постановка ногайского лирического эпоса Карайдар ман Кызыль-гуль. Карайдар исполняет отец, Кызыль-Гуль исполняет мама, Ян-Бийкеш - сестренка.

Джанибеков А. Ш. с детства своим детям прививал любовь к народным песням, танцам; его с детьми объединяло не только генетическое начало, но и духовное родство; его сыновья и дочери стали ему достойной заменой.

Во время оккупации немцами Дагестана, загрузив многодетную семью на арбу, Абдулхамит Шаршимбеевич, через пески и барханы, ушел в дальнее селение, где не могли добраться немецкие мотоциклисты. На но-

вом месте помогла ногойская взаимовыручка и уважение к А.Ш. Джанибекову. Арба, выделенная старейшиной аула, пошла по улице села, кто давал ведро картошки, кто ведро пшеницы.

Мы видим, что на многих заседаниях отключают электроэнергию или выталкивают с трибуны разъяренного депутата, но в департаменте Советского района царил доброжелательная обстановка. На трибуну по очереди подходили гости, учительница ногойского языка и поэтесса с аула Нариманово, Дагестана Майлыбаева Салимат, а также Абдулхамитова Назира, Кокшева Арузат- все они выступали на родном языке.

Рассказ о педагогической деятельности, о той доле сельской учительницы, когда только любовь к своему делу, забота о будущем народа движет ими.

Салимет

Эдиге аула дочь

Открытый лоб, вразлет брови

Прямой утонченный нос, Белоснежные жемчужные зубы

Княжны овал лица,

Не оставил равнодушным никого

Из зала раздается "Стихи"

(Пожелали ее услышать)

Ровный, приятный голос

Плывя по залу, заполняет ее

Спокойствием и блаженством

По мере чтения Лицо ее преображается

Озаряется оно

Лучистым внутренним светом.

Частица сердца Кадрии

В тебя, попав, зажглась.

Окончится встреча

Расстанемся мы

Вдали в Дагестане ты будешь

Коль ненастье наступит,

Щитом, прикрыв, отведу.

Коль в радости будешь

На берегах Идея, возликуя

Увеличу я радость твою.

В заключении был дан концерт учителями и школьниками 27-й школы г. Астрахани.

Ведущий концерта, заместитель прокурора Трусовского района Р.Х. Галлиев и музыкальное сопровождение учитель музыки Малыгиной Т.

Надеемся, что с малого школьного коллектива, оно перерастет в ансамбль "Сююмбийке" и Сеитовскому ансамблю "Дослык", к художественным коллективам: с. Джанай, Ясын-Сокан, Куянлы, Айсапай нашей области присоединится еще ансамбль "Суюмбике". В добрый путь!

Р.У. Джуманов в своем стиле "хорошего кузница" пока ансамбль на сцене, сразу ставить перед представителями областного отдела культуры вопрос о костюмах ансамбля и получает согласие.

На второй день гостей принимал Ясын-Соканская школа им. Джанибекова. Со словами приветствия к гостям обратилась заведующая Красноярским районо Васильченко А.В., затем она передала слово директору школы Р. Бикановой.

После официальной части, под саратовскую гармошку, неслись в лихой пляске и гости, и хозяева, трудно было отличить от ногайского-карагашского танца танец областных методистов ногайского и казахского языков С. Ижбердиевой и К. Илясовой.

Гости из Черкесии передали школе фотографии Джанибекова А.Ш., копии свидетельство об окончании медресе, Красноярского училища и его трудовую книжку.

На областной конференции было принято решение об издании 4-х томника просветителя "Соз казнасы" (Сокровище слов), куда вошли памятники ногайского эпоса, песенный фольклор, сказки и афористическое творчество – результат тридцатилетней работы Джанибекова А.Ш. среди всех групп ногайцев России.

Рукопись "Соз казнасы" в латинской графике хранится в Махачкале, в музее, принято решение при содействии трех департаментов Астраханской области, Дагестана, Карачаево-Черкесии об издательстве и передаче рукописи родине ученого в Астраханский музей.

В Ясын-Соканскую школу, на встречу пришла одна из первых учителей села, позднее директор школы Р.И. Бурамбаева.

Под впечатлением встречи она сказала: "Впервые книгу на ногайском языке я видела в 1953 году в Астрахани у родственников Джанибековых.

Сейчас Ваши выступления, дорогие коллеги, карындаслар-сестренки - это литературный ногайский язык, идентичный с нашим астраханским диалектом при незначительном фонетическом отличии".

*Вот и прошли
Джанибековские будни
И видится мне,
То не дни его были.
А он сам вернулся к нам
После долгой разлуки.
Седоглавый старец
учитель, Поправляя очки
усмехался
Одобрял, улыбаясь
И на добрые корил дела
благословил.*

СОРОК ПЕРВЫЙ БАТЫР

Ильясов З.Х.

Значимое познается на расстоянии. Астраханцы хорошо знакомы с Сраждином Батыровым. Путь этнографа собирателя старинных народных песен и сказаний привел его в Сеитовку. Мы встретились случайно в доме матери Равиля Джуманова. Стояло лето 1985 года. Он был в национальной рубашке — куйлек (потом узнал, что она была его собственного кроя и шитья), через плечо брошена ляжка темно-синей сумки — дорбашек. Улыбающиеся умные глаза, ничего не требующие для себя, смотрели на меня. Прощупали друг друга по всем вопросам отечественной истории. Он быстро расположил к себе. Мне показалось, что я его где-то видел и давно-давно знаю. (Так бывает, когда встречаешь родственную душу). На мой вопрос: где же, он ответил: «Я недавно выступал на астраханском телевидении. Тут я вспомнил отрывок передачи. На экране войлок — киез ногайцев и пояснения Сраждина: «Этот узор — туяк «копыто коня». Это — ук «натянутый лук». а это сунге «копье» — вода карандашом по войлоку, показывал он.

Обменялись адресами. Он первая тропа, соединившая астраханских ногайцев с дагестанскими и кубанскими. 22 апреля 1990 года, в день образования Астраханского областного культурного общества ногайцев, Сраждин — почетный гость. Нет, не в гостях он был, а плодотворно работал в секции преподавания и просвещения.

Через год мы встретились на мероприятии в честь просветителя А-Х Ш. Джанибекова, после торжественного открытия дней культуры в департаменте Советского района г. Астрахани. Это произошло после научных выступлений по поводу открытия мемориальной доски на доме у набережной Приволжского затона, в котором жил Джанибеков. На второй день, по замыслу представителя областного ногойского общества «Бирлик» Равиля Джуманова, Сраджин Батыров, Асият Курманов, народная актриса Республики Дагестан выехали в с. Тулугановка Володарского района. Делегацию же ногойцев из Кубани разделили, одна часть, во главе с поэтом Суюн Капаевым, была в селе Лапас Харабалинского района, вторая, с дочерью Джанибекова, Софьей Абдул-Хамитовной - в Ленинском районе в школе № 27 мкр. Бабаевского, третья, с редактором «Ногай давысы» («Голос ногойцев.») М. Биюковым, в селе Сеитовка Красноярского района.

Сраждина можно было направить по любому заданию и на любой уровень. Он свободно выступал по вопросам истории и этнографии, литературы и поэзии, хореографии и народных инструментов. А как он – поистине в совершенстве – владел родным ногойским языком! Его многогранный талант проявлялся и здесь. Сраджин рассказывал: «Будучи в турпоездке в Индии, я быстро сориентировался в индийском языке. Многие индийские слова схожи с нашими ногойскими, поэтому мне больше всех из состава группы туристов индийцы дарили сувениры, хотя в числе группы были владеющие английским». В этом весь Сраждин. В письме ко мне он написал так: «Я всегда прихожу в умиление и удивление, когда вы (астраханские ногойцы) говорите на удивительно красивом, сочном ногойском языке».

В скоротечных встречах ансамбля «Айланай» Ногойского района Дагестана, ведущий Сраджин захватывал всех – колоритом ногойского языка, детской добротой, высоким ростом, белокурой шевелюрой, заражал открытостью, своими знаниями.

Костюмы ансамблей «Айланай» и «Юлдузлар», руководителем которого он являлся, сшиты по его рисункам. В Астраханском государственном музее-заповеднике есть рисунок женских костюмов юртовских (карайле) и карагашских ногойцев. Не знаю, когда только он успел досконально ИЗУЧИТЬ и нарисовать эти костюмы.

Большую работу он провел как хореограф, ведь все танцы ансамбля поставлены им. Приезжал он и в наши края, в результате программа танцевального коллектива дополнилась песнями, танцами карагашских ногойцев.

О его безвременной кончине мы узнали из республиканской газеты «Ногай давысы», печатающейся в г. Черкесске, а для некролога в районной газете Красного Яра я не нашел ни одной его фотографии. Спасибо фотографу Владимиру Чалову, он переснял портрет Сраждина для

моей статьи в газете «Ногай-давысы». Поиски его фотографии привели меня в Астраханскую телестудию, к ведущей программы «Тулпар» Софье Нуруллаевой. Она дала любительское фото, где Сраждин на фоне своих картин. С творчеством Батырова как художника, члена Союза художников СССР, знакомлюсь по этой фотографии.

Остановлюсь на двух картинах. На одной из них изображена женщина за дастарханом. Отогнутые пальцы правой руки изящно держат пиалу, ладони левой повернуты вверх и находятся в неуловимой взаимосвязи с правой, открытое лицо, брови – взмах крыльев птицы, естественная улыбка, все это говорит о душе, не знающей порока и изъяна. Ногай чай нельзя представить без кыздырмыш (лепешки) и мая (масла) - они лежат перед ней на скатерти. Белый платок на голове завязан узлом на затылке. За ней, на стене семейная фотография, на которой она изображена с мужем и детьми, в молодости. Окно с простыми занавесками, но такими белоснежными. Картина повествует об уюте, о гостеприимстве дома.

Вторая картина потрясла меня, вызвала неожиданные ассоциации. На ней изображена лишь ворона, которую ногайцы считают умнейшей птицей. Икон ава (бабушка) говорила: «Если ала-карга села на крышу нашего дома и кричала – это к гостям». Так и запало с детства: ворона - предвестник встречи с родными.

У Сраждина на картине – сбитая в полете одинокая ворона. Она распласталась на осеннем лугу, у нее уже чуть примерзли перья, правое крыло расправлено и вытянуто в сторону, а левым крылом, будто рукой, она прижала раненую грудь. Не само ли провидение водило рукой художника при работе над этой картиной? Не так ли в Махачкале, вдали от родины, родных и друзей, лежал ты, мой друг, прижав руку к ноющему сердцу в груди, запрокинув белокурую голову?

В песне, посвященной Ашиму Сикалиеву, у него есть строки:

Сербет сувди салар эдим,

Эдил узак - Яйык йок.

Ял янынъда саклар эдим.

Кырк батырым кырылган,

Воды щербет налил бы.

Да . Идиль — Волга вдали, Яйык- Урала нет.

В сражении прикрою,

Да пали сорок батыров моих.

В возрождении национальной культуры и самосознания, в безудержной скачке теряем мы лучших друзей. Сорок первым батыром ногайцев стал для нас Сраждин. Теснее сомкнули ряды его друзья – единомышленники: Б. Кельдасов. председатель всесоюзного (всероссийского) общества ногайцев, композиторы З. Зинеев, поэты С. Капаев, Б. Кулунчакова, ученые Р. Керейтов, С. Айбазова. песенники-певцы А. Кумротова, Ф.Галиев, А.Романов.

А как же наша первая встреча у Джумановой Гульджамал? В задушевной беседе с Сраждином она вспомнила свое далекое беззаботное детство, когда девочкой внимала рассказам и песням своего деда. Вдруг из запасников своей памяти она извлекла строки. Сраждин уверенным отточенным особыми движениями вытащил блокнот и записал (лицо его было одухотворенно):

Казах алган кырымды.

Калмык алган суывды.

Кенетек тоскен Кыенлык.

Кутерпейде билемде

У калмыка реки мои.

У казака степи мои.

Беспричинная тяжесть беда

Не дает расправить плечи мне.

Если бы не Сраждин, то эти строки могли кануть в неизвестность, уйти от нас вместе с бабушкой Гульджамал.

У истоков "Бирлик"

Тельманбетова Р.У.

Течет река времени. Минуло более 30 лет с того незабываемого дня, когда на астраханской земле родилось ногайское национально - культурное общество "Бирлик" ("Единство"), которое со временем стало на твердые ноги и расправило крылья к большому полёту. Весомый вклад в начальное развитие этнокультурного движения карагашногаев внесли, наряду с лидером Джумановым Р.У. и другие, не менее известные и уважаемые сыны и дочери нашего народа. Один из них – интересная личность, патриот, человек с красивой душой и открытым сердцем, член общества "Бирлик", юрист, зампрокурора Трусовского района г. Астрахани Галиев Рива Хамзаевич из рода туермалы (01.01.42 г.- 13.03.97 г.)

Родился мой земляк в с. Сеитовка в большой дружной семье. Его родители, Хамза Галиевич и Гайша Мураталиевна, вырастили и воспитали своих детей, а их было 8, в духе любви и уважения к ближним и старшим, к труду и взаимовыручке, к своей малой родине, в лучших традициях ногайской семьи. Каждый из них, получив образование, определил свой жизненный путь, заняв достойное место в жизни. На сегодняшний день династия Галиевых насчитывает 21 внука и 28 правнуков.

Учился Рива Хамзаевич в Сеитовской средней школе, совмещая учебу с активным образом жизни. Отличник, хороший спортсмен, неизмен-

ный участник художественной самодеятельности, душа коллектива, первый помощник родителей по хозяйству, староста класса, капитан школьной и районной сборной футбольной команды. Окончив школу, стал студентом Бугульминского нефтехимического училища в Татарстане, которое закончил с отличием. А далее служба в группе Советских войск в Германии.

Мечта получить высшее юридическое образование привела Галиева Р. Х. в Саратовскую государственную академию права, которую закончил с красным дипломом. По направлению работал в Элисте, но его тянуло в родные края. Перевелся в Астрахань, обзавелся семьей, вместе с женой Франгизой Бигалиевной вырастил и воспитал троих детей. Занимал разные должности, последнее место работы - заместитель прокурора Трусовского района г. Астрахани в звании младшего советника юстиции.

Как истинный сын своего народа, Рива Хамзаевич всегда тянулся к своим истокам. На базе школы №27 в микрорайоне Бабаевского он организовал ансамбль "Суюмбийке", а впоследствии стал сам и солистом группы. Если на праздниках и вечерах с друзьями и родными не пелись ногайские песни, он расстраивался. Невзирая на возраст, научился играть на домбре, искал и выдвигал таланты среди соотечественников, увлекался родной поэзией, зачитывался книгами Суюна Капаева, которого называл патриархом ногайской поэзии. В его доме кунаками в разное время были Сраждин Батыров, Суюн Капаев, Рамазан Керейтов, Леонид Арсланов и другие.

Повезло ему и с супругой, которая не только приняла увлечение мужа культурой, историей и фольклором ногайцев, но и стала его соратником, единомышленником. Соплеменники неспроста тянулись к нему, встречали понимание и достойный приём у него дома. Рива Хамзаевич был всегда обходителен и сдержан с аксакалами, с друзьями - общителен и весел. Его просили оставить прокуратуру и полностью переключиться на работу в обществе "Бирлик", на что он отвечал: "Вот скоро выйду на пенсию и тогда"...

Как юрист, на конференции "Бирлик" в ноябре 1990 г., он выступил с инициативой: "Мы, юристы-ногайцы, будем вести работу по восстановлению в паспорте и других документах подлинной национальной принадлежности".

В краеведческом музее Астрахани, после конференции "О Тюркских народах Поволжья", Рива Хамзаевич с болью в сердце говорил ученым-докладчикам: "Всё забрали у ногайского народа - землю, государственность, язык, культуру. Оставьте хоть историю, не трогайте историю". Из письма Рива Галиева :

Все отняли у Ногайского народа...

Не трогайте историю ногайскую,
теперь добрались и до танцев.

Кырды алды,
Суйде алды,
Энде алмага ни калды.
Жырды алды,
Биюде алды,
Энде алмага ни калды."

В письме сожаление о том, что ногайцы самовольно стали татарами и руссифицируются, забывают про свой язык, традиции. О том, что Сеитовка достойна стать столицей ногайцев Астраханской области. Рива Хамзаевич пишет о своём сожалении и скорби по этому поводу.

У него был огромный авторитет среди ногайцев разных регионов, а сколько он мог бы сделать полезных дел на благо своего народа. Увы... В 55 лет завершился земной путь моего земляка.. Его нет с нами, но человек живет- пока его помнят, а пока живет память- не будет забвения.

Жизнь продолжается. Дело своего отца продолжает старший сын, полковник Рамай Галиев. Окончив Рязанскую Академию УВД, он занимает должность первого заместителя начальника УФСИН России по Астраханской области, дочь Марьям – медсестра, младший сын Марат- инженер- монтажник. Подрастают 3 внука.

Память о Риве Хамзаевиче обязывает нас продолжить начатое дело.

С искренним уважением к светлой памяти моего земляка Рашида Тельмамбетова. Выражаю благодарность за помощь в сборе материала брату подполковника Галиеву Шамилю Хамзаевичу и племяннику Бигалиеву Альберту Равильевичу.

Роза Баубекова

Тельманбетова Р.У.

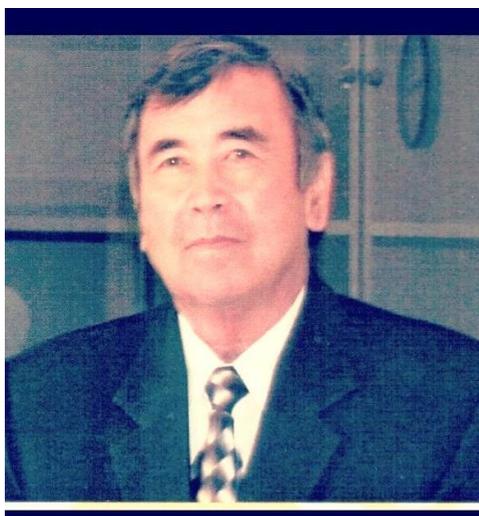
Роза Кожевникова (Баубекова) родилась на станции Дельта в Красноярском районе Астраханской области 19 декабря 1950 года. После окончания школы принимала участие в строительстве Нижнекамска, затем училась на отделении журналистики Казанского университета и в Литературном институте им. Горького в Москве. Работала в Казани на телевидении, затем – в литературном журнале «Идель», где занималась переводом татарской прозы и поэзии на русский язык. Издала несколько сборников стихов. В творчестве Розы Кожевниковой есть много стихотворений о родном для нее Астраханском крае.

Вот такое посвящение своим землякам ногайцам-карагашам когда-то написала она:

Среди своих — почти чужая,
среди чужих, конечно, — не своя,
Как дерево, чей шелест в мае,
увы, непостижим родным корням.
Мой род тем временем всё тает.
Кто вспомнит байгунды и серкеле,
Когда детей от речи отлучают,
а стариков всё меньше на селе?..
Из отлучённых я, но помню
над колыбелью материнский свет, —
С печалью изучаю свои корни,
опомнившись вдруг на излёте лет.
Но сын — балдыр. Среди кого чужой он,
среди кого он — свой, мне не понять,
Когда слияньем душ родных рождён он,
как высшая на свете благодать.

Галимжан Нургалиевич

Тельманбетова Р.У.

Славному сыну ногайского народа Астраханской области Нугманову Галимжану Нургалиевичу 17 ноября 2020 г. исполнилось бы 75 лет. (Дата рождения 17.11.1945, проживал в с.Малый Арал (ног.Кишкой Арал)).

Галимжан Нургалиевич был настоящим Патриотом своего Ногайского народа– он не скрывал своей национальности и не менял ее на другую ради выгоды или моды. Ведь большую часть жизни мой земляк занимал руководящие посты в казахском селе БАЙБЕК, где пользовался огромным авторитетом среди населения.

Именно он стал основателем и первым председателем Красноярской местной общественной организации по сохранению и развитию ногайской культуры и языка «Единение». Кроме того, Галимжан Нугманов старался участвовать и помогать в проведении ногайских мероприятий. Он принял активное участие в съёмках д/ф "КАМБАК" Ислама Сатырова.

Был примерным семьянином, очень любил своих детей и внуков, но увы, безвременно ушел от нас... Помнят его благодарные односельчане, помнит его родной ногайский народ- карагашногайлар, для которого его путь служит примером! Интеллигентный, тактичный, с добрыми намерениями Галимжан Нургалиевич именно таким запомнится и останется в нашей памяти.

Оставил след на земле

Тельманбетова Р.У.

Шамуков Абдулла Ережилович - носитель карагашского языка из рода эргенекле родился в 1911 г. в ногайском с. Лапас Астраханской области, в многодетной семье бедного крестьянина. С детства познал тяжёлый труд (работал по найму у кулаков), рано лишился родителей. Но сильный духом парень, отслужив в Красной Армии, вернулся в родной Лапас и с головой ушёл в колхозную жизнь, став одним из активистов создания колхоза "Ялкын"("Пламя"). Перспективный молодой Абдулла Ережилович вскоре сам возглавил хозяйство в родном селе. Жизнь постепенно налаживается, впереди большие планы на будущее, но всё прерывает война.

Вместе со всеми он встаёт на защиту своей Родины. Сержант стрелковой дивизии Шамуков А. Е. в составе 333 стрелковой дивизии прошёл большой путь с боями от Красного Лимана до Харькова. В 1944 г., выписавшись из госпиталя после очередного ранения, он приступил к работе на оборонном заводе в Пензе. Вернулся в родное село лишь в 1946 г.

Снова работа в колхозе на разных должностях. А. Е. Шамуков совмещал работу с творчеством - являлся внештатным корреспондентом газеты "Ленинский путь". Он и сам не знал, что толкнуло его к этому, но уверен в том, что пришло время всё осмыслить. Ведь прожита большая жизнь. Перед глазами встают мрачные картины голодного детства, беспокойная юность, грозные годы войны. Всё это выстрадано им, его семьёй и народом, поэтому об этом нужно писать. Сначала это были небольшие заметки в районную газету. Постепенно его мысли складываются в строчки о комсомоле, о колхозе, о войне, о брате Кубайдулле, который не вернулся с войны. Так, постепенно он стал автором ногайского фольклора, его сочинения стали использовать как жыр односельчане на свадьбах, вечеринках.

Годы идут, постепенно слабеет здоровье. В 1991 г. Абдулла атай умер, не дожив до своего 80-летия 20 дней.

Но жизнь прожита не зря. Его песни до сих пор звучат не только в родном Лапасе, но и далеко за его пределами. В 1973 г. песни Шамукова А. Е. записал Л. Ш. Арсланов (Елабужский пединститут) и включил их в сборник "Язык карагашей- ногайцев Астраханской области".

А ещё песни его исполняют дети, внуки, их друзья. У него 7 детей, 19 внуков, 37 правнуков, 7 праправнуков. Ведь главное в жизни, на мой взгляд, оставить след на земле.

Его помнят, его любят.

НАСЫЙХАТ

Картлы-джаслы азамат
Нешевге келди джасынъыз?
Картларымыз арада
Не коьрмеди басымыз?
Сездирмей дуныя оьтеди
Оны да эске алынъыз
Ойын- куьлки завьк пан
Олтырайык баьримиз
Ден- савлыкта сол керек
Кобньил ашып калынъыз
Шарвашылык керек зат
Тувра йол ман барынъыз
Айтылса ногай тарыйхы
Ога да кулак салынъыз
Ногайшылык аьдет пен
Келеватырмыз баьримиз
Той- джыйында, джамагат
Оьткенди эске алайык
Авыл, аймак, аданас
Аьрине татым болайык!
Кобмекшилик шарвасын
Заманында орнайык
Шарвада болар берекет
Кобп эриншек болмайык
Муьлк- дуныя, мал- шарва
Азлап джыя барайык
Кобп сумлыктан пайда йок
Берекетин карайык
Азгантай колда барына
Сабыр эте турайык
Джеткермеди кувган ман
Ахырысын ойлайык!

Абдулла Шамуков (Лапас авылы), белгили карагашногай шайырдынъ "Дослык" поэмадан (Шамуковлар аьели архивиннен).

Сведения об авторах

Викторин Виктор Михайлович – к.и.н., доцент кафедры восточных языков Астраханского государственного университета;

Грачева Анна Рафиковна – ведущий методист отдела традиционной народной культуры Областной научно-методический центр народной культуры;

Джальмуханбетова Тахира Хамитовна – ветеран этнокультурного движения ногайцев Астраханской области;

Идрисов Эльдар Шамигуллович – к.п.н., доцент кафедры гуманитарных, экономических и управленческих дисциплин, президент АРОО Центр ногайской культуры «Эдиге»;

Ильясов Закиржан Хамзаевич – ветеран этнокультурного движения ногайцев Астраханской области;

Иргалиева Линара Зайдулловна – учитель истории СОШ №28;

Ишмухамбетов Рамиль Валитович – учитель истории СОШ им. А. Джанибекова с. Растопуловка Приволжского района;

Каноква Фатима Юрьевна – доктор искусствоведения, доцент кафедры архитектурного проектирования, дизайна и ДПИ Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова;

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН

Курмансеитова Аминат Хасановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР;

Махсутов Алим Касимович – студент отделения Истории, факультета Письменности Стамбульского Университета;

Мусаев Амир Дамирович – учитель истории Татаробашмаковской СОШ;

Сызранов Андрей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета;

Таналиева (Байрамалиева) Адэля Дамировна – управляющий отделением ООО "Хоум Кредит Банк";

Тельмамбетова Рашида Утемхановна – ветеран этнокультурного движения ногайцев Астраханской области;

Шугаипов Расул Асаевич – заведующий отделом информационных технологий Астраханского областного научно-методического центра народной культуры

Пособие по истории и культуре астраханских ногайцев

Текст печатается в авторской редакции
Автор дизайна обложки - Махмудова Фахрикамал Абдрахмановна

Подписано к печати 15.01.2021.
Отпечатано в типографии ИП Григорян К.В.

Печать электрографическая. Формат А 5 с материала заказчика, 169 стр
тир. №2131 100 экз.